

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

А ЮБИЛЕЙ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
Предчувствуя землю обетованную.....4

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КАРТАШОВ
Светлая душа поколения.
Штрихи к портрету Николая Станкевича...14

Никита БРАГИН
Единство русского народа и его
подтверждение в исторических документах
XVI и XVII веков.....103

ПОЭЗИЯ

Валентин НЕРВИН
По-над городом и судьбой29

Инна ВАРВАРИЦА
Помним гордое имя Советской страны.....54

Пётр ГУЛДЕДАВА
Эскиз, который сделал Бог.....65

Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ
«Господи, дай мне достойно прочесть
покаянный псалом!..»88

Виктор КАШКИН
Меня одарит осень рифмой...100

Валерий БОКАРЁВ
Из цикла «Однажды, на ходу»111

Инесса ИЛЬИНА-ФЁДОРОВА
Звёздной юности тихий уют.....134

Евгений ХАВАНОВ
Пушкин с нами154

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№3-4(49-50) 2023
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 28.12.23.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ J-5578

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

<i>Марина ЗАЙЦЕВА (ГОЛЬБЕРГ)</i> Осенняя нежность.....	161
<i>Тамара ПОТЁМКИНА</i> Все добром кончались сказки.....	176

ПРОЗА

<i>Юрий ПОКЛАД</i> Рассказы.....	34
<i>Михаил ПАК</i> Рассказы.....	69
<i>Галина МАМЫКО</i> Рассказы.....	118
<i>Александр ГАВРИЛОВ</i> Рассказы.....	137
<i>Василий ПОЛЯКОВ</i> Купание красного коня.....	158
<i>Владимир ВЕЩУНОВ</i> Чистый лист на солнечном луче.....	164
<i>Анатолий КАЗАКОВ</i> Рассказы.....	172
<i>Юлия АЛЕКСАНДРОВА</i> Родительское гнездо.....	178
<i>Глеб ОКЕАНОВ</i> Госпожа из Сан-Себастьян.....	181

ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Николай ПЕРНАЙ</i> Всеобщее беспамятство.....	59
<i>Максим ВОРОБЬЕВ</i> Человек и цифровая угроза.....	94

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

<i>Марина ЗАМОТИНА</i> Моя Намибия. Путевые заметки, осень 2023.....	186
--	-----

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Прошедший год обозначил окончательное наступление новой эпохи, разрушил стереотипы, подтвердил реальность перспектив, о которых наш народ явно и втайне давно мечтал. Последние события разбудили дремлющие духовные коды, раскрепостили душевные силы народа, создали условия для сплочения во имя высшего смысла. Россия в противостоянии с вырождающимся западным миром неуклонно восстанавливает своё мессианское значение, проявляя готовность к полному достижению своих целей. Восстановление Русского мира, разобщённого в результате разрушения Советского Союза, происходит последовательно и неуклонно, и необратимость этого процесса уже стала очевидной даже для наших врагов. Вместе с этим происходит глубинное обновление бытийных смыслов, восстановление преемственности русской истории. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...», как писал наш великий поэт и мыслитель Ф.И. Тютчев.

Современной отечественной литературе русского направления и литературам наших братских народов, живущих в России, предстоит вместе создавать новое литературное пространство, свободное от либерального протекционизма, русофобии и антигосударственных интриг, основанное на классической традиции и на принципе духовного единства. Решение этой задачи требует не только таланта, но и мощной несокрушимой воли к победе. Только в сплочении на основе единства целей мы вернём и приумножим утраченное за годы либерального «застоя» в области российской литературы.

С Новым 2024-м годом, дорогие соотечественники!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан
Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2023
© Авторы, 2023

ЮБИЛЕЙ

К 205-летию
Ивана Сергеевича Тургенева

Предчувствуя землю обетованную...

Слово, вынесенное в заглавие романа И.С. Тургенева «Накануне», завораживает какой-то недосказанностью, мерцающей тайной. Название оказывается столь многомерным, что допускает многообразные варианты прочтения и интерпретации произведения. При внешней простоте сюжета внутренний план романа чрезвычайно ёмок. В глубинах его поэтики за внешними, очевидными событиями открываются иные сферы – религиозно-философские, символические, метафизические.

Уже современниками Тургенева была воспринята та сторона символического содержания заглавия романа, появившегося на страницах журнала «Русский вестник» в 1860 г., которая была связана с общественными событиями накануне освободительной реформы. Н.А. Добролюбов в статье «Когда же придёт настоящий день?» истолковал «Накануне» как призыв к освобождению России от «внутренних турок».

Демократическая критика и советское литературоведение трактовали заглавие и содержание романа в социально-политическом плане: Россия «накануне» грядущих общественных сдвигов, реформы 1861 г.; «накануне» появления на русской почве «сознательно-героических натур»; «накануне» обновления, решительного шага, выбора. К настоящему времени достаточно полно исследованы конкретно-исторический и актуальный аспекты произведения. «Елена поставлена перед необходимостью выбора между Инсаровым, Берсеневым и Шубиным. Это как бы молодая Россия с её жаждой деятельного добра, и её герои – люди искусства, отвлечённой науки и гражданского подвига. Выбор Елены решает вопрос о том, кто более нужен России», – в таком ключе трактовало роман советское литературоведение. Следует также упомянуть ещё одного кандидата в «герои», не названного здесь. Это чиновник и делец Егор Курнатовский, числящийся женихом Елены.

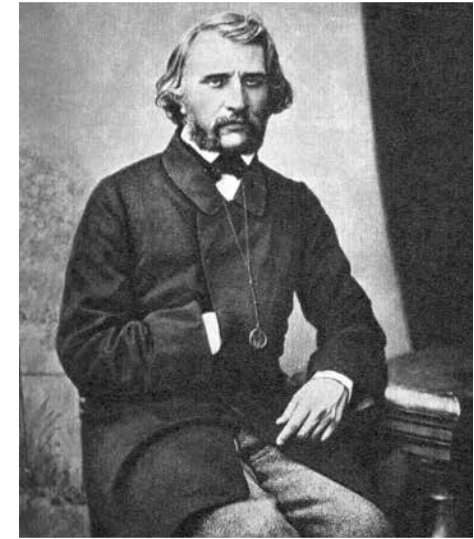
Алла Новикова-
Строганова

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.
Живёт в Орле.

Современные тургенеvedы открыли «особый характер развития трагического начала внутри романного сюжета»; обнаружили «двойной сюжет» «Накануне». «Миры внутри миров: Романы И.С. Тургенева» («Worlds within worlds: Novels of I. Turgenev», 1990) – так назвала свою монографию Джейн Костлоу, внимание которой направлено к сфере «лирической медитации» и «невывказанных эмоций» писателя. Интерпретируя в этом ключе сюжет «Накануне», американская исследовательница истолковала героическую судьбу Инсарова как «неумолимое движение в мир смерти, хаоса, забвения».

С такой позицией нельзя согласиться вполне. Устремлённость героя к смерти – сознательное самопожертвование, желание погибнуть за освобождение родины – не есть «движение к хаосу и забвению». Наоборот, здесь сосредоточено безотчётное стремление обрести цельность и гармонию, не исчезнуть бесследно с лица земли, не быть забытым.

«Вы услышите, может быть... но что бы ни было, забудьте ... нет, не забывайте меня, помните обо мне...» – слова, произнесённые Лизой Калитиной при прощании с Лаврецким в предыдущем тургеневском романе «Дворянское гнездо», звучат как заклинание, как лирическое внушение, и могли бы принадлежать каждому из тургеневских героев, чьи образы формирует эмоционально-лирическая стихия. Здесь вечное стремление человека к счастью и сознание его недостижимости; смирение перед непостижимой тайной бытия и робкая, но неумирающая надежда не раствориться без следа в Неведомом. Прерванная на полуслове речь, глубокая пауза, умолчание, как часто у Тургенева, выразительнее и красноречивее звучащего слова передают скрытый смысл подводного течения текста.

Подобно каждому тургеневскому роману, «Накануне» – это книга о счастье и долге, о любви и расставании, о жизни и смерти. Писатель, исповедующий творческое credo «тайной психологии», останавливается на пороге, на грани, накануне неразрешимой загадки, неразгаданной тайны бытия. В лирико-философских размышлениях Тургенева нарастает мотив вселенского, космического одиночества. «Ужели это всё только в нас, а вне нас вечный холод, безмолвие? Ужели мы одни... одни... а там, повсюду, во всех этих недосыгаемых безднах и глубинах, – всё, всё нам чуждо?» – в тоске вопрошает героиня, и с её мыслями сливается голос автора.

Тургенев напоминает, что люди очень одиноки. Любовь, сильные привязанности, личные и общественные интересы позволяют на время забыть об этом. Но конец земного пути обрывается во мраке: каждый встречает смерть один на один.

Тень смерти с самого начала повествования витает в атмосфере «Накануне», отзываясь даже в шуточных репликах: «Прощайте. Мир моему праху!». Елена осознаёт свои предчувствия: «на душе такой холод и ужас!»; «когда мы говорили с тобой, я, сама не знаю отчего, упомянула о смерти; я и не подозревала тогда, что она нас караулила».

Трагическое мироощущение пронизывает всю художественную ткань романа, начиная с его «философской увертюры» – первого диалога Берсенева и Шубина. Природа, любовь, жизнь и смерть как силы неведомые, неподвластные человеку одновременно страшат и притягивают его: «не всегда природа намекает нам на... любовь. <...> Она также грозит нам; она напоминает о страшных... да, о недоступных тайнах. Не она ли должна поглотить нас, не беспрестанно ли она поглощает нас? В ней и жизнь, и смерть; и смерть в ней так же громко говорит, как и жизнь.

– И в любви жизнь и смерть...».

В таком контексте заглавие «**Накануне**», гипнотически не отпускающее сознание читателя, открывается новым смыслом: «*канун*» – это порог, граница, завеса, стена, о которую бьётся в безумной надежде вырваться из плена человеческая душа, жаждущая воспарить, вознестись от тьмы к свету, от земли к небу.

Неслучайно один из ведущих в романе – излюбленный литературной традицией метафорический образ птицы. У Тургенева это птица-душа, устремлённая в запредельное, – центр лирико-символической системы «**Накануне**». «Её душа, – сказано о Елене, – и разгоралась и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, а клетки не было: никто не стеснял её, никто её не удерживал, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась самой себя... что-то сильное, безымянное, с чем она совладать не умела, так и закипало в ней, так и просилось вырваться наружу. Гроза проходила, опускались усталые, не взлетевшие крылья; но эти порывы не обходились ей даром».

В такие кульминационные моменты напряжения внутренней жизни героини ощущается явственно, как страдает и мечется её душа, ограниченная рамками земного существования. И эта универсальная, будто всеобщая человеческая душа, тоскуя, задаёт извечные вопросы, на которых не дано ответа: «К чему молодость, к чему я живу, зачем у меня душа, зачем всё это?».

Образы грозы и крылатой птицы становятся лейтмотивами художественной организации романа. Так, в Венеции – «умирающем городе» – Елена видит «высоко над водой белую чайку; её, вероятно, вспугнул рыбак, и она летала молча, неровным полётом, как бы высматривая место, где опуститься». Эта пейзажная зарисовка превращается в поэтическое иносказание, неожиданно раскрываясь новой эмоционально-смысловой гранью, когда финал повествования захлестывает волна лирико-философских раздумий автора: «Как же это жизнь так скоро прошла? Как же это смерть так близко надвинулась? Смерть, как рыбак, который поймал рыбу в свою сеть и оставляет её на время в воде: рыба ещё плавает, но сеть на ней, и рыбак выхватит её – когда захочет».

Мотивы и образы этико-эстетической системы «**Накануне**» постоянно перекликаются, взаимоотражаются, обретая новые сверхсмыслы: человеческая душа – птица в клетке, испуганная рыбаком чайка без гнезда, пойманная рыба; неизбежность смерти – рыбак, раскинувший свои сети.

«Рыбак», вспугнувший птицу, не позволил ей долететь до гнезда, и она «сложила крылья – и, как подстреленная, с жалобным криком пала куда-то далеко за тёмный корабль». Не этот ли последний приют и есть настоящее гнездо, ведь – как писала Елена в прощальном письме родным – «смерть всё прикрывает и примиряет, – не правда ли?». Возможно, в этом заключительном падении в пучину, физическом уничтожении и есть избавление от

раскинутой сети, вознесение к истине вечной жизни. Тургеневские образы-символы наполняются не только лирико-философским, но и христианским сверхсмыслом, получают почти дословное подкрепление в образности Священного Писания: «*Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих; сеть расторгнута, и мы избавились*» (Пс. 123:7).

Символизированная образность, представленная в романе, становится устойчивой составляющей художественного мира, созданного писателем; обнаруживается в интертекстуальных связях «**Накануне**» с библейским текстом, с другими тургеневскими произведениями, стихотворениями в прозе «**Без гнезда**», «**Дрозд (I)**», «**Дрозд (II)**», «**Порог**», «**Памяти Ю.П. Вревской**».

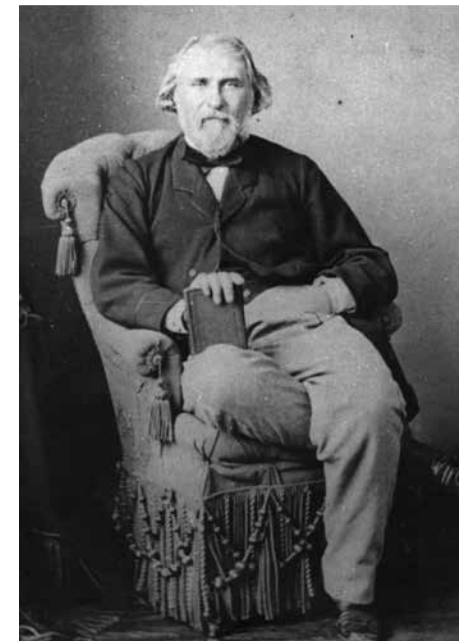
Универсальный мотив человеческой неустроенности, неприютности в земном мире, впоследствии обозначенный Тургеневым художественными формулами «без гнезда», «на краю чужого гнезда», нашёл всестороннее воплощение в романе «**Накануне**».

«Куда я иду? где моё гнездо?» – задавалась вопросами Елена. «Все впечатления резко ложились в её душу; нелегко давалась ей жизнь». Героиня «с детства жаждала деятельности, деятельного добра; нищие, голодные, больные её занимали, тревожили, мучили; она видела их во сне, расспрашивала об них всех своих знакомых; милостыню она подавала заботливо, с невольной важностью, почти с волнением».

Елена не находит высокого смысла и цели жизненного пути среди привычного ей окружения. В обществе не видно героических личностей. По словам Шубина: «Нет ещё у нас никого, нет людей, куда ни посмотри. Всё – либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоеды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, из пустого в порожнее переливатели да палки барабанные!». Вывод художника неутешителен: «Нет, кабы были между ними путные люди, не ушла бы от нас эта девушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, как рыба в воду!».

Скульптор Шубин, называющий себя «мясником», чьё дело – «мясо лепить, плечи, руки, ноги» призывающий занять «своё место в пространстве», быть «телом», неслучайно приходит в отчаяние, не сумев вылепить портрет Елены – «не даётся, как клад в руки». Эта неудача происходит, очевидно, потому, что главное в облике героини не физическое – тело, а метафизическое – душа. Отсюда и невольная метонимия в словах Шубина, укоряющего себя за «гамлетизм»: «неужели же я всё с собой вожусь, когда рядом живёт такая душа?». «Откуда же взялась эта душа у Елены? Кто зажжёт этот огонь?». И впрямь: «Вот опять тебе задача, философ!».

Но одной философией здесь явно не обойтись. К раскрытию тайны не удастся приблизиться без искупительной жертвы – самоотречения, в библейской традиции – *всесожжения*. Ключ к разгадке, несомненно, сокрыт в

заглавии романа, формирующем целый комплекс христианских аллюзий. Ассоциативные связи, образуемые сгущением образно-символических элементов, позволяют обратиться к новому истолкованию романа **«Накануне»**, в заглавии которого сконцентрированы тематическое и символическое начала текста. Отгадка, очевидно, кроется в постижении романа в свете христианской веры.

В православном храме имеется место, именуемое канунник или канун, – столик, на котором стоит Распятие и устроена подставка для свечей. Стол этот называют ещё и жертвенником, где христиане оставляют свои приношения-пожертвования. Перед Распятием на кануне ставят поминальные свечи по душам усопших, служат панихиды, заупокойные богослужения. Главные герои романа – Елена Стахова и Дмитрий Инсаров – сгорают подобно двум жертвенным свечам *на кануне*.

Важно отметить, что графическое начертание заглавия в первом издании романа было именно таким: **«На кануне»**. В автографе титульной страницы тургеневской рукописи название романа также написано как существительное *канун* с предлогом *на*.

«Наша барышня, как свечка тает», – отзываются о Елене. В символизированном контексте романа это сравнение обретает многозначный смысл. Стихия жертвенного огня, испепеляющего пламени интенсивно нарастает по мере движения сюжета. «Какой-то сухой, горячий дым, казалось, наполнял ей <Елене. – А.Н.-С.> голову». Однажды на фоне разгоравшегося, «заалевшего» неба Шубин заметил «две молодые могучие сосны, стоявшие особняком от молодых деревьев». Метафора, бесспорно, соотносится с образами Елены и Инсарова.

Мирские радости, земные удовольствия улечиваются, подобно дыму от жертвенника. Даже в самой смелой по тем временам сцене романа герои не столько наслаждаются близостью, сколько словно сжигают себя: у него «вся кровь зажжена», она «вспыхнула вся».

Недаром одно из толкований имени греческого происхождения Елена – факел. К финалу повествования главные герои, образно говоря, превращаются в два сгорающих факела, при беспрестанном духовном горении отмечая физическое угасание друг в друге.

Задолго до трагической развязки в романе начинают звучать похоронные причитания и плачи, как перед кануном в храме: «Мать причитала над ней, как над мёртвою <...> “Боже мой, болгар, умирающий... скелет скелетом <...> – и она его жена, она его любит...”».

Любовь героев становится своеобразным жертвоприношением. По мысли Тургенева: «Любовь – великое слово, великое чувство», – является духовно соединяющим началом только тогда, когда это «не любовь-наслаждение», а «любовь-жертва».

Тургеневский взгляд, как и в статье **«Гамлет и Дон-Кихот»**, написанной год спустя после создания романа **«Накануне»**, совпадает с истолкованием сущности любви апостолом Павлом: «Всё минется, – сказал апостол, – одна любовь останется».

Этическая проблема любви, счастья и долга поставлена в романе **«Накануне»** особенно остро. Поначалу главным героям романа представляется, что счастье зависит от них самих, что их жизнь будет безоблачной. Призрак несчастья, тень войны, возможность гибели мелькнули лишь на мгновение, но Елена тут же отогнала грозное предостережение: «– Разве умирать вдвоём

тоже не весело? Да нет, зачем умирать? Мы будем жить, мы молоды. <...> Ещё много времени впереди». Знаменательны слова Инсарова: «Наше время не нам принадлежит. <...> А всем, кому в нас нужда».

Как и в романе **«Дворянское гнездо»**, Тургенев показывает, что «счастье зависит не от нас, а от Бога». «Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать», – афористически сформулировал писатель **«Житейское правило»**. «Я искала счастья – и найду, быть может, смерть», – предчувствует Елена после кончины мужа. Человек не властен над вечными универсальными стихиями бытия, природы, любви, жизни и смерти, поэтому, с авторской точки зрения, «поставить себя номером вторым – всё назначение нашей жизни».

Это утверждение согласуется с учением Христа о «первых и последних»: *«будут последние первыми, и первые последними»* (Мф. 19:30).

В письме от 10 (22) июня 1856 г. к графине Е.Е. Ламберт писатель признавался: «Я не рассчитываю более на счастье для себя, т.е. на счастье в том опять-таки тревожном смысле, в котором оно принимается молодыми сердцами; нечего думать о цветах, когда пора цветения прошла. Дай Бог, чтобы плод по крайней мере был какой-нибудь – а эти напрасные порывания назад могут только помешать его созреванию. Должно учиться у природы её правильному и спокойному ходу, её смирению».

Природа, само сложение жизни обучают человека смирению и терпению. На первый план выдвигается мотив жертвенного служения долгу – христианскому, нравственному, патриотическому. Любовь пребывает в одном ряду с такими «соединяющими словами», как «родина, наука, свобода, справедливость».

Так, Елена клятвенно обещает Инсарову: «Мы пойдём вместе, я пойду за тобой... Это мой долг. Я тебя люблю... другого долга я не знаю». Она готова не просто безоглядно следовать за своим избранником, но и отдать себя на служение его делу.

Подобно Елене, безымянная героиня тургеневского стихотворения в прозе **«Порог»** (1878) также стоит *«на кануне»*, *на пороге* новой жизни, *на грани*, отделяющей привычное существование от жертвенного служения и подвига.

По мере развития действия огненная энергия романа **«Накануне»** всё более сгущается, концентрируется. У Инсарова при одной мысли об освобождении Болгарии от турецкого владычества, «при одном упоминении его родины <...> в глубине глаз загорелся какой-то глухой, неугасимый огонь». Огонь разгорается и внутри: «душа его загорелась», – и снаружи: «гроза росла, слышалось уже веяние близкой, неминуемой войны. Кругом занимался пожар, и никто не мог предвидеть, куда он пойдёт, где остановится».

С филигранным мастерством разрабатывает Тургенев поэтику психологических примет и символизированных образов, доводя их до логического завершения и оставляя в то же время некий необъяснимый, иррациональный план. Так, вначале горячо разгоравшееся «пламя», бушующий «пожар» обращаются в «тускло горевшую» свечку, а затем она и вовсе погашена.

Огонь в символично-поэтическом контексте становится одной из опорных точек универсально-философской структуры романа. В конечном итоге это метафора самой жизни, на огненный жертвенник которой возложено человеческое существование. Эта мысль подкрепляется также пейзажными зарисовками – картинами летней природы, в которых доминирует палящее, испепеляющее начало, связующее жизнь и смерть.

По Тургеневу, таинственной силе любви, как таинству жизни и смерти, не может противостоять человек. Он становится жертвой неведомых стихий. Но «сознательно-героические натуры» жертву приносят сознательно.

Для Инсарова родина – святыня: «люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на земле? Что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить после Бога?» – риторически восклицает герой. Он рассказывает Елене о православной Болгарии, оккупированной турками, с глубокой душевной болью: «Я уверен, вы полюбите нас: вы всех притеснённых любите. Если бы вы знали, какой наш край благодатный! А между тем его топчут, его терзают <...> – у нас всё отняли, всё: наши церкви, наши права, наши земли». Инсарову мало слов о любви к родине: «Вот когда кто-нибудь из нас умрёт за неё, тогда можно будет сказать, что он её любил». Из дневника Елены мы узнаём о герое, что «он уже был приговорён к смерти, что он едва спасся, что его изранили». Героическая личность Инсарова известна в Болгарии, на родине полагаются на него: «Его уже давно ждали; на него надеялись».

Второй скульптурный портрет Инсарова работы Шубина, где «молодой болгар был представлен бараном, поднявшимся на задние ножки и склоняющим рога для удара», – не только ревнивый шарж. Эту скульптуру в символично-смысловом поле романа можно рассматривать как изображение жертвенного животного – овна в стаде «овец тонкорунных» – или той ритуальной жертвы, о которой говорится в Псалмах: «возложат на алтарь Твой тельцы» (Пс. 50:21); «за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обречённых на заклание» (Пс. 43:23). Подтверждение – в словах Инсарова: «Как стадо гоняют нас поганые турки, нас режут».

До сих пор в Болгарии сохраняют и продолжают «традицию подчеркнуто уважительного, даже восторженного отношения <...> к роману Тургенева». Вполне объяснима «сердечная приязнь именно к этому произведению великого мастера, хотя бы на одном-единственном основании: «Накануне» – одно из немногих произведений мировой литературы, в котором на передний план выдвинут герой-болгарин, а болгарская тема является главной, книгопорождающей», – отмечает болгарский исследователь Э. Димитров.

В любви, неотделимой от долга, обнаруживается не только смелость, но и стремительность решительной натуры Елены. Отважная героиня готова следовать за своим избранником и на край света, и на поле битвы.

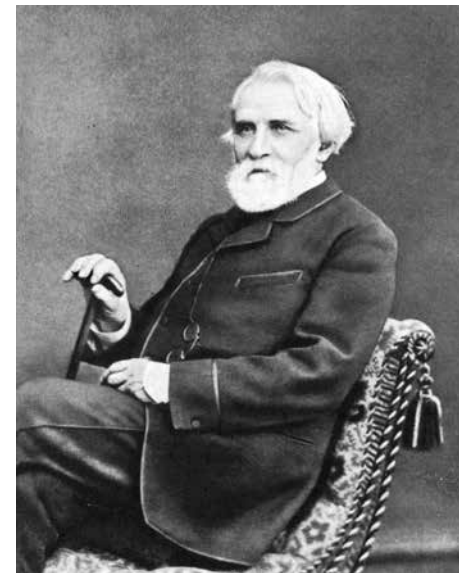
В своё время нищенка-ворожея, прозревая судьбу, произнесла необычные слова, изумившие Елену: «попался тебе человек хороший, не ветреник, ты уже держись одного; крепче смерти держись. Уж быть, так быть, а не быть, видно, Богу так угодно». Вот она и держится до конца, сознательно восходя на свой жертвенник, на свой канун, на порог, как и духовно близкая ей безымянная героиня стихотворения в прозе «Порог», которое стало перифразой любовного объяснения Елены и Инсарова. Героиня «Порога» также отвечала на все предостережения: «Знаю и это. И всё-таки я хочу войти».

В другом своём стихотворении в прозе – «Памяти Ю.П. Вревской», – по смыслу близком роману «Накануне» и прозаическому стихотворению «Порог», Тургенев пишет: «Жертва принесена... дело сделано».

«С Богом, в дальнюю дорогу», – пробует запеть Шубин при расставании с Еленой и Инсаровым. Символично, что это первый стих «Похоронной песни Иакинфа Маглановича» из «Песен западных славян» Пушкина. Но, замечает всеведущий автор: «Грешно петь там, где лежит покойник», – и эта

ремарка предваряет судьбу героев, отъезжающих на войну.

Инсаров умирает по дороге в Болгарию. Со смертью мужа гибнут все надежды Елены на личное счастье, но не умирает любовь-долг: «Я не знаю, что со мною будет, но я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни». Из письма героини родным мы узнаём, что из Италии она сопровождает тело мужа, чтобы похоронить его на родине, которая становится родиной и для самой Елены: «уже мне нет другой родины, кроме родины Д. Там готовится восстание, собираются на войну; я пойду в сёстры милосердия; буду ходить за больными, ранеными».

Дальнейшая участь Елены неизвестна. Конкретизация её судьбы обнаруживается, предположительно, в элегических раздумьях стихотворения в прозе «Памяти Ю.П. Вревской»: «На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный госпиталь, в разорённой болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа. Она была в беспомощности – и ни один врач даже не взглянул на неё; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока ещё могла держаться на ногах, поочерёдно поднимались с своих заражённых логовищ, чтобы поднести к её запёкшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка». Очевидец вспоминал, что могилу Вревской – сестре Юлии – «копали раненые, за которыми она ухаживала, и они же несли её гроб, не дали никому». Героическим натурам адресованы строки стихотворения в прозе «Дрозд (II)»: «Они гибнут без ропота; их губят без раскаяния; они себя не жалеют, не жалеют и о них...». «Да и стоит ли горевать и томиться, и думать о самом себе, когда уже кругом, со всех сторон разлиты те холодные волны, которые не сегодня-завтра увлекут меня в безбрежный океан?» – читаем в финале стихотворения «Дрозд (I)».

«У Тургенева метафизическое одиночество человека, его обречённость на мгновенное существование и потом вечное растворение в бездушном ничто не исключает, а только обостряет величие человеческой личности, осознавшей в себе духовную сущность любви и самоотдания», – отмечалось идеологами советского тургеневедения.

Однако напротив – осознание своей духовной сущности приводит человека не к маниакальному обострению собственного «величия», но к покаянию и смирению в Боге – в преддверии жизни вечной, а не в перспективе «растворения в бездушном ничто»; ведёт к ощущению какой-то непостижимой вины: «Но я подумала: за что же я буду наказана? Какой долг я преступила, против чего согрешила я?».

Герои «Накануне» признают и вину постижимую: «не грешно ли, не безумно ли мне, мне, бездомному, одинокому, увлекать тебя с собою... И куда же!» – делится своими сомнениями с Еленой Инсаров. Он готов и к возмездию свыше: «Так пусть же Бог накажет меня, <...> если я делаю дурное дело! С

нынешнего дня мы соединены навек!». Героиню также не покидает чувство вины: «может быть, я против тебя виновата? Я тебе помешаю, я остановлю тебя...».

Сама Елена предполагает в себе «грешницу»: «Может быть, я большая грешница; может быть, оттого мне грустно, оттого мне нет покоя. Какая-то рука лежит на мне и давит меня». Трагическая сторона духовной жизни героини проявляется и в том, что Елена готова бросить вызов судьбе, дерзает укорять Бога: «самые молитвы не раз мешались с укором».

Как найти выход из подстерегающей человека трагедии? Тургенев стоит на пути к преодолению с христианских позиций трагического ощущения вселенского одиночества, космического пессимизма. Автор романа ведёт читателя к христианскому миропониманию.

Ветхая часовенка, где происходит объяснение Елены и Инсарова; образок, который вместе с родительским благословением отец Елены подарил ей, послушнице, на прощание; навеянные её сном «высокие белые башни с серебряными главами <...> это Соловецкий монастырь»; мечты «жить на *всей Божьей воле*»; Христова милостыня – все эти говорящие детали, мотивы, образы становятся знаками-символами, деликатно вводящими в подтекст повествования христианские душевспасительные идеалы.

Внутренний голос подсказывает Елене: «я мало молюсь; надо молиться...». В этой «жажде и радости молитвы» – как общения души с Богом, творения с Творцом – человек способен обрести «успокоительное сознание прочного убежища, неизменной защиты, бессмертного покровительства».

Но жаркие молитвы рождаются в героине только на краю «бездны», а затем и вовсе замирают: «она опустила на колени, но молиться не могла. В её душе не было упреков; она не дерзала вопрошать Бога, зачем не пощадил, не пожалел, не сберёг, зачем наказал свыше вины, если и была вина? <...> Елена молиться не могла: она окаменела».

Это окаменение не равнозначно тому душевному состоянию, в котором Господь укорял учеников, неспособных уверовать во всемогущество Христа, не постигающих чудес Божьих: «*ещё ли не понимаете и не разумеете, ещё ли окаменено у вас сердце?*» (Мк. 8:17). «Окамененное нечувствие» – ожесточение или непроницаемость сердца, которое не может уразуметь духовное, святое, не способно полностью положиться на волю Божию, довериться Христу. От такого сердца отдалается благодать. Окаменевшие сердца неспособны к истинному покаянию, бесчувственны к Божьей правде, ко всему святому, возвышенному и подлинно героическому, ради чего только и стоит жить, и, если потребуется, пострадать и отдать жизнь свою. Христос учит: «*где сокровище ваше, там будет и сердце ваше*» (Мф. 6:21). Сердце Елены отдано патристическому долгу, самоотверженному служению людям, выступившим за христианскую веру, за освобождение родной земли от поругания иноверцами.

Божью волю героиня приняла со смирением: «Ведь это было небо... а мы люди, бедные, грешные люди...». И как последнее прозрение: «Видно, так следовало; видно, была вина...».

Тургенев в романе «Накануне» размышлял: «Каждый из нас виноват уже тем, что живёт, и нет такого великого мыслителя, нет такого благодетеля человечества, который в силу пользы, им приносимой, мог бы надеяться на то, что имеет право жить».

В 50-м – покаянном – Псалме Давида содержится горячая молитва к Богу о прощении грехов, выражены чувства глубоко раскаявшегося человека:

«Жертва Богу – дух сокрушен; сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижит. <...> благоволиши жертву правды, возношение и всесожигаемая; тогда возложат на алтарь Твой тельцы» (Пс. 50:19–21). *«Приносите жертвы правды и уповайте на Господа»* (Пс. 4:6), – взывает псалмопевец.

Герои романа «Накануне» «вознесли» свои «жертвы правды», сожгли себя на поминальном кануне собственной жизни и смерти, словно предчувствуя «землю обетованную» в Господе. Любить же Бога «*всем сердцем*» и ближнего, «*как самого себя*», по слову Христа, «*есть больше всех всесожженных и жертв*» (Мк. 12:33).

Так общая религиозно-философская направленность «Накануне», лирико-символические образы и обобщения, христианские аллюзии допускают возможность соединения художественного текста с евангельским контекстом, уводят в безграничные духовно-смысловые глубины.

Светлая душа поколения

Штрихи к портрету
Николая Станкевича

Трагедия случилась короткой июньской ночью 1840 года в маленьком итальянском городке Нови-Лигура, при котором в 1799 году российско-австрийские войска под командованием Александра Суворова наголову разгромили французскую армию Наполеона Бонапарта. В гостиничном номере умер гость, остановившийся в нём накануне вечером. Это был совсем молодой человек, лет двадцати семи.

– Russo (итал. – русский), russo, – вполголоса передавали друг другу страшную новость служители и постояльцы отеля, узнав утром о смерти приезжего.

Действительно, это был русский. Он умер, как установили прибывшие на место доктор и полицейские, своей смертью. Звали усопшего Николай Владимирович Станкевич. Однако имя покойного ни постояльцам отеля, ни жителям города ровным счётом ничего не говорило. Для них этот красивый, с длинными чёрными вьющимися волосами юноша был всего лишь иностранцем из далёкой и холодной России.

Временно, до отправки на родину, Станкевича похоронили в Генуе. Заботы о его погребении взяли на себя сопровождавшие его в поездке по Италии студенческий друг Александр Ефремов и возлюбленная Станкевича Варвара Бакунина. А в Берлин, где проживала большая русская диаспора, и в Россию с первыми же почтовыми каретами ушли письма с печальным известием.

«В Нови, городке, миль 40 от Генуи, по дороге в Милан, в ночь с 24 на 25 (июня – Н.К.) умер Станкевич, – с горечью писал Ефремов. – Он ехал в Комо. Не знаю, что писать, голова идёт кругом, хаос...»

«Нас постигло великое несчастье... Едва могу я собраться с силами писать. Мы потеряли человека, которого мы любили и в которого мы

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Живёт в Москве.

верили, кто был нашей гордостью и надеждой... Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю? Кто достойный примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст погибнуть его влиянию, будет идти по его дороге, в его духе, с его силой?..»

Эти строки написал из Берлина Иван Тургенев, встречавшийся со Станкевичем незадолго до его смерти.

Кто же такой Николай Владимирович Станкевич? Если спросить людей образованных, хорошо знакомых с литературой, философией и культурой XIX века, отвечают: «Станкевич? Как же, как же: глава знаменитого московского литературно-философского кружка, в который входили Виссарион Белинский, Тимофей Грановский, Константин Аксаков, Михаил Бакунин, Иван Тургенев... Их имена и по сей день составляют гордость нашей словесности и культуры. После себя Станкевич оставил свою знаменитую “Переписку” – настоящее сокровище раздумий о Родине, литературе, искусстве и религии, высокую оценку которой дал Лев Толстой. А ещё, благодаря Станкевичу, Россия узнала Алексея Кольцова – замечательного поэта земли русской».

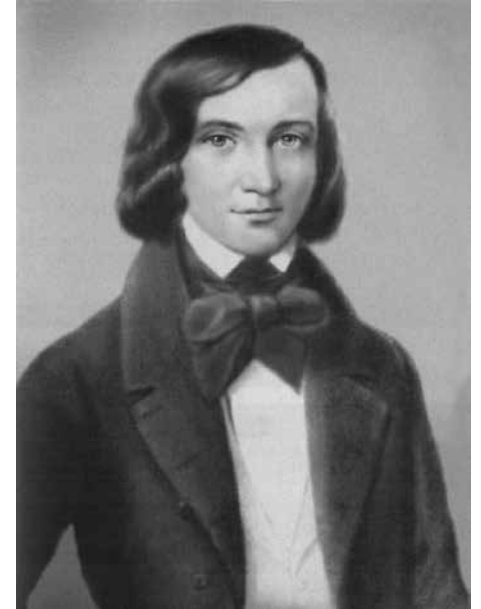
...Николай Владимирович Станкевич родился 27 сентября (по новому стилю 9 октября) 1813 года в городе Острогжске Воронежской губернии. Однако «колыбелью» для всей последующей жизни Станкевича стало село Удеревка, где находилось имение его отца, отставного поручика Владимира Ивановича Станкевича.

Дом Станкевичей стоял на высокой меловой горе, с которой открывался прекрасный вид на речку с тёплым названием Тихая Сосна. Под горой, вдоль реки, волнистой лентой тянулась небольшая малороссийская деревенька, тонущая в вишнёвых и грушевых садах, с аккуратно выбеленными хатами под камышовыми и соломенными крышами. В обеденные и вечерние часы из-за плетней, обросших шиповником и крапивой, тянулись шлейфами ароматные запахи кулеца, борща, вареников, галушек со свиным салом...

В деревеньке в ту пору ещё можно было встретить смуглых хлопцев с подбривыми висками и длинными усами, в высоких бараньих шапках и с люльками в зубах. Женский пол тоже сохранял традиции предков. Девушки были одеты в пёстрые плахты. Но особый колорит придавала живая и певучая малороссийская речь, которая доносилась из-за плетней селян: «Так як же тому буты, щоб наша Катря була тоби жинкою? Чи вона ж тоби пара?» Или: «Маты, а ты бачила молодого паньча? Вин такой гарный!»

Николенька, как его все называли, был любимцем не только родителей, младших братьев и сестёр, но и всей дворовой прислуги. Это был мальчик весёлый, здоровый, общительный и необычно резвый.

Однажды, стоя на балконе удеревского дома, он увидел внизу отца, который задумчиво беседовал на крыльце с почтенным купцом, обладавшим

Станкевич Н.В.

лысиной необыкновенного размера. Лысина эта тут же привлекла внимание Николеньки, и он никак не мог удержаться от соблазна плюнуть на неё сверху, что вскоре и исполнил к ужасу купца и к огромному удивлению отца.

В другой раз резвость непоседливого паныча обернулась трагедией – сгорел родительский дом, а по некоторым сведениям, даже вся деревня. Пожар случился в жаркий июльский день, когда Николенька, стреляя из детского ружья, попал в соломенную крышу дома. Попавшая искра тлела незаметно и, вспыхнув, быстро охватила пламенем весь дом, который в одночасье сгорел дотла. Целый день не могли отыскать мальчика: он убежал в соседнюю рощу и собирался там остаться жить как дикий человек.

Николенька рано выучился читать. Чтение стало его первой страстью с самых ранних дней детства. Сняв книгу с полки домашней библиотеки, он, бывало, запоем прочитывал её, стоя на коленях перед шкафом. Книжки были разные – это сказки о Еруслане Лазаревиче и Бове Королевиче, стихи Державина, Озерова, Хераскова.

Когда Николеньке исполнилось девять лет, отец определил его в уездное училище, которое находилось в Острогожске. В сравнении со многими уездными городами Острогожск жил полнокровной духовной и общественной жизнью. Недаром в губернии его возвышенно величали «Воронежскими Афинами».

Уроженец Удеревки, а впоследствии академик российской словесности и автор знаменитого «Дневника» Александр Васильевич Никитенко вспоминал: «Замечательный город был в то время Острогожск. На расстоянии многих вёрст от столицы, в степной глуши, он проявлял жизненную деятельность, какой тщетно было бы тогда искать в гораздо более обширных и лучше расположенных центрах Российской империи».

В этом «замечательном городе» и там, где, по словам будущего декабриста Кондратия Фёдоровича Рылеева, «волны Острогочи в Сосну Тихую влились», начались ученические годы Николеньки Станкевича. Впоследствии он тоже не раз добрым словом вспоминал Острогожск.

Учёба Николеньке давалась легко. Математику, грамматику, Закон Божий, иностранные языки, другие предметы он осваивал быстрее и лучше своих сверстников.

В архиве сохранилась ведомость об учениках первого и второго классов Острогожского уездного училища, составленная штатным смотрителем Фёдором Ферронским. В ней записано, что Николай Станкевич поступил в училище 2 августа 1822 года. Там же есть графа: способности учеников. Против фамилии Станкевича стоит оценка «остр». Это самая высокая из оценок. Она означала, что ученик очень способен, легко и быстро усваивает материал. Из двадцати мальчиков первого класса, вместе с которыми учился Николай, только два имели высшую оценку «остр», один – «очень понятен», пять – «понятен», шесть – «способен», один – «средствен», два – «слаб» и три – «туп».

Поведение Станкевича также отмечено высшей оценкой «благонравен», которая, надо заметить, не имела тогда никакого политического оттенка. Необычные оценки по поведению были выставлены другим ученикам: «похвальнаго», «хорош», «честнаго», «тих», «изряднаго», «средствен», «нехудого», «недурного», – ими учитель хотел показать различие в поведении своих подопечных.

Училище Станкевич окончил с отличием, получив за свои успехи похвальный лист. Дальнейшим местом его учёбы стал Воронежский благородный пансион.

Известный историк Н.И. Костомаров, учившийся в том же пансионе, писал в своей «Автобиографии»: «В числе моих соучеников был Станкевич, оставивший по себе самую добрую память во всех, знавших его, и в особенности в кругу своих товарищей, на которых он оказывал громадное влияние своей симпатичной и честной личностью и недюжинным умом».

По словам первого биографа Станкевича П.В. Анненкова, в то время юноша прочёл всех классиков и проявил «признаки неутолимой жажды к поэзии, обнаружившейся страстью к стихотворчеству».

О его огромном стремлении к поэзии свидетельствует в «Воспоминаниях» и сестра Александра, вышедшая впоследствии замуж за сына великого русского актёра М.С. Щепкина: «В Воронежском пансионе писал он свои юношеские стихотворения». Сам же Станкевич позже рассказывал: «В 17 лет я ещё бродил в неопределённости; если думал о жизни и о своём назначении, то ещё больше думал о своих стихах».

Неслучайно поэтическая муза часто посещает Станкевича. А стихи, выходявшие из-под его пера, наполнены романтизмом, мыслями об Отечестве, переживаниями о первой любви. Для многих поэтических строк юного Станкевича характерны лиризм, красота найденных образов. Вот строки из стихотворения «Луна»:

*Как бы стыдливая краса
Сребристым облаком прикрыта,
Луна возшла на небеса:
Земля сиянием облита.
И дочь счастливая небес,
На светло-яхонтовом лоне,
В огнисто-золотой короне
Течёт, златит и дол, и лес,
Блестящей свитой окружённа.*

Свои стихотворения он читает однокашникам в минуты отдыха. Они – первые и самые искренние судьи его поэтических опытов. А на одном из литературных вечеров, где пятнадцатилетний поэт прочитал несколько своих новых стихотворений, содержатель пансиона не удержался от восторженных эпитетов:

– Славные стихи! У вас, юноша, талант!.. Да, да! Продолжайте писать, продолжайте...

В ряде стихов Станкевича воронежского цикла звучат искренние мотивы любви к Отечеству. Молодой поэт воспеваёт подвиг русского народа. Особенно ярко это проявляется в стихотворении «Надпись к памятнику Пожарского и Минина»:

*Сыны отечества, кем хищный враг погран,
Вы русский трон спасли, – вам слава достоянье!
Вам лучший памятник – признательность граждан,
Вам монумент – Руси святой существованье!*

Как и всякий юноша, Николай в тот период испытал волнения и тревоги первой любви. Появляются стихи, полные тёплых чувств и, наоборот, беспокойных разочарований:

*Теперь... прости! Прости навек!
Любви мне тяжко вспоминанье!
Не вырвешь более признанья;
Но сердца горестный упрек
Тебе напомнит лишь заставил
О том, что было... Полно! Я
Свой жребий небу предоставил...
Прости! Ты больше не моя!..*

Тогда же юноша, а ему шёл семнадцатый год, создаёт одно из своих крупных и значительных произведений – трагедию «Василий Шуйский». Её первые главы начала публиковать «Бабочка» в марте 1830 года. «Василий Шуйский» написан в стиле, близком к героико-патриотической трагедии начала XIX века. На этом произведении ещё лежит печать классицистической драматургии, но в то же время оно не лишено новых начал, свойственных вольнолюбивой манере письма поэтов-декабристов.

В основу трагедии Станкевич положил исторические события начала XVII века, подробно описанные Н.М. Карамзиным в «Истории государства Российского». В своём произведении поэт показывает заговор коварного и властолюбивого Дмитрия Шуйского против умного и талантливое полководца Михаила Скопина-Шуйского и самого царя – Василия Шуйского.

Полностью трагедия в пяти действиях «Василий Шуйский» вышла отдельным изданием в первой половине 1830 года в московской типографии Августа Семёна при Императорской Медико-хирургической академии. Литературная критика вполне доброжелательно приняла произведение молодого автора, о чём свидетельствуют сочувственные отзывы в ряде московских и петербургских изданий. «Литературная газета» в номере от 30 июля 1830 года под рубрикой «Русские книги» писала, что стихи в пьесе «везде хороши, чувств много и две-три сцены счастливо изображены».

Одно время некоторые исследователи считали, что автором статьи был не кто иной, как сам Александр Пушкин. Правда, последние литературные исследования это не подтверждают. Рецензия была написана редактором «Литературной газеты» А.А. Дельвигом – поэтом и критиком, другом Пушкина ещё с лицейской поры.

Однако Пушкин знал о молодом поэте Станкевиче, стихи которого публиковались в «Литературной газете». Более близко с творчеством Станкевича Пушкин познакомился, когда выступил в роли издателя и редактора литературного альманаха «Северные цветы» на 1832 год. В альманахе он поместил два стихотворения Станкевича «Песнь духов над водами» и «Бой часов на Спасской башне».

Но вернёмся вновь в Воронеж. В свободное от учёбы время Николай часто бывал в тамошнем театре – месте, где собирались по вечерам зрители разных сословий и возрастов. На его сцене тогда ставились пьесы как русских, так и зарубежных авторов, в том числе А.П. Сумарокова («Дмитрий Самозванец», «Синав и Трувор»), А.И. Клушина («Алхимист»), Вольтера («Магомет»)...

Посещения театра пробудили в душе юноши чувство восхищения искусством, помогли ему впоследствии сформулировать важный принцип: «Искусство делается для меня божеством!.. Вот мир, в котором человек должен жить!.. Вот благородная среда, в которой он должен поселиться, чтобы быть достойным себя! Вот огонь, которым он должен согреть и очищать душу!» Нет сомнения, что благодатный огонь любви к прекрасному, который

зажёгся в ту пору в сердце Станкевича, помог ему впоследствии профессионально оценивать игру артистов. Причём таких актёров, как М.С. Щепкин, П.С. Мочалов, В.А. Каратыгин...

Станкевич и сам обладал недюжинными актёрскими способностями. Часто, приехав в родную Удеревку, он устраивал домашние спектакли, вовлекая в них своих младших сестёр и братьев. Зрители, а ими были родители и соседи-помещики, награждали его бурными аплодисментами и неизменно считали лучшим исполнителем заглавных ролей. Роли у него были разные. То он играл старика-мельника, то колдуна, то сумасшедшего...

Много ещё интересных и любопытных страниц можно отыскать в биографии Станкевича в дни его жизни в Воронеже. Все они по-своему увлекательны.

Но пришёл черед обратиться, пожалуй, к самой волнующей из них.

В «Былом и думах» А.И. Герцена читаем: «В Воронеже Станкевич захаживал иногда в единственную тамошнюю библиотеку за книгами. Там он встречал бедного молодого человека простого звания, скромного, печального. Оказалось, что это сын прасола, имевшего дела с отцом Станкевича по поставкам. Он приглубил молодого человека; сын прасола был большой начётчик и любил поговорить о книгах. Станкевич сблизился с ним. Застенчиво и боязливо признался юноша, что он и сам пробовал писать стихи, и, краснея, решился их показать. Станкевич обомлел перед громадным талантом, не сознающим себя, не уверенным в себе. С этой минуты он его не выпускал из рук до тех пор, пока вся Россия с восторгом перечитывала песни Кольцова. Весьма может быть, что бедный прасол, теснимый родными, не отогретый никаким участием, ничьим признанием, изошёл бы своими песнями в пустых степях заволжских, через которые он гонял свои гурты, и Россия не услышала бы этих чудных, кровно-родных песен, если б на его пути не стоял Станкевич».

Это одна из многочисленных версий знакомства двух славных сынов земли российской. Вот следующая. «Брат мой Николай до поступления в университет воспитывался в Воронеже, в пансионе Павла Кондратьевича Фёдорова, – рассказывал в одном из писем Александр Владимирович Станкевич. – Ещё во время своего последнего пребывания там он познакомился с молодым Кольцовым. Поэзия тогда сильно занимала брата, а о молодом поэте он мог узнать у воронежского книгопродавца (Кашкина, если не ошибаюсь), да Кольцов и сам бывал в пансионе иногда, так как, помнится, он ставил Фёдорову дрова».

Януарий Михайлович Неверов, друг Станкевича, пишет об их знакомстве совсем иначе: «Станкевич сообщил мне о своём знакомстве с Кольцовым, которое произошло следующим образом: отец Станкевича имел винокуренный завод, куда местные торговцы скотом (прасолы) пригоняли свой скот... Однажды, ложась спать, он долго не мог найти своего камердинера, и когда последний явился, то, на замечание Станкевича, привёл такое оправдание, что вновь прибывший прасол Кольцов за ужином читал им такие песни, что они все заслушались и не могли от него отстать, и при этом сказал несколько оставшихся у него в памяти куплетов, которые и на Станкевича произвели такое впечатление, что он пожелал лично узнать от Кольцова, откуда он достал такие прекрасные стихи. На другой день он пригласил его к себе и, к удивлению своему, узнал, что автор этих стихов сам Кольцов...»

Таковы лишь некоторые документальные и художественные свидетельства о встрече этих двух замечательных личностей. И, думается, не столь принципиально, где состоялось знакомство Станкевича и Кольцова: в воронежской книжной лавке или в имении Станкевича. Гораздо важнее значение самой встречи. Без всякого преувеличения можно сделать вывод: оно неопределимо. И неопределимо уже хотя бы потому, что благодаря Станкевичу Россия обрела настоящего народного поэта.

Забегая вперёд, скажем, что в январе 1831 года на страницах «Литературной газеты» было опубликовано стихотворение Алексея Кольцова «Перстень» (более позднее название – «Кольцо») с предисловием Станкевича. Приведём этот текст: *«Вот стихотворение самородного поэта, г. Кольцова. Он воронежский мещанин, и ему не более двадцати лет от роду; нигде не учился и, занятый торговыми делами по поручению отца, пишет часто дорогою, ночью, сидя верхом на лошади. Познакомьте читателей “Литературной газеты” с его талантом. Н. С – ч».*

*Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.*

*Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.*

Именно с этого стихотворения начался путь Кольцова в большую поэзию. В дальнейшем на деньги Станкевича был издан и первый сборник поэта-самородка. Книга была напечатана в Москве в типографии Н. Степанова, называлась просто «Стихотворения Алексея Кольцова». Издание было осуществлено при непосредственном участии Станкевича, в том числе и на его деньги. В сборник он включил стихотворения «Не шуми ты, рожь», «Удалец» («Мне ли, молодцу разудалому...»), «Люди добрые, скажите...», «Песня пахаря» («Ну! тащися, сивка...»), «Ты не пой, соловей...», другие, которые и по сей день остаются подлинными поэтическими и песенными шедеврами.

Через всю свою короткую жизнь пронёс Кольцов нежность и уважение к своему другу, умному, доброму учителю и идейному наставнику. За год до своей смерти Кольцов написал Белинскому: «Если литература дала мне что-нибудь, то именно вот что: я видел Пушкина, жил долго с Сребрянским, видел Станкевича...». Нет сомнения, что Кольцов назвал имена самых близких для себя людей, которых искренне и горячо любил.

Но вновь вернёмся опять в Воронеж. За время учёбы в благородном пансионе Станкевич заметно повзрослел и, естественно, многое приобрёл. К основным итогам почти пятилетнего пребывания Станкевича в пансионе, включая успешную учёбу, необходимо отнести также то, что получит в его последующей жизни и деятельности дальнейшее развитие. По словам Анненкова, это – признаки глубокой религиозности, запавшей в душу его и уже никогда не покидавшей её; признаки нежного сердца, рано открывшегося для ощущений дружбы и любви; наконец, признаки неутолимой жажды к поэзии, обнаружившейся страстью к стихотворству.

В начале мая 1830 года Станкевич отправляет своим родным письмо, где с радостью сообщает о том, что курс наук он «успешно прошёл и во всех имеет

отличные сведения». Теперь его цель – поступить в Московский императорский университет на словесный факультет.

14 июля того же года датировано прошение Станкевича в правление университета о допуске его к экзаменам. Вскоре знания «в языках и науках, требуемых от вступающего в университет в звании слушателя» выпускника Воронежского благородного пансиона Николая Станкевича, получили на вступительных экзаменах самые высокие оценки, и он был зачислен в университет своекоштным студентом.

Станкевич поселился на Большой Дмитровке, неподалёку от университета, в доме профессора Михаила Григорьевича Павлова. Там ему предоставили небольшую комнату для проживания и занятий. Одновременно он пользовался общим столом с семейством профессора.

Учёба Станкевичу не доставляла проблем. Он почти не испытывал трудностей при изучении наук. Повезло ему и на учителей. Тогда на всех отделениях, в том числе и на словесном, лекции читали видные профессора М.Т. Каченовский, М.П. Погодин, Н.И. Надеждин, М.Г. Павлов, С.П. Шевырём...

Несмотря на занятость учёбой, Станкевич продолжает писать стихи и публиковать их в «Библиотеке для чтения», «Молве», «Атенее», «Литературной газете». В своих произведениях Станкевич выступает как романтик, в его поэзии сильно влияние немецкого романтизма, особенно Гёте.

Из-под его пера выходит ряд патриотических, философских и лирических стихотворений. Вчитываясь в них, можно ощутить и время, их породившее, и существенные, значимые черты духовного облика человека, их написавшего. Вот строки из стихотворения «Кремль»:

*Склони чело, России верный сын!
Бессмертный Кремль стоит перед тобою:
Он в бурях возмужал и, рока властелин,
Собрав века над древнею главою,
Возвысился, могуч, неколебим.*

Патриотические мотивы, гордость за своё Отечество, желание служить ему звучат у поэта также в стихотворениях «Желание славы», «Бой часов на Спасской башне».

Из-за своей скромности Станкевич большинство своих стихотворений подписывал криптонимной подписью «Н. С – ч». Только близкие друзья и родители знали, кто скрывается за ней.

Во время учёбы в университете Станкевич обрёл большой круг друзей. Даже непросвещённому читателю имена этих людей должны быть и сегодня хорошо известны. Они – на обложках книг, в учебниках истории, философии и литературы, в названиях улиц и площадей, учебных заведений и библиотек... И какие имена! Поэты Михаил Лермонтов, Николай Огарёв, Василий Красов, Константин Аксаков, Иван Ключников, писатели Иван Гончаров, Александр Герцен, Иван Тургенев, литературный критик Виссарион Белинский, педагог Януарий Неверов, публицист Василий Боткин, славист Осип Бодянский, филолог-санскритолог Каэтан Коссович, переводчик Николай Кетчер...

Со многими из этих людей Станкевича связала крепкая дружба, верность которой он и его однокашники сохранили на всю жизнь. В «Переписке» Станкевича многократно находим слова о том, что он живёт для дружбы и искусства и не видит возможности какой-либо другой жизни для себя. Потребность

передать другому всё богатство собственного сердца, всю личную способность к любви и доброжелательству не оставляла его никогда.

Университетская жизнь Станкевича не замыкалась лишь рамками учёбы. Нашему герою и его друзьям приходилось сталкиваться с многообразными проблемами тогдашней действительности. В студенческой среде повсеместно всё больше и больше пробивались ростки вольномыслия, распространялась ненависть ко всякому насилию, к правительственному произволу.

В университете и за его пределами начали возникать кружки, «тайные общества», участники которых искали новые пути развития России. Современник Станкевича, впоследствии известный историк, юрист и публицист К.Д. Кавелин писал: *«Образованные кружки представляли у нас тогда, среди русского народа, оазисы, в которых сосредоточивались лучшие умственные и культурные силы, искусственные центры, со своей особой атмосферой, в которой вырабатывались изящные, глубоко просвещённые и нравственные личности».*

Именно такой, тесно сплочённый кружок, состоящий исключительно из единомышленников, жаждущих достать истину хоть со дна морского, вскоре создаёт Станкевич.

Впрочем, представим это «сходбище», как его иронично называл Станкевич, глазами его непосредственного участника – Константина Аксакова: *«В 1832 году лучшие студенты собирались у Станкевича. Это были все молодые люди, ещё в первой поре своей юности. Некоторые из них даже не имели права называть себя юношами. Товарищество, общие интересы, взаимное влечение связывали между собой человек десять студентов. Если бы кто-нибудь заглянул вечером в низенькие комнаты, наполненные табачным дымом, то бы увидел живую, разнообразную картину: в дыму гремели фортепианы, слышалось пение, раздавались громкие голоса; юные, бодрые лица виднелись со всех сторон; за фортепианами сидел молодой человек прекрасной наружности; тёмные, почти чёрные волосы опускались по вискам его, прекрасные, живые, умные глаза одушевляли его физиономию...»*

Первыми, кого принял под своё крыло Станкевич, были Януарий Неверов, Иван Ключников, Алексей Беер, Василий Красов, Сергей Строев, Яков Почка. К концу 1833 года кружок пополнился значительными силами молодых людей. В их числе – Виссарион Белинский, Алексей Кольцов, Константин Аксаков, Дмитрий Топорнин, Осип Бодянский, Александр Ефремов, Павел Петров, Александр Келлер. Чуть позже, в 1835 году и в последующие годы, в кружок влились Василий Боткин, Михаил Бакунин, Каэтан Коссович, Николай Ровинский, Михаил Катков, Николай Кетчер, Юрий Самарин...

Разумеется, жизнь кружка в его начальной стадии не была такой, какой она, скажем, станет спустя несколько лет. Много ещё неопределённости бродило тогда в уме как самого Станкевича, так и в умах его друзей. Свои занятия они не ограничивали какой-либо наукой, отраслью знаний. Их интересовало буквально всё: история, философия, география, литература... Но именно это было основой для последующей интенсивной работы кружка, когда в нём в горячих всеночных спорах будут искаться и находиться ответы на животрепещущие вопросы тогдашней действительности.

Сам глава кружка был горячеей, увлекающейся натурой. Подобно средневековым алхимикам, которые искали философский камень – чудодейственное средство для получения золота, возвращения молодости, и излечения болезней, – Станкевич упорно отыскивал в философских системах истину. Для

него мысль была высшей поэзией и работой. Он всегда был убеждён: занятия философией – обязательная и необходимая ступень к любому другому роду духовной деятельности.

«Я хочу знать», – говорил он, – до какой степени человек развил своё разумение, потом, узнав это, хочу указать людям их достоинства и назначение, хочу призвать их к добру, хочу все другие науки одушевить единою мыслию».

Существенную роль в развитии мировоззрения Станкевича сыграла философия Фридриха Вильгельма Шеллинга. Однако, восхищаясь глубиной мыслей немецких учёных, молодой философ никогда не считал их идолами. К примеру, высоко ценя Канта и особенно Гегеля, Станкевич не относил их системы к абсолютно истинным, а видел в них лишь одну из ступеней познания.

Какое место для себя в обществе он готовил? В чём он видел своё предназначение? Впрочем, эти вопросы задавал себе не только Станкевич, но и члены его кружка.

Станкевич не был бойцом, как, скажем, его друг Белинский, он же – «Неистовый Виссарион». Кстати, это прозвище на манер известной исторической поэмы «Неистовый Роланд» дал Белинскому именно Станкевич. Бунтарь Белинский абсолютно не исключал применения террора в целях скорейшего решения политических и социальных проблем. «Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья...» – грезил «Неистовый».

Он не был сторонником взглядов ещё одного своего друга – Михаила Бакунина, который призывал к немедленному социальному перевороту и требовал «не учить народ», а «бунтовать его».

Наш герой не собирался бороться против «России подлой», готовить «Русь к топору» и совершать «народную революцию», как это впоследствии стал делать его однокурсник Александр Герцен. Находясь в туманном Лондоне, Герцен звоном своего «Колокола» пытался разбудить к действиям всю грамотную Россию.

Не разделял наш герой и убеждений декабристов. Станкевич, если судить по его обширной переписке, воспоминаниям знавших его людей, придерживался совершенно иных взглядов, за что и получил в советскую эпоху клеймо «дворянский просветитель».

Деликатный и мягкий по натуре, Станкевич считал, что искоренить несправедливость, создать идеальное общество можно несколькими путями. Одним из направлений общественного развития России он считал просвещение. По его убеждению, честный человек должен желать распространения знаний. Они только приведут к избавлению народа от крепостной зависимости.

Сегодня в современной России политики, учёные, общественные институты упорно ищут национальную идею. Кипят жаркие дискуссии: идти по западному пути, развивать и углублять демократию или, может быть, вернуться на круги своя, чуть ли не к допетровской Руси. В этих спорах ищется для России и какой-то особый, третий путь, по которому ещё никто не ходил в мире. Подобные споры были и во времена Станкевича. В горячих схватках участвовали любомудры, западники, славянофилы... И все хотели как лучше, а получалось, как всегда.

Станкевич, как уже было сказано, одним из путей общественного развития России считал просвещение. Кроме того, говорил он, в обществе должны быть незыблемыми такие устои, как религия и любовь к Отечеству, ибо они составляют их существо:

*Мне да будет – Вера, Бог.
И любовь к святой Отчизне!*

О религии Станкевич как-то написал: «Я... понимаю религию. Без неё нет человека». Ещё высказывание: «Моя религия тверда... она во мне чиста, чужда суеверия и непоколебима. В наше время всякий человек с порядочным образованием и с душою признает её за основание жизни. – Любовь к Отечеству также тверда во мне, потому что я люблю в нём хорошее, не считаю нужным восхищаться соложеным тестом и терпеливо смотрю на недостатки, которые должны изглаживаться временем и образованием... Я уважаю человеческую свободу, но знаю хорошо, в чём она состоит, и знаю, что первое условие для свободы есть законная власть».

Наш герой был идеалистом. Это было признано ещё при его жизни. В то же время, несмотря на абстрактно-гуманистические взгляды Станкевича, никто из современников, как, впрочем, и последующие поколения философов, литераторов, общественных деятелей, никогда не считали его деятельность на уровне философии безрезультатной. Ведь именно благодаря Станкевичу, работе его кружка, сформировались общие философские позиции мировоззрения людей 30-х годов, были заложены основы новой эстетики.

Станкевич, как писал Герцен, «был первый последователь Гегеля в кругу московской молодёжи. Он изучил немецкую философию глубоко и эстетически; одарённый необыкновенными способностями, он увлёк большой круг друзей в своё любимое занятие. Круг этот чрезвычайно замечателен, из него вышла целая фаланга учёных, литераторов и профессоров».

Уместно привести ещё одно высказывание. Оно принадлежит Н.Г. Чернышевскому: «Из тесного дружеского кружка, о котором мы говорим и душою которого был Н.В. Станкевич, вышли или впоследствии примкнули к нему почти все те замечательные люди, которых имена составляют честь нашей словесности, от Кольцова до г. Тургенева».

В 1833 году жизнь кружка Станкевича стала ещё более насыщенной. Кипели жаркие дружеские споры, обдумывались и обсуждались философские проблемы. Не менее основательно рассматривались вопросы, связанные с состоянием современной русской поэзии, прозы, журналистики, с представлением роли художника в общественной жизни. Гомер и Шекспир, Шиллер и Гёте, Пушкин и Гоголь – вот далеко не полный список властителей дум и воспитателей истинного вкуса кружка Станкевича.

В том же 1833 году Станкевич завершает работу над повестью «Несколько мгновений из жизни графа Т***», которая уже в следующем году увидела свет в журнале «Телескоп» под псевдонимом Ф. Зарич. Эта философическая повесть в большей степени автобиографична, её героя Станкевич списал с самого себя. Поэтому практически все события, изложенные в произведении, совпадают с жизненными вехами Станкевича. Буквально с первых страниц повести обращает на себя внимание её язык, далёкий от романтических «излишеств», характерных, в частности, для повестей А.А. Марлинского. К слову, Белинский называл этого писателя «идолом петербургских чиновников и образованных лакеев».

В повести Станкевича нет цветистых фраз, изысканных сравнений и риторических прикрас. В то же время язык его повести отличается выразительностью и образностью. В этот же период Станкевич приступает к написанию своего философского трактата «Моя метафизика». Опираясь на положения

диалектико-идеалистической философии Шеллинга и других мыслителей эпохи, Станкевич вскоре создаёт во многом уникальный и глубокий философский труд. В нём автор поставил почти все основные вопросы и проблемы, которые тогда волновали просвещённых людей.

Учёба Станкевича в университете и годы его жизни в Москве отмечены многочисленными встречами с писателями, художниками, актёрами, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю русской литературы и культуры. Он видел Пушкина, встречался с Гоголем, беседовал со Щепкиным, дружил с Венециановым, гостил у Лажечникова...

Время донесло до нас достаточно много суждений Станкевича об этих людях, а также об искусстве и литературе. Они, без всякого преувеличения, актуальны и по сей день, поскольку являются своеобразным ключом к пониманию творчества поэтов, писателей, художников, актёров первой половины XIX века.

Например, никого из писателей так не любил Станкевич, как Гоголя. Он очень верно и тонко ценил художественность его творчества, называя Гоголя «лучшим романистом», а произведения писателя «истинной поэзией действительной жизни». Прочитав повесть «Старосветские помещики», Станкевич с восторгом написал: «Это прелесть! Как здесь схвачено прекрасное чувство человеческое в пустой, ничтожной жизни...»

Летом 1834 года Станкевич успешно завершил учёбу на словесном отделении университета и был утверждён кандидатом словесных наук. После пролетевших студенческих годов для него наступил, как он выразился, «возраст деятельности». В апреле 1835 года министр народного просвещения утвердил Станкевича в должности почётного смотрителя Острогжского уездного училища.

Станкевич с большим желанием принимается за исполнение своих обязанностей. У него много идей, замыслов, которые он планирует реализовать в скором времени. О них наш герой говорит своему другу Я.М. Неверову: «Я намерен вывести наказание, так называемыми, палями, т. е. линейкой по рукам, ввести поблагороднее обращение между учителями и учениками, невзирая на звание последних, и, наконец, понаблюдать за учением...» Кроме того, новый почётный смотритель мечтает ввести в родном училище «Ланкастерову методу» – метод, впервые применённый английским педагогом Ланкастером. Суть его заключалась в том, что старшие учащиеся под наблюдением учителя обучали младших. С этой целью Станкевич собирает необходимый материал по организации ланкастерских школ в Англии и Франции. Примечательно, что в России в тот период создание подобных школ всячески поощрялось. Поэтому Станкевич и намеревался внедрить этот приём взаимного обучения в отеческих краях.

Одной из важных обязанностей почётных смотрителей являлось оказание материальной помощи учебным заведениям. Уже в первый год своей деятельности Станкевич пожертвовал в пользу уездного училища 200 рублей. Надо сказать, по тем временам это были немалые деньги. За сделанное им пожертвование в октябре 1835 года министр народного просвещения граф С.С. Уваров изъявил ему, а также ряду других смотрителей «свою признательность».

Служба почётным смотрителем не сильно обременяла Станкевича. Инспекторские поездки в училище и школы не были каждодневными, что позволяло ему заниматься самообразованием. В свободное время он продолжает изучать историю, философию.

Однако на фоне ровного и спокойного деревенского уклада жизни было одно весьма неприятное обстоятельство, начинавшее всё больше беспокоить Станкевича. Приступами непонятно откуда взявшейся болезни вызывалась тревога. Он старается о ней не думать, не говорить, но близкие, друзья уже замечают часто застывающую печаль на его лице. Болезнь, которая, подобно клещу, медленно-медленно впивалась в организм Станкевича, называлась чахоткой, а выражаясь современной медицинской терминологией – туберкулёзом. Рецепты лечения этого страшного инфекционного заболевания в российской и зарубежной медицине в то время практически отсутствовали. Поэтому люди, поражённые им, были обречены на долгую и мучительную смерть.

Знал ли об этом Станкевич? Безусловно, о болезни знал. Но вряд ли он верил в то, что сам ею болен. Хандра, головные боли, изредка тяжесть в груди – всё это списывалось им на ненастную погоду, многочасовые занятия наукой...

Но всё чаще и чаще в его письмах появляются строки о недомоганиях, докторам, лекарствах. *«Убийственная для меня мысль: болезнь похищает у тебя душевную энергию, ты ничего не сделаешь для людей»*, – с горечью пишет он в одном из писем. И всё же Станкевич не унывает, со свойственным ему чувством юмора он сообщает друзьям: *«Здоровье моё грошовой, а всё-таки живу: скрипучее дерево долго тянется...»*

Новый, 1835 год Станкевич встретил в деревне. Но уже в конце января он отправился в Москву. Наука, уроки для младших братьев Белинского, организация работы кружка – это лишь часть московских дел и забот Станкевича. К началу 1836 года здоровье Станкевича стало ухудшаться: мучили головные боли, преследовала слабость, стягивала грудь, словно петля, одышка...

Доктор настоятельно советует ему ехать лечиться на Кавказ. Месяцы, проведённые Станкевичем на Кавказских Минеральных Водах, пролетели быстро. Улучшения состояния здоровья нашего героя, к сожалению, не наступило. К тому же самочувствие не позволяло ему без врачебного надзора долго оставаться в родных краях. Он был вынужден на продолжительное время уезжать в Москву.

Тогда же Станкевич начинает всерьёз подумывать о своём лечении за границей. Вообще решение поехать за границу у Станкевича зрело давно, едва ли не сразу после окончания университета. Тогда он связывал свои планы с дальнейшим повышением образования. По примеру учивших его профессоров Надеждина и Шевырёва, Станкевич собирался послушать лекции крупнейших философов, близко познакомиться с научной и культурной жизнью европейских стран.

И Станкевич стал готовиться к поездке. В частности, начал изучать итальянский язык. Другими языками – немецким и французским, которые должны были понадобиться ему в Европе, он уже владел, и владел хорошо.

Теперь же отъезд Станкевича за границу был обусловлен в первую очередь ухудшением его здоровья. В его письмах всё чаще и чаще звучат слова о недуге. В письме своей невесте Любови Бакуниной 15 февраля Станкевич сообщал о «небольшом физическом расстройстве», а спустя месяц его новости совсем плохие: *«Вот уже две недели, как я болен. У меня сделался жар... лихорадочное состояние продолжается до сих пор. Вы представить себе не можете, что из меня сделалось: восковая фигура»*.

Настоятельный совет доктора только ускорил его сборы для отъезда за границу. 21 июня 1837 года Станкевич был официально отправлен в отставку

с должности почётного смотрителя Острогжского уездного училища. А уже в середине августа, простившись с родными, он выехал в Харьков. Оттуда через Полтаву, Киев, Краков – в Берлин.

Берлин тогда считался крупным научным центром, куда приезжали набираться новых знаний философы из разных уголков Европы. Правда, русская студенческая колония в Берлине была немногочисленной.

Станкевич старался основательно усвоить последнее слово европейской науки и выработать свою научную позицию. С этой целью он усиленно работает над первоисточниками. Кроме курса лекций по философии, он слушал эстетику и ещё курс лекций по сельскому хозяйству.

«От берлинской эпохи, – писал Анненков, – остались у Станкевича кипы тетрадей, записок с разбором логических категорий, отвлечённых понятий, всех этих звеньев философской науки, как она была составлена Гегелем. Здесь сбережены необыкновенно острые определения разных представлений ума, понятий о качестве, мере, тождестве и проч., понятий, которые ежечасно рождаются в голове каждого человека; но, будучи переведены в чистое мышление, кажутся существами какого-то другого, недвижимого и холодного мира».

К лету 1839 года здоровье Станкевича, несмотря на старания зарубежных врачей, стало ещё хуже. Оно сгорало подобно свече. По настоянию докторов Станкевич оставляет Берлин и через Зальцбрунн (ныне польский город Щавно Здруй), Прагу, Нюрнберг, Штутгарт, Берн, Женеву и Карлсруэ приезжает в Италию для продолжения лечения.

А к весне 1840 года Станкевич был уже совсем плох. Много систем и докторов было перепробовано для его лечения. Но ничто не принесло ему пользы. Сам он, конечно, не мог не чувствовать близости смерти, но не хотел в это верить. Иногда ему казалось, что вот он пройдёт ещё один курс лечения у

Музей Н.В. Станкевича

именитых докторов, и наступит долгожданное исцеление. Верил, надеялся и следовал их предписаниям.

Но, к сожалению, тогдашняя медицина не смогла уберечь Станкевича от смерти. Он скончался, как уже сказано, в маленьком итальянском городке Нови-Лигуре.

Горе надолго поселилось в доме Станкевичей. А скорбный путь самого Станкевича из далёкой Генуи в Удеревку растянулся почти на целый год. Надо было соблюсти все бюрократические формальности, какие требуются в подобных случаях. На это потребовалось немало времени. Несколько месяцев ушло на дорогу.

К сожалению, не обнаружилось никаких свидетельств о том, как везли в Россию гроб с телом Станкевича и как проходило перезахоронение. Но сохранилось письмо Алексея Кольцова к Белинскому, датированное 18 декабря 1841 года: «Гроб его (Станкевича. – Н.К.) недавно привезён из-за границы в имение Станкевичей и похоронен с торжеством...»

Так вернулся на родную землю и получил в ней вечный покой этот даровитый русский, обладавший в прямом смысле пламенным сердцем. Искры его энергии через слово исходили во все стороны. Он напоминал собой свечу, которая медленно таяла, распространяя вокруг себя свет и тепло. Тепло и свет...

ПОЭЗИЯ

Валентин НЕРВИН

Валентин Михайлович Нервин (Берман) – родился в 1955 г. в Воронеже. Окончил экономический факультет Воронежского инженерно-строительного института (1977). В течение пятнадцати лет работал в проектных и научно-исследовательских организациях, а в 1993 году поступил на государственную службу в администрацию Воронежской области. Советник государственной гражданской службы РФ 1 класса в отставке. Автор 14 книг стихотворений. Лауреат литературных премий и конкурсов. Член Союза российских писателей.

Живёт в Воронеже.

По-над городом и судьбой

1

В этом городе областном
даже воздух уже не тот...
Липа старая под окном
от усталости не цветёт.
Мы состарились вместе с ней –
устаканились, отцвели.
Но в один из осенних дней –
на оставшиеся рубли –
я возьму проездной билет
в тот июнь, где, дыша тобой,
осыпается липов цвет
по-над городом и судьбой...

2

Человеческим законам
неподвластные пока,
над Кожевенным кордоном
вечереют облака.
Собираясь у излуки,
вечереют надо мной –
выше боли и разлуки,
выше радости земной.
Если к облаку подняться
по закатному лучу,
то такие песни снятся –
просыпаться не хочу.

Покатило время под гору
по булыжной мостовой,
разделило годы поровну
линией береговой.
За какими поворотами
та, которая жила
за тесовыми воротами,
в третьем доме от угла?

8

Я помню старый Первомайский сад:
аллею, на которую легла
пронзительная музыка цикад
и запахи полынного тепла;
скамейку с видом на пивной ларёк,
улётные прогулки визави
и женщину, дающую урок
ночной садово-парковой любви.

.....
Цикады и свидетели молчат,
а в Первомайском, с некоторых пор,
выгуливает бабушка внучат,
крестясь на Благовещенский собор.

9

Над воронежскими плёсами
слабый сумеречный свет,
на мосту от лета к осени –
двое сзади, наших нет.
Всё растрчено заранее –
до последнего тепла,
на случайное свидание
даже память не пришла.
Потому что, дело прошлое:
догорело на лету
наше лето заполошное
на Вогрэсовском мосту.

10

Мы постарели, только и всего.
По разнарядке время не воротисьь.
...Я вижу город детства моего –
он тоже называется Воронеж.

И мы существовали заодно
с его домами, парками, садами...
Два города сливаются в одно
пространство, разделённое годами.
Там человек у смертного одра
календари по памяти листает:
сегодня переходит во вчера,
но завтра никогда не наступает.

11

Выхожу на Острожный бугор...
В.Н.

Там, где ночь в переулках петляла
по кругам жития-бытия,
в комсомольском прикиде гуляла
соловьиная юность моя.
Сколько было всего! – не упомнишь:
по воде разбежались круги,
на корню изменился Воронеж,
постарели друзья и враги.

Мы уйдём проходными дворами –
по недолгой осенней поре –
в тишину, где поют вечерами
соловьи,
на Острожном бугре...

Рассказы

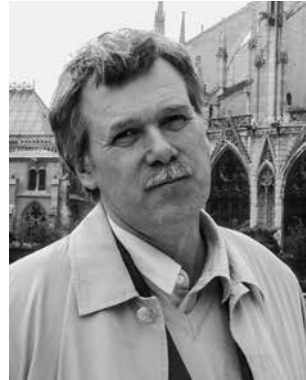
Рудиментарная способность

*И мы до сих пор не забыли,
Хоть нам и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умели летать.*

Николай Гумилёв

Раньше я умел летать. Летать было для меня вполне естественно, и я не удивлялся этому умению. Ходить или летать – большой разницы для меня не было. Мне казалось странным, почему другие люди не летают, ведь это просто и очень приятно. Я предполагал, хотя и не был в этом уверен, что они, всё же, тайком летают, но не признаются по различным причинам. Меня с самого раннего детства пугало моё отличие от других людей, я понимал, что это ненормально и может вызвать подозрения. Любое отличие вызывает подозрения, а если отличия создают какие-то преимущества их обладателю – зависть. Я никому не говорил о своём умении, особенно родителям, они были строги ко мне, боясь избаловать лишней любовью, а уж за такое, с их точки зрения, озорство, могли серьёзно наказать.

Летал я обычно ранним утром, в детском парке, который был рядом с нашим домом, это доставляло мне огромное удовольствие, но летать старался не слишком высоко, не более полутора метров над землёй, чтобы не привлечь внимания случайных прохожих. Я мог бы летать и гораздо выше, но пока что не решался. Однажды я не заметил сторожа парка – пожилого человека со строгим лицом и осанкой отставного военного, который делал утренний обход парка. Сторож дождался, пока я приземлюсь, подошёл и крепко взял меня за локоть. Я испугался, понимая свою вину, решил, что сторож отведёт меня в милицию за нарушение общественного порядка. Но он оказался добросердечным человеком и ограничился внушением. Укоризненно глядя мне в глаза, он сказал:

Юрий Александрович Поклад – родился в 1954 г. в Свердловской области в семье военнослужащего. С 1961 г. жил в г. Куйбышеве (Самаре), где окончил в 1977 г. нефтяной факультет политехнического института. Работал в геологоразведочных экспедициях глубокого бурения в Крыму и на Крайнем Севере (Ненецкий АО), на нефтяных промыслах Западной Сибири. Строил морские буровые платформы на верфи «Самсунг» в Южной Корее. В 1994–1999 гг. сотрудничал в Объединённой редакции МВД России (обозреватель газеты «Щит и Меч»). Публиковал рассказы и повести в журналах. Рассказы звучали на радио «Русский мир» («Театр у микрофона»). Повести выходили в сборниках издательства АСТ, а также издательства Объединённой редакции МВД РФ.

Живёт в Мытицах.

– Как тебе не стыдно? Больше никогда так не делай! Обещаешь?

Я пообещал, что больше не буду, но обманул этого достойного человека, потому что со своим желанием летать я ничего не мог поделать. В полётах я не видел ничего постыдного, мне казалось, что я никому ими не мешаю. Это было заблуждение, которое в моей дальнейшей жизни едва не сыграло роковую роль. Но разве можно с уверенностью утверждать, что именно играет в нашей жизни роковую роль? Вся наша жизнь скроена из нереализованных иллюзий и реализованных опасений. Казалось бы, жизненный опыт должен со временем научить чему-то, но надежды оказываются ложными, – то ли учитель плох, то ли ученик бездарен. До тех пор, пока я умел летать, никакие надежды не казались мне потерянными, всё самое лучшее ещё могло случиться, и этот факт меня успокаивал, хоть я и подозревал, что это успокоение – самообман.

Мне было отлично известно, что летать человек не может, это не свойственная ему способность, в школьные годы я много читал об этом, затребовав соответствующую литературу в читальном зале городской библиотеки.

Летал я легко, безо всякого напряжения, главное было ощутить лёгкость в теле и едва ощутимый холодок предчувствия в животе. Начинала слегка кружиться голова, приходили на ум смешные, вовсе не обязательные для столь серьёзного момента, мысли, и я уже не замечал, как тело теряло вес, и я отрывался от земли.

Я не злоупотреблял своим умением, летал лишь, когда желание становилось непреодолимым. Среди одноклассников ходили обо мне смутные, нехорошего свойства слухи, несколько раз меня прижимали к стене в школьном туалете, пахнущем хлоркой и фекалиями, и требовали открыть секрет. В чём он состоял, одноклассники не догадывались, «брали на понт» в надежде, что я сам сознаюсь, но я не сознавался. Впрочем, они всё равно бы не поверили, если б узнали. Однажды они меня даже на всякий случай побили, чтобы я чересчур не зазнавался.

Я привык к тому, что умею летать, мне не приходило в голову этим гордиться, ведь не станет же гордиться человек, к примеру, тем, что он высокого роста, разве от большой глупости. Учась в школе, я не имел близких приятелей, поэтому поделиться с кем-нибудь в порыве откровенности способностью своего организма случая не представилось, и я был рад этому. Люди завистливы, легко предположить, что мой товарищ, однажды посмотрев, как легко мне даётся полёт и какое удовольствие я от него получаю, попросил бы научить его летать. Но это было невозможно, я не знал, каким образом возникает вдруг тот щекоцущий холодок, потом – потеря веса, как поднимаюсь я в воздух. Все мои оправдания были бы восприняты с подозрением, переходящим в ненависть, мой товарищ решил бы, что я нарочно темню, чтобы сохранить тайну. Хорошо, если б он просто обиделся и раздружился со мной, но ведь он, наверняка, в отместку, рассказал бы о моей способности одноклассникам, прибавив что-то от себя, и чем всё это могло закончиться, предположить трудно.

Пристрастие к полётам не влияло на мою хорошую учёбу, после окончания школы я легко поступил в институт. В институте я ещё больше замкнулся в себе и никаких догадок о моём секрете у сокурсников за пять лет не возникло. Но я становился взрослым, и уклоняться от жизненных соблазнов становилось всё труднее. Я знакомился с девушками, попробовал алкоголь – это действовало расслабляюще, я чувствовал, что опасность близка, и ничего не мог с этим поделать, моя способность вступала в конфликт с моим дальнейшим

существованием, я привык к ней и не рассматривал способов избавления. Но я чувствовал потребность стать таким как все, чтобы не иметь тайны, которая становилась всё тягостней, навязчивей, мешающей нормально жить. Хотя, кто знает, что значит нормально жить?

Я старательно овладевал знаниями, из меня получился хороший программист. После окончания института меня пригласили в частную компанию, где хозяином был Пётр Иванович – человек лет пятидесяти, казавшийся мне крайне пожилым. Он действительно выглядел немолодо: лысоватый, грузный, чем-то похожий на утомлённого бесконечными проблемами, задумчивого бегемота. Деньги, которые я получал, казались мне огромными, родители радовались, трудно было найти хорошо оплачиваемую работу, тем более, столь молодому человеку, как я. Отец стал разговаривать со мной, как с равным, я был полон предчувствием больших перспектив. Пётр Иванович относился ко мне отечески и надежды эти поддерживал.

Потом произошло то, чего я давно опасался, что рано или поздно должно было случиться.

В нашей фирме поддерживались традиции по сплочению коллектива: раз в неделю после работы организовывались застолья. Братания затягивались до полуночи, Пётр Иванович эти мероприятия приветствовал. Благодаря застольям, у меня появился друг Игорь – любитель джаза и душевных разговоров. Я не заметил, как этот человек втёрся ко мне в доверие. Пётру Ивановичу как опытному руководителю хотелось видеть коллектив изнутри, он имел сотрудников, доносивших ему о настроениях и секретах подчинённых.

Я никогда не раскрылся бы перед Игорем, если б не алкоголь. Однажды мы порядком перебрали и неспешным шагом двигались от офиса по ночной улице – нам было по пути. Тёплый летний вечер, приятно-расслабленное состояние после коньяка. Игорь ни о чём не расспрашивал, он ждал, затаившись, когда я расскажу сам, и дождался. Трудно оправдать мою наивность.

Пётр Иванович проявил терпение, к себе в кабинет пригласил меня лишь дней через пять, лицо его выглядело озабоченным.

– Дима, – сказал Пётр Иванович, – мне стало известно, что вы больны.

– Вы ошибаетесь, – воскликнул я очень искренне, ещё не понимая, о чём идёт речь, – я абсолютно здоров, у меня первый разряд по прыжкам в высоту.

Но следующая фраза убила меня наповал:

– Здоровые люди не летают.

Я был так ошеломлён, что не в силах был ничего ответить.

– Ведь вы летаете, это правда? Давно это у вас?

– С детства, – с трудом выдавил я, понимая, что пропал.

– Дима, не впадайте в панику, – продолжил Пётр Иванович, – несчастье с кем угодно может случиться, надо взять себя в руки, обследоваться, сейчас медицина шагнула вперёд, вас вылечат. Поставьте себя на моё место, – голос Петра Ивановича окреп, стал убедительней, – я не исключаю, что это инфекционное заболевание, и мне совершенно ни к чему, чтобы мои сотрудники, летали. Это ненормально.

Он заметно разволновался.

– В фирму вложены большие деньги, мои личные деньги. Я должен быть уверен в людях. Разного рода полёты недопустимы, вы должны понять меня.

Из всей этой длинной речи было ясно одно: я теряю работу. Выгодную, хорошо оплачиваемую; работу, которую люблю.

Пётр Иванович попытался успокоить.

– Не расстраивайтесь, я готов помочь. Вот, – он вынул из ящика стола визитную карточку, – обратитесь, это опытный врач, кандидат наук, можете сослаться на меня. Придётся заплатить, это уж, как водится, но вариант надёжный, я гарантирую. Доктор предложит медикаментозное лечение, если будет необходимо – хирургическое вмешательство. Доверьтесь ему, это серьёзный специалист. Как только вылечитесь, сразу же возвращайтесь, я придержу для вас место.

По инерции я всё ещё глядел на Петра Ивановича с надеждой, не в силах поверить, что это конец. Пётр Иванович, чувствуя это, занервничал:

– Ну, обратитесь, в конце концов, в цирк. Там, насколько я понимаю, такие специалисты востребованы. Я, правда, давно не был в цирке, но точно помню, что там люди летают, это их профессия. Вами могут заинтересоваться.

– Но мне нравится работать программистом, – убитым голосом проговорил я.

Пётр Иванович пожал плечами, давая понять: «Искренне сочувствую, но помочь не в силах».

Я вышел из кабинета.

Складывая из стола в рюкзак вещи, покосился на Игоря, сидевшего за соседним столом. Он сделал вид, что занят разговором по телефону.

Игорь подорвал во мне доверие к людям, у меня появилось резко критическое отношение к ним, я стал подозревать в людях в первую очередь плохое и, кстати сказать, редко ошибался. Я долго тянул с визитом к врачу, причин было много. Дело не в деньгах, деньги пока что были. Дело в том, что я сомневался в надёжности этого визита. Врачи полагают себя обиженными: они сохраняют людям самое главное – здоровье, но получают при этом недостойно малые, по их мнению, деньги. По этой причине примитивным шантажом заниматься вынуждены, он оправдан. Нагло врать больному не обязательно и даже опасно, поскольку он перед визитом много чего начитался в интернете по поводу своей болезни, нужно «навести тень на плетень», обозначить сомнения и тревогу, посочувствовать состоянию больного, искренне сомневаясь при этом в благоприятных перспективах течения болезни. Тогда готовность помочь прозвучит убедительно, словно врач предлагает помощь исключительно из человеколюбия и любви к своей профессии.

Я человек мнительный, я мучился сомнениями, и всё же пошёл к врачу.

Он сразу же внушил мне доверие. Он производил впечатление умного эрудированного человека, подозревать в нём проходимца и вымогателя было бы странно. Когда у человека умные глаза, я перед ним теряюсь, подозревая себя в тотальном невежестве. Звали доктора Владислав Васильевич. Как только я назвал себя, он слегка прищурился под стёклами очков, и сказал:

– От Петра Ивановича? Я помню. Он мне звонил.

Эти слова немного меня успокоили, значит, Пётр Иванович не забывает обо мне, рассчитывает на моё возвращение.

– Летаете?

– Бывает.

– Это вас каким-то образом беспокоит?

– Нет, как раз наоборот, мне это приятно.

– Так зачем же этот визит ко мне?

– Пётр Иванович не хочет, чтобы его сотрудники летали.

– Что ж, его можно понять. Вы намерены лечиться?

– Придётся. Откуда взялась эта моя особенность? Как, по-вашему? Это опасно?

– У меня есть соображение, правда, идущее вразрез с официальной наукой. Когда-то давно, на заре эволюции, абсолютно все люди умели летать, ходить по земле считалось неэффективным. Но потом эволюция взяла своё, основные животные, которыми питались древние люди, стали жить на земле, а не летать в воздухе. Пришлось и людям сделать то же самое. Но у отдельных экземпляров, вроде вас, эта рудиментарная особенность сохранилась.

– Но отчего именно мне так не повезло?

– Так будем лечиться или нет? – спросил Владислав Васильевич, больше не углубляясь в историю.

– У меня нет другого выхода.

Начались мои скитания по кабинетам. Меня исследовали, как подопытную жабу, деньги быстро кончились, я попросил у родителей, туманно объяснив необходимость.

– По бабам надо меньше бегать, тогда и лечиться не надо будет, – сурово сказал отец, но денег дал.

Ни таблетки, ни уколы, ни процедуры не помогли – мне всё равно хотелось летать, даже ещё сильнее, чем прежде. Получалось, что деньги потрачены впустую, я был в отчаянии. К Владиславу Васильевичу я больше не обращался, я был уверен, что он знал о бесполезности лечения моей рудиментарной особенности и просто туманил мне мозги оригинальными теориями эволюции человека. Проситься на работу к Петру Ивановичу было также бессмысленно; если бы я решил соврать и заявил об успешном излечении, этот пронзительный человек без труда вывел бы меня на чистую воду, и мне стало бы стыдно.

Жизнь приобрела совершенно мрачный оттенок: здоровенный парень, уже мужик, сидел на шее у пожилых родителей, получавших скромные пенсии. Если вы помните, в девяностых годах пенсионеры были достойны зависти, потому что это была единственная категория граждан, имевшая стабильный доход. С голоду я пропасть не мог, но от этого было не легче. Ранним утром я уходил в детский парк и с отвращением, переходящим в тупое отчаяние, летал: что мне ещё оставалось?

Убрав гордость в задний карман, я пошёл в цирк. Поднялся на второй этаж к директору, понимал, что совершаю глупость, но что мне оставалось?

Директор цирка – худощавый человек средних лет, с пышными, совершенно чуждыми его длинному унылому лицу, бакенбардами, глядел на меня с полным равнодушием.

– Что хотел?

– Работать.

– Что умеешь?

– Летать.

– Не нужно, своих девать некуда. Нечем платить. Плохо стал ходить народ в цирк, понимаешь? А цены на билеты я снижать не могу, они и так низкие.

– Но вы не поняли, я не летающий гимнаст. Я просто летаю.

– Как это «просто»? – вяло поинтересовался директор.

– Ну, без ничего: раз, и полетел.

– Правда?

– Правда.

Директор задумался, потом безнадежно махнул рукой:

– Никто не поверит. Понимаешь, сейчас такое время, никто никому не верит. Просто удивить человека – недостаточно, надо сделать что-нибудь полезное ему лично.

– Например?

– Ну, бутылку водки перед ним материализовать, или гамбургер какой-нибудь. А от твоих полётов ему будет ни жарко, ни холодно: посмотрит, зевнёт и отвернётся.

– Я не сумею материализовать бутылку водки.

– Может, клоуном попробуешь?

– Нет.

– Вот видишь! Что мне с тобой делать?

И я осознал беспочвенность своих притязаний. Подойдя к двери, почувствовал знакомый холодок в животе, мои ноги приподнялись над полом примерно на метр, я открыл дверь и мягко выплыл, не теряя высоты, в коридор. Директор воспринял этот неожиданный манёвр безо всякого интереса.

А теперь я расскажу, как утратил свою рудиментарную способность. Всё оказалось очень просто, судьбе или кому-то свыше, захотелось пошутить надо мной.

Спасение принесла женщина. Вот как это было.

Мне давно уже никто не звонил по мобильному телефону, я отвык и не сразу услышал звонок. Звонила девушка Надя, секретарша Петра Ивановича. Я сначала обрадовался: вдруг на Петра Ивановича нашло прозрение, и он решил меня вернуть? Но, как выяснилось, дело Нади носит характер личный и пустяковый. Беглой скороговоркой она призналась, что питает ко мне чрезвычайно тёплые чувства и хочет помочь. Такое вот, понимаете ли, завуалированное предложение любви. Только этого мне не хватало.

Как выяснилось, Надя ничего не знает о моей рудиментарной особенности. Сволочи Игора не хватило, чтобы растрепать о моём секрете всему коллективу. Это несколько меняло дело, хотя и не коренным образом. Мы с Надей договорились встретиться.

Я настроился на встречу со слабым, тайно влюблённым в меня, созданием. В офисе на эту серую мышь я обращал мало внимания, имелись экземпляры эффективнее. Я повёл себя самоуверенно и грубо, и это мне немедленно аукнулось. Я решил рассказать о своей рудиментарной особенности, ошеломить Надю, дальше действовать по обстоятельствам. Ошеломлённая женщина – лёгкая добыча мужчины. Но в ответ на моё признание, Надя взглянула на меня безо всякого удивления и спросила:

– Ну, и что?

Создалось впечатление, что ей уже человек десять признавалось, что умеют летать. Я растерялся.

– Ненавижу хвастунов, а лунов, тем более, – сказала она. – Ты набиваешь себе цену, чтобы поскорее переспать со мной. Я пришла, чтобы помочь, а ты с первых же минут нагло лжёшь.

Я так и не узнал, каким образом она собиралась помочь мне, это стало не важным, а потом забылось. Я не нашёл ничего лучшего, чем возразить:

– Но я не лгу.

– Так ты умеешь летать? Отлично. Ну, полетай, продемонстрируй!

Она мне не верила. Ни на грамм. Я растерялся, и эта растерянность оказалась роковой. Я засуетился, попытался оторваться от земли, но ничего не получилось. Для того чтобы взлететь, необходима уверенность, её не было. Заветного холодка в животе не появлялось. Я понял, что летать по заказу невозможно.

– Сейчас не могу, – признался я, – не выходит. В следующий раз, ладно?

– Всё понятно, – вынесла Надя безжалостное заключение, – у тебя полёты

случаются только по великим праздникам. Что ж, дождёмся Нового Года.

Мы дождались Нового Года и в январе поженились. Я потерял способность летать, все мои попытки оказывались безуспешными. Я признался Петру Ивановичу, что выздоровел. Он поверил, может быть, не мне, а Наде, но на работу меня вернул.

Жизнь наладилась, у нас родился сын, я мог чувствовать себя спокойным, но иногда, как правило, ночью, Надя тихо спрашивала меня:

– А ты, правда, умел летать?

Врать не хотелось, это выглядело бы странным. О чём жалеть? И я отвечал:

– Раньше умел.

– Тебе не жаль, что больше не умеешь?

На этот вопрос я никогда не отвечаю, поворачиваюсь лицом к стене и говорю, что хочу спать. Дело в том, что я продолжаю летать, только во сне. Во сне можно летать безнаказанно и безответственно. Просыпаясь среди ночи, чувствую знакомый холодок в животе, и мне кажется, что всё в моей жизни осталось по-прежнему.

Внутренняя сущность

У Вероники Петуховой в желудке поселилась змея. Вероника и сама не заметила, когда и как она там появилась. Сначала змея Веронику раздражала, но потом она ей даже понравилась. Дело в том, что Вероника очень плохо засыпала и часто просыпалась ночью, у неё была бессонница. Читать, вязать или смотреть телевизор было невозможно, начинала болеть голова, и Вероника приспособилась разговаривать со змеей. Змея выползала по пищеводу, высовывала голову изо рта Вероники и говорила неожиданно умные вещи. Вероника слушала и удивлялась, хотя при этом хитрая змеиная морда её раздражала самоуверенностью и пренебрежением.

На работе, – а работала Вероника в магазине женской одежды, – её звали Ника, звучало это как-то современно и даже немного по-французски, змея называла её Веркой, это было неуважительно, грубо, фамильярно, и очень не нравилось Веронике.

«Что эта змея, в самом деле, себе позволяет, живёт в моём желудке на всём готовом, никаких забот, и такое откровенное хамство, вот пойду к врачу, пожалуюсь, её живо удалят, пусть тогда живёт, где хочет».

Но идти к врачу Вероника не спешила, потому что наличие змеи в организме никак не беспокоило её, кроме возмутительного поведения, но змея при этом давала разумные советы и высказывала дельные мысли. Где она набралась такой мудрости, было непонятно, да и не важно. Вероника постепенно привыкла советоваться с ней и ещё ни разу не разочаровалась, поступая по её рекомендациям.

Вот, к примеру, познакомилась Вероника с молодым человеком, Игорем, – такой, ничего себе, симпатичный паренёк, с косичкой, с наколками на руках и на шее, как у всех его ровесников, – стала Вероника с ним встречаться, и встречалась уже достаточно долго, целых две недели, ходили они в кафе и на ночные дискотеки. Игорь стал намекать, что, мол, пора бы уже и переспать, но Вероника отчего-то сомневалась. Не то, чтобы ей этого не хотелось, но мучили сомнения, что как только это произойдёт, Игорь исчезнет, как исчезали раньше все эти Игоря. Веронике хотелось

замуж, но реально никто замуж не предлагал, – так, в шутку, намёками, а как только переспали, – до свиданья.

Вероника спросила змею:

– Что делать? Вроде бы пора уже, но есть опасения. Как быть?

Змея спросила:

– А много у тебя этих Игорей было в двадцать три года?

Вероника, подумав, ответила:

– Достаточное количество.

– И что?

– Как видите, – Вероника отчего-то звала змею на «вы».

– А если откажешься?

– Уйдёт.

– А если согласишься?

– Тем более.

– А ты сделай вид, что вот-вот согласишься, но каждый раз находи причины, чтобы этого не произошло.

– Врать, что ли?

– А ты что, никогда не врешь?

– Всё время вру, – призналась Вероника.

– Так в чём проблема? Он за тобой будет бегать, как привязанный.

– А жениться?

– Ну, это как повезёт. Надо, чтобы он почувствовал в тебе глубокую внутреннюю сущность. Ты сама-то ощущаешь её?

– Постоянно, – соврала Вероника и вдруг почувствовала, что не врёт, глубокая внутренняя сущность буквально распирает её изнутри.

– Вот видишь, – сказала змея, – тогда всё в порядке. Ты, Верка, расскажи этому дурачку историю о том, как была влюблена в семейного мужчину намного старше тебя, и он, естественно, тоже был влюблён. Как он собирался на тебе жениться, но не мог бросить семью. В общем, что-то такое о том, что это был единственный мужчина в твоей жизни, других не было. Можешь поплакать, если сумеешь. Мужчины в такие истории обычно верят.

Предложение показалось Веронике достойным внимания, и она поступила так, как советовала змея.

Для общения со змеей Веронике нужно было уединяться, слишком много вопросов могло возникнуть у постороннего человека, услышавшего их диалог, это удавалось не так часто, как хотелось бы. Возможно, по этой причине Вероника вышла из-под контроля, и случилось то, чего добивался Игорь. Вероника честно призналась змее в происшедшем, по её голосу змея поняла, что подопечная не слишком раскаивается.

– Верка, ты дура, – сказала змея, – это я говорю тебе, как женщина женщине. Была установка: без команды не стрелять, выждать. Что ж, теперь делать нечего, случилось, так случилось, от тебя не убудет, но придётся приводить в действие план «Б».

И Вероника привела в действие змеиный план «Б».

Однажды, зная, что Игорь в это время в институте, она позвонила его родителям. Трубку взяла мама.

– Это Ника, – сказала Вероника голосом совращённой невинности.

– Очень приятно, – отозвалась мама, – Игорь рассказывал о вас, странно, что вы ещё не бывали у нас в гостях, заходите, не стесняйтесь.

– Спасибо, непременно зайду. Вы бы не могли пригласить к телефону Игоря?
 – К сожалению, он на занятиях. Что ему передать?
 – Что передать?.. Да, ничего. А, впрочем, передайте, что прерывать беременность я не собираюсь.

Сказав эту ключевую фразу, Вероника сразу же отключила мобильный телефон, предполагая, что мама Игоря немедленно примется ей перезвонивать. Конечно, мама звонила, и не раз, а то, что услышал Игорь, возвратившись с занятий, даже трудно себе представить.

На следующий день, ранним утром, он позвонил Веронике, и она, по совету змеи, была сдержанна. Игорь умолял о встрече, но Вероника со встречей не спешила, змея сказала, что «клиент должен созреть».

Созревание клиента ускорило прямое общение родителей Игоря и Вероники. Змею оно встревожило, она не предполагала столь стремительного развития событий. Она вызвала Веронику на разговор в ванную, и под шум воды, льющейся из крана, неожиданно спросила:

– Ты зачем так стремишься замуж, дура? – змея уставилась на Веронику немигающим взглядом раскосых чёрных глаз. – Ты хоть представляешь, что это такое, быть замужем?

И она рассказала ей всё то, что может рассказать выдавшая виды женщина, пережившая мучительные годы брака. Она подчеркнула, что хороших, сознательных мужчин не бывает в принципе, племя это ленивое, бессовестное и лживое, оно берёт себе в рабство домохозяйку, официантку и предмет для ночных утех, оставляя для себя при этом полную свободу действий. Нужно быть полной идиоткой, чтобы соглашаться на это безобразие без предварительных условий.

Змея была убедительна, Вероника сначала поверила ей, но потом подумала, что в змее говорит обиженная жизнью, одинокая женщина, у неё, Вероники, будет всё по-другому.

– Ну, что, всё ещё хочешь замуж? – спросила змея, завершив свой монолог.

– Хочу, – призналась Вероника.

– Что ж, тогда тебе нужно срочно забеременеть, пока не разоблачили.

Установка змеи была в ближайшее же время выполнена. Вероника почувствовала себя счастливой и, как большинство впавших в это глупое состояние женщин, потеряла осторожность и реальное понимание действительности. Будущий муж виделся ей преувеличенно-идеальным, она решила признаться ему в самом сокровенном и рассказала о змее, живущей у неё в желудке и подсказывающей выходы из сложных жизненных ситуаций. Вероника считала, что этот факт не вызовет у Игоря неприятия, но ошиблась. Наличие змеи Игоря не на шутку встревожило, он принялся расспрашивать о ней, и Веронике пришлось изворачиваться и лгать, чтобы не наговорить чересчур много лишнего. Игорь рассказал о змее родителям, и они, в свою очередь, также встревожились. Кончилось тем, что будущий муж категорически заявил, что вопрос надо решать, он считал недопустимым наличие змеи в желудке его будущей жены. Вероника склонялась к такому же мнению: зачем ей змея, если жизнь удалась и она выходит замуж? Вероника была уверена, что теперь разберётся в своей жизни без советчиков. Змея будет только мешать. Ещё она опасалась того, что Игорь обидится и раздумает жениться.

Мама Игоря взяла вопрос змеи на себя. Для начала Веронике было предложено сделать гастроскопию желудка. Вероника не имела представления,

что это такое, поэтому легко согласилась. Она пожалела о своём согласии, когда жилистый доктор в очках стал проталкивать ей в пищевод зонд, а толстая медсестра крепко держала её при этом за ноги. Закончив обследование, доктор спросил Веронику:

– Вы в курсе, что у вас там кто-то живёт?

– Конечно, – ответила Вероника, – спросили б сразу, я бы вам рассказала и без этой пытки.

– Предательница, – сказала змея, но услышать её могла только Вероника, – я в тебя душу вкладывала, а ты вот как меня отблагодарила!

Отвечать змее Вероника не нашла нужным. Жилистый доктор что-то написал в направлении и сказал:

– Не пугайтесь, таких случаев сколько угодно, в нашей клинике опытные врачи, всё будет сделано по высшему классу.

Вмешательства опытных врачей не потребовалось, змея не терпела насилия, однажды ночью выползла из желудка Вероники и сбежала. Трудно сказать, куда, скорее всего к такой же глупой девочке, какой была её недавняя хозяйка.

Вероника об этой потере совершенно не переживала, наоборот – почувствовала облегчение, проблема решила сама собой, и больше не надо ходить к докторам, которые уверяют, что операция по извлечению змеи из желудка не представляет никакой опасности, хотя на самом деле это наверняка не так.

Вероника переоценила свои силы, ей казалось, что это она уже научилась остроумию и находчивости и вполне обойдётся без подсказок змеи. Однако жизнь быстро всё расставила по местам.

Вероника благополучно и без проблем вышла замуж за Игоря, жить молодожёны стали вместе с его родителями. Вскоре выяснилось, что его мама ехидна и мелочно придирчива, жаль, она не продемонстрировала этих качеств, пока Вероника была невестой. Колкости и прямые оскорбления сыпались ежедневно. Если бы Вероника вовремя сориентировалась и дала отпор, мама наверняка бы успокоилась, но отпора не последовало. Вероника слишком долго подбирала ответы, и когда они находились, отвечать было поздно, а готовить их заранее, на все случаи жизни, не представлялось возможным. Жизнь Вероники всё более усложнялась. Игорь, глядя на то, как ведёт себя мать, решил не отставать от неё, он был ещё более изощрён, и, главное, Вероника не чувствовала с его стороны никакой любви. Однажды он сказал ей:

– Твоя внутренняя сущность ничтожна.

Вероника заглянула внутрь себя, и поняла, что он прав. Ей захотелось вернуть змею и спросить, как жить дальше, что делать, но разве её найдёшь. Можно было попытаться поискать другую, но разве угадаешь, змеи ведь тоже разные.

Тишина

Корпуса цехов – на поверхности, административные помещения, соединённые длинными коридорами, – под землёй. В прежние времена строили с перспективой военного конфликта. Я трудно осваивал систему переходов и несколько раз блудил, это не вызывало досады, мне хотелось полюбить завод, только так я мог перейти в следующую жизнь. В тридцать шесть лет не поздно начать с чистого листа.

С двадцати трёх до тридцати пяти лет я занимался деятельностью далёкой от созидательной. Задачи разрушения человеку не свойственны, он не получает удовлетворения, даже когда решает их успешно. В душе, словно неразстворимый осадок, скапливается неудовлетворённость жизнью, это опасно, потому что при больших её концентрациях случаются отравления.

Если принимать выражение «в жизни всегда есть место подвигу» прямолинейно, можно много чего натворить. С подвигами вообще сложно. Разве что нашим дедам на Великой Отечественной было с этим вопросом всё понятно. Желание упрощать до элементарного редко даёт неожиданный результат, доупрощаться можно до жестокости, и потом искренне удивляться тому, что получилось. Приносить человеку боль преступно, но стоит уверить себя в том, что это необходимо для какой-то очень важной, государственной цели, как всё встаёт на свои места и начинается подвигом и выглядит.

В прошлой жизни мне приходилось стрелять в людей, такая была работа. Меня выучили этому ремеслу в специальном военном заведении. Я мечтал туда поступить и поступил, одурманенный книгами и кинофильмами. Быть может, я всё-таки не смог бы стрелять в людей, то есть не стал бы профессиональным военным, если б в юности не попал в незначительную, на первый взгляд, ситуацию. Меня избил, возрастом такой же, как я, парень. Не помню его лица. Что-то носатое, тонкогубое, с свалившимися щеками. Это и неважно. Он был не сильнее меня, но был решительнее, точно знал, что способен меня унижить. Я упал от первого же удара, он принялся бить меня ногами. Он долго снился мне потом, не он именно, жестокость не имеет лица, даже во сне хотелось противостоять ей, пусть собственной жестокостью. Бесмысленность такого пути очевидна, но ничего лучшего я не придумал. Позднее выяснилось, что бить человека не обязательно, с ним можно разобраться по-иному. Например, убить из огнестрельного оружия. Главное, поверить, что перед тобой враг, подавить сомнения, профессиональному военному нельзя задумываться над этим вопросом.

Из цеха на вечернюю планёрку в здание управления не обязательно идти тоннелем, можно выбрать иной путь – выйти из ворот завода, зайти в другие, миновать два кирпичных забора и ещё один, обмотанный колючей проволокой. На шлагбаумах документы проверяет служба безопасности, на проходной – вахтёрша, которая прекрасно помнит мою внешность, но всё равно, подолгу сличает фотографию на пропуске с оригиналом и с подозрением допытывается, зачем я пытаюсь проникнуть на завод после окончания рабочего времени.

Всё это долго и утомительно, лучше добраться длинным, скупо освещённым подземным переходом, этот путь лёгок и быстр. Но он не для меня.

Сразу же оглушает тишина, даже уши закладывает. Я стараюсь как можно мягче ставить ногу, но всё равно подошвы хлопают звонко. Звук раздаётся впереди так, словно там идёт человек, догнать его невозможно, и это тревожит. Хочется громко крикнуть, чтобы разрушить тишину, но я не решаюсь, потому что тот человек, который впереди, может подумать, что я сумасшедший. И будет недалёк от истины.

Первые метров двадцать я прохожу бодрой, энергичной походкой – не умею ходить медленно, потом шаги замедляются, оттого, что мимо начинают скользить тени, а впереди, за поворотом, и сзади, прячутся необъяснимые шорохи. Я останавливаюсь, замираю, прислушиваюсь. Как вдруг прямо передо мной падает с потолка, с бетонных перекрытий, тяжёлая капля, с

оглушительным звуком ударяясь в пол, в голову, вовнутрь, в самую сердцевину мозга. Темнеет в глазах, закрываю затылок руками, прикипаю к стене, приседаю, соскользнув вниз... Вторая капля, долбанувшая где-то впереди, добивает окончательно. Упасть, закрыв затылок руками, прикинуть лицом к грязному полу, зажать запястьями уши, чувствовать, как давит рёбра рукоятка пистолета.

Реабилитацию после пребывания в «горячей точке» я проходил в прекрасном санатории в средней полосе России. Лес, поле, река, воздух, закаты, восходы, радушный персонал, отличное питание. Врач Лилия Зиновьевна – стройная женщина с умными серыми глазами под широкими бровями, – учила меня разговаривать с деревьями, с рекой, с травой. Наверное, это хорошая методика реабилитации, но у меня ничего не получалось. Я не мог разглядеть души дерева или реки, воображения не доставало, или моя душа настолько очерствела. Грациозные пассы тонких рук доктора, сопровождавшие обращения её к неодушевлённым предметам, не вдохновляли меня. Контакта с природой не возникало, прикидываться и врать мне не хотелось. Прекрасные серые глаза Лилии Зиновьевны наполнялись грустью – она заканчивала диссертацию, и я не вписывался в её концепцию лечения болезни. Я видел, что причиняю ей беспокойство. Мне не хотелось причинять ей беспокойство, меня влекло к этой женщине, хотелось выговориться, излить ей душу, но я не мог решиться. Мне трудно объяснить, почему. Да потому, что вертолёт уже раскручивал винты, поднимая с камней скупую пыль. Я оглянулся и увидел, что он уже слегка подпрыгивает, приготавливаясь, в громоздкой машине появилась лёгкость, предчувствие полёта. Улетать нужно было немедленно, потому что горы начала окутывать полутьма и ещё потому, что вооружённые бородатые люди должны были вот-вот появиться на взгорье. Мне предстояло остановить их огнём пулемёта, иначе они собьют беззащитную стрекозу. Как командир группы, я должен был прикрыть её отход, умирать – специфика профессии.

Я махнул рукой: вертолёт, словно ожидая этого знака, яростно затарахтел винтами, звук слился в напряжённый, усиливающийся гул. Вертолёт оторвался от земли, несколько мгновений повисел над площадкой, словно решая, лететь или нет, потом, наклонившись вперёд, стал быстро набирать высоту. Раздались выстрелы из ближнего перелеска, я ударил длинной очередью наугад, выстрелы смолкли...

Струдом поднялся, распрямил спину. Как долго просидел я возле стены? Не опоздал ли на вечернюю планёрку? Опоздал. Мне надо забыть тот удаляющийся вертолёт, Лилия Зиновьевна что-то говорила об искусственной амнезии. Всё забыть, начать с чистого листа. Не было вереницы хребтов, теряющихся на горизонте в синеватой дымке, не было отчаяния. Отчаяние и есть смерть. Неужели нельзя сделать в тоннеле нормальное освещение? Решить вопрос с гидроизоляцией? Если б было возможно, я бы пробежал этот коридор, как спринтер, но левая нога после ранения стала немного короче, ношу ортопедическую обувь. И голова после контузии кружится от резких движений. И как бежать, если не знаешь точно, что ждёт за поворотом?

Лилия Зиновьевна, я не хочу рассказывать дереву или реке о том, как бородатые люди с автоматами, прячась в высокой траве и в кустах, окружали меня на взгорье. Они были раздосадованы тем, что вертолёту с основной группой удалось уйти, старались взять меня живым. Не хотелось умирать, но

умереть надо было обязательно, потому что я точно знал, что они сделают со мной, если возьмут живым...

Поднимаюсь из подземного коридора в фойе. Фойе залито ослепительным светом, высоко над головой нависла огромная люстра – сияет и переливается фиолетово-красными блёстками. Куда-то спешат люди, женщины красиво одеты, некоторые улыбаются.

Когда я появился в дверях, планёрка была в разгаре. Главный инженер, маленький и чернявый, похожий на таракана, вскричал:

– Вновь опоздали, Миронов! Вы самый загруженный работой?

Я бы тоже возмутился на его месте.

У бородатых людей с автоматами было стандартное мышление, они были уверены, что я пойду вниз, в ущелье. Они были уверены, что деться мне некуда, и не спешили. Я оставил пулемёт на видном месте, на пригорке, обогнул загонщиков справа, лесом, прошёл мелководной, усыпанной галечником речкой и затаился в колючих терновых кустах на берегу. Пролежал, не шевелясь, сутки, время остановилось. Неделю шёл до границы, питаюсь ягодами и грибами – поджаривал их на костре, наколов на кончик ножа. Вышел на окраину посёлка: девочка в розовой кофте и широких, пузырями, шароварах кормила во дворе дома кур, крошила им куски чёрствой лепёшки. Я заплакал.

Жене сообщили, что я погиб, она слегла с тяжёлым инфарктом и осталась инвалидом. Меня хотели наградить, но не стали, поскольку я подал рапорт об увольнении из Вооружённых сил, обитать пороги военкомата не хотелось...

Я предложил Лилии Зиновьевне создать семью: невозможно было оторваться от её серых глаз. Зачем разговаривать с деревьями или рекой, когда рядом живой человек? Но оказалось, что у Лилии Зиновьевны уже есть семья – муж и два сына. Такой вариант как-то не приходил мне в голову. Лилия Зиновьевна напомнила, что и я не одинок.

Я был одинок. Жена задыхалась от резких движений, редко вставала с постели, она не упрекала меня, но виновник несчастья был очевиден. Если бы я не спасся тогда, в горах, ей было бы легче.

– Вы и дальше собираетесь опаздывать, Миронов? – главный инженер не упускал случая провести урок публичного воспитания.

– Я напишу заявление об уходе по состоянию здоровья.

– Не пугайте меня заявлениями.

– Я не пугаю.

Меня нужно было уволить сразу же после того, как я избил токаря Терентьева, тот напился, и не смог выполнить срочный заказ. Я разбил ему нос, кровь залила губы и подбородок. Терентьев – рыхлый, с отёчным испитым лицом, покорно воспринял экзекуцию, только сказал, тупо глядя оловянными глазами:

– Вы не правы, товарищ начальник. Как вам не стыдно?

Я понимал, что неправ, но передо мной был враг, перед врагом не может быть стыдно.

Я написал заявление. Главный инженер бросил его в ящик стола. Он думал, что всё останется по-прежнему, но на следующей неделе я выстрелил в подземном переходе в мелькнувшую тень, и вопрос с подписанием заявления решился быстро.

Отставному военному нелегко найти работу, я допоздна смотрю сериалы по телевизору, где героические парни воюют с бородатыми людьми. Ночью мне снятся гулкие тоннели, из которых нет выхода.

Хэллоуин

Старику нравилось выращивать тыквы: спелая, налитая, по-хозяйски расположившаяся на грядке тыква напоминала ему грудастую, с широкими бёдрами, в самом соку женщину. Ему нравились такие женщины, жёны его, все четыре, были такими.

Его призвали в армию сразу же после войны, он прослужил семь лет, оставшись на сверхсрочную службу; в армии ему нравилось, там был порядок, дисциплина, там было понятно, как жить. Старику не хотелось демобилизоваться, но мать жила одна, просила вернуться. В деревне он оказался нарасхват, мужиков за войну повыбило, но он и без того гляделся отменно: весёлый, с гармошкой, на любой вечеринке незаменим; пел, правда, неважно, зато громко и задорно. Женским вниманием он быстро избаловался, мать беспокоилась и просила поскорее жениться. В то время он впервые заметил, что худые, чернявые бабы наутро стыдятся, прячут глаза, горько укоряют, так, словно не они его, а он их тащил накануне в постель; сдобные же, пышные, – благодарно улыбаются, норовят прижаться лишний раз.

Впрочем, всё это было так давно, что казалось Старику кадрами старых картин про кубанских казаков или про Ивана Бровкина. Четвёртую жену, Полину, он похоронил шесть лет назад и уже привык жить один.

Каждый год в конце апреля Старик раскладывал на подоконнике, на мокрых газетах тыквенные семечки, а когда они, набухнув, лопались и проклёвывался зелёный росток, – помещал их в пластмассовые прозрачные стаканчики с землёй, а в июне высаживал в грунт.

Старик жил на третьем этаже двенадцатиэтажного дома, на краю города, для того, чтобы дойти до огорода или, как говорил Старик, до участка, нужно было миновать сквер, по крутой, извилистой тропинке, в овраг, подняться на другой его край к опушке небольшого леса, потом пройти вдоль до шаткого железного мостика, с пола которого хозяйственные дачники постоянно похищали доски. С этого расстояния уже можно было разглядеть дощатую, провисшую в петлях дверь, которую Старик всякий раз тщательно запирали на внушительный, «амбарный», замок. Замок, впрочем, решающей роли не играл, потому что на участок без особого труда можно было проникнуть через невысокий, провисший в нескольких местах забор.

С каждым годом участок казался всё дальше от дома, оттого что всё большее время требовалось Старику на преодоление расстояния до него. На участке приходилось работать: вырывать сорняки, вскапывать закаменевшую землю под деревьями, окучивать тяпкой помидоры, поливать изнывающую под крутым солнцем растительность и, в первую очередь, тыквы.

Придя на участок, Старик первым делом ложился отдохнуть на продавленный, занимавший почти всё внутреннее пространство домика диван, и с полчаса дремал, запрокинув седую, коротко постриженную голову и распахнув рубашку на узкой, впалой груди. Он понимал, что земледелие надо бросать, но всё оттягивал окончательный момент, он цеплялся за эту последнюю в его жизни работу, чувствуя, что это последний рубеж. Старик многое знал

о том, что там, за рубежом, и почти не боялся, но ему хотелось, чтобы даже такая, без особых радостей, жизнь ещё немного продлилась.

У Старика был сын возрастом за шестьдесят, сын приезжал раз в месяц, с утра, привозил бутылку водки, которую сам же в процессе прибывания и выпивал; Старик давно не пил, не оттого, что берёт здоровье, – просто отвык от зелья, считая его баловством. Вечером, торопясь на автобус, сын каждый раз жаловался, что завтра на работу, что в выходные дни так и не отдохнул. Старик угрюмо молчал, сознавая вину в усталости сына. Однажды, не выдержав, сказал:

– Да не приезжай ты уже, сиди дома. Что ты всё мучаешься?

Сын обиженно вздохнул и ничего не ответил, он разжирел, закис на сидячей работе: лысина в испарине, глаза под стёклами очков в коричневой роговой оправе влажные, то ли от пота, то ли от слёз. Иногда Старику казалось странным, что у него такой изношенный, измождённый жизнью сын. Было неприятно, когда он жаловался на жену и взрослых, грубящих ему детей; жаловался на свои болезни с мудрёными, длинными названиями.

Старик никогда никому не жаловался, хотя всю жизнь работал много и тяжело: сварщиком, бетонщиком, бурильщиком; теперь каждую ночь болели руки, ноги, поясница, что только не болело. Жаловаться было бессмысленно, да и некому. Не сыну же.

Лето, оказавшееся последним в его жизни, выдалось изнурительно жарким. Старику трудно было заставлять себя брести по солнцепёку на участок, но он шёл, правда, сил хватало полить только тыквы.

Среди разлапистых, мощных листьев уже появлялись первые маленькие детёныши тыкв, но они быстро засыхали и отваливались. Старик сокрушённо качал головой, замечая очередную погубленную жизнь. В конце июля определилось пять тыкв, которые могли бы развиться в полноценных, взрослых красавиц. Старик обломал все прочие завязи и освободил выбранные тыквы от листьев.

Лето разыгралось не на шутку, к одиннадцати часам утра жара становилась невыносимой. Старик старался попасть на участок пораньше, но всё равно захватывал солнцепёк. Спустившись в овраг, он переждал минут двадцать в тени небольших берёзок и лишь потом принимался одолевать подъём. Однажды он придремал, ссутулившись на трухлявом бревне, и увидел во сне белобрысую девочку лет двенадцати; волосы её были заплетены в две тонкие косички – «крысиные хвостики», а лицо – в бледно-коричневых веснушках; одета в застиранный белый сарафан с едва заметными, блеклыми цветами.

Катя с матерью – Зинаидой жила через дом от Старика, которого в то время звали Костей. Катя имела прозвище Сурепка.

– Тебя же бомбой убило, когда ты за кошкой выскочила, – сказал Старик.

– Ничего меня не убило, – ответила Катя, – ты на мне жениться после войны обещал? Забыл?

Старик действительно забыл, но теперь вспомнил. Это было перед оккупацией, они бегали втроём, – Костя, Сурепка и её младший брат Сёмка, – на колхозное поле, где лежало на сухой, растрескавшейся земле множество тыкв. Они выбирали самую красивую и притаскивали её Катиной маме. Тётя Зина жарила тыкву вкуснейшими, толстыми пластинами, Костя, Катя и Сёмка, обжигаясь, расхватывали их с алюминиевой тарелки.

Однажды Катя заманила Костю за сарай, спустила с плеч лямки сарафана и показала груди. Никакого впечатления на Костю они не произвели,

и грудей-то не было, – едва обозначенные бугорки с маленькими, бледными сосками. Сурепка придала происшедшему большое значение, испытующе взглянув Косте в глаза, спросила:

– Видел? Теперь тебе нужно обязательно на мне жениться, теперь меня замуж никто не возьмёт. Когда война кончится, женишься?

– Конечно, – пообещал Костя. Катя ему нравилась, почему бы не жениться на ней? Но он посчитал необходимым задать вопрос:

– А тыкву жарить ты умеешь?

– Научусь, – пообещала Катя, – мама сказала, что научит. Я и кашу гречневую научусь в печке, в чугуне томить.

Тыквы радовали Старика, они лежали неподалёку друг от друга, объёмистые, светло-зелёные, полосатые, одинаковые, словно сёстры. Можно было снимать их и везти домой, но снимать было жаль: сентябрь ожидался жарким и погожим. Старика беспокоило то, что слишком большие тыквы довести на тележке будет не под силу. Помочь некому, не сына же просить. Старик точно знал, что он скажет в ответ: рынок напротив дома, пойдёшь, купи себе кусок тыквы и ешь, сколько влезет. Нет, сыну не объяснишь, как был он чужим, так и остался. Порой Старику думалось: да его ли это сын? Но он знал, что его.

Тося работала штукатуром в той же строительной бригаде, что и Костя, первая Костина жена, Шура, осталась в деревне, – обещала, что приедет к нему в город, но всё не ехала, писала, что жаль бросить хозяйство, что мать старая. Костя чувствовал, не это причина, сошлась Шура с кем-то из деревенских мужиков. Так и оказалось.

С Тосей Костя ходил на танцы в парк. Нельзя сказать, чтобы эта девушка сильно ему нравилась, но была Тося задорной, деловитой и, как говорили о ней на комсомольских собраниях, инициативной. Ростом невелика, но здоровье так и пёрло, – плечистая, грудастая, крепкая. Однажды после танцев допоздна засиделись на дальней скамейке позади аттракциона «Комната смеха», фонарей вокруг не было, густые кусты укрывали от чужих глаз. Непонятно почему, но скорее всего, потому что Тосе давно этого хотелось, молодые люди на некоторое время сошли с ума, а когда очнулись, было поздно. Через два месяца результат сумасшествия стал очевиден, Тося плакала у Кости в общежитии, жаловалась, что её исключат из комсомола за моральное разложение. Поженились, родился сын, прожили недолго, лет пять.

Сентябрь ожиданий не обманул, солнце пылало по-летнему, из пяти тыкв выжило две, к концу сентября они выглядели полностью вызревшими, и Старик решил: надо снимать. Критически осмотрел тележку. Тележка была особенной конструкции, – заводские колёса он заменил большими, от старой детской коляски, кроме того, приделал на тележку обширный деревянный помост, тыква на нём вполне могла поместиться. Закрепить тыкву можно будет специальными резинками, которые имелись у Старика в достаточном количестве.

Старик знал, что с любой задачей удаётся справиться лишь в том случае, когда уверен в успехе. А он был уверен.

В домике на участке, в навесном шкафу, Старик нашёл две сетки, раньше такие сетки называли «авоськами». Но это были необычные «авоськи», – большого объёма. Пошарив под кроватью, вытянул моток верёвки, осмотрел,

подёргал верёвку, проверяя на прочность. Всё то, что ему доводилось делать, он тщательно продумывал, продумал и план доставки тыкв, всё должно было получиться.

Стебли тыкв пилил ножовкой по металлу, стебли были крепкими и уже порядком подсохли, он боялся сломать полотно, запасного не было. Когда толщины оставалось немного, старался водить ножовкой медленнее, успевал вовремя отёрнуть полотно, когда тыква, освободившись, всей тяжестью ложилась на землю.

Подкатив тыквы к выходу, Старик некоторое время постоял, любуясь красотой плодов. Ломило поясницу, ныло правое колено, на которое он опирался, когда пилил.

Первый этап – от участка до спуска в овраг – был самым лёгким, Старик одолел его без труда, высокие колёса значительно облегчали дело, когда приходилось преодолевать небольшие ямы или кочки. Старик вёз тележку не спеша, расчётливо сберегая силы, любую работу он делал неторопливо, солидно, даже, когда это не представлялось возможным, он мог бы много чего посоветовать по этому поводу, только советовать было некому. Не сыну же.

Первую трудность вызвал железный мостик. Когда Старик шёл на участок за тыквами, на мосту лежали три старых, изъеденных жучком доски, – когда прибыл гружёный, досок уже не было, кому-то, по причине запредельной жадности, понадобилась эта гниль. Многие люди хозяйственность видят в воровстве, Старик понимал эту точку зрения, но не одобрял.

Ему пришлось спрятать тележку с тыквой в кустах сирени и вернуться на участок за досками. Доски были почти новые, но Старику не было их жалко.

Спуск в овраг доставил много переживаний: если толкать тачку впереди, – она могла увлечь вслед за собой лёгкого весом Старика; если везти тачку следом, – можно было запнуться и упасть, тележка с тыквой будет долго кувиркаться, пока не достигнет дна оврага, где разбросан разного рода металлолом, торчат из болотины брёвна и доски.

Старик благополучно скатил в овраг первую тыкву, освободил её от резиновых пут, выгрузил под дерево, в мягкую, подсохшую траву. Он сразу же заторопился подниматься вверх, беспокоясь, что вторая тыква может быть похищена хозяйственными дачниками, но пот застилал глаза, дыхание прерывалось, сердце яростно колотилось в рёбра. Старик присел на вывороченный из земли корень и впервые подумал о том, что дело может оказаться не по силам.

Перед тем, как захватить деревню, немцы стали её бомбить, зачем они это делали – непонятно, Красная армия давно отступила. Жители попрятались от взрывов кто где, Костя с Сёмкой залезли в сарае под старую кровать, там было темно и не страшно. Катя собралась было к ним, но увидела в приоткрытую дверь, что перепуганная кошка Анфиска мечется по улице. Выскочив, Катя принялась ловить её, одной из бомб Катю разорвало на части.

Когда бомбёжка стихла, тётя Зина собрала то, что можно было собрать, и похоронила на кладбище. Костя нашёл лоскуток застиранного сарафана и плакал над ним за сараем. Тётя Зина отняла лоскуток, отнесла на кладбище и тоже закопала в Катиной могиле.

Немцы пришли в село и расположились по хатам на постой, это были чужие люди и пахли они по-своему, неприятно. Костя не мог определить, чем

они, в точности, пахли, может быть пережаренной с салом и луком, гороховой кашей, гуталином и крепким табаком.

Костина мать простудилась накануне, перебирая прошлогоднюю картошку в погребе, сильно кашляла, поэтому никто из немецких офицеров идти в Костину хату не согласился, к ним определили невзрачного худого ефрейтора в очках и с маленькими усиками. Ефрейтор, приветливо улыбаясь, спросил на ломаном русском, где Костин отец? Костя, гордясь своей смелостью, сообщил, что его отец и старший брат на фронте, в Красной армии, воюют с фашистами, старший брат – лётчик. Насчёт лётчика он соврал, брат был связистом.

Укоризненно покачав головой, ефрейтор, путаясь в сложных русских падежах, разъяснил, что он не немец, он – чех, только поэтому Косте за его слова ничего не будет, но если он расскажет это кому-нибудь из немцев, ему будет пух-пух. Чех приставил указательный палец к впалому Костиному животу и ещё раз, звонко повторил: пух-пух.

На пригорке за сельсоветом немцы поставили объёмистую, зелёного цвета бочку, для заправки техники. Костю бочка эта заинтересовала, у него сложился план. Гуляя вечером, будто бы без дела, он нарезал несколько кругов неподалёку от неё и определил, что охраняет бочку лишь один часовой, причём держится на расстоянии, потому что непрерывно курит. Проектор светит лишь на то место, куда подъезжает техника, торчащий с торца бочки кран остаётся в полутьме. Вентиль крана обмотан цепью и заперт на замок. Подойдя поближе, со стороны, противоположной часовому, Костя смог рассмотреть цепь, – железным прутом можно будет разогнуть одно из звеньев и освободить вентиль.

Следующая ночь выдалась безлунной и холодной, сентябрь почти закончился, каждый день с утра шёл мелкий, холодный дождь, с наступлением темноты приморазивало. Костю била мелкая, нервная дрожь. Дождавшись, пока охранник уйдёт греться, Костя пробрался к бочке и освободил кран от цепи, надел на сосок заранее припасённый шланг, закрепил его проволокой, после этого полностью открыл кран. Шланг был нужен для того, чтобы струя не шумела в ночной тишине, падая на землю. Топливо стало неслышно стекать в липкую, водянистую грязь и небольшим ручейком устремляться вниз, к оврагу.

Костю беспокоило то, что топливо не успеет полностью вытечь до утра, но оно успело. Утром Костя, придя к сельсовету, откуда их возили на бортовой машине в поле, рыть окопы, увидел, как немецкий офицер бежит вокруг бочки и громко ругается на своём языке. Костя пожалел, что не решился поджечь вытекшее топливо...

Старик спустил на тележке в овраг вторую тыкву и был горд этой победой, однако посмотрев вверх, на край оврага, куда ему предстояло поднять обе тыквы, понял, что сделать этого не сможет. Он не поднимет туда даже пустую тачку.

Но Старик предусмотрел такой вариант, он затолкал тыкву в большую «сетку-авоську», привязал к ней длинную верёвку, после чего медленно, почти на четвереньках, стал выбираться из оврага, располагая верёвку по земле меж мелких деревьев и кустов. Оказавшись наверху, он взял верёвку на плечо и стал тянуть тыкву, словно бурлак. Когда верёвка выбрала слабинку, он почувствовал, как тыква стонулась и медленно двинулась вверх, задерживаясь временами на переплетениях корней деревьев. Старик продвигался

вперёд, удовлетворённо сопя и вытирая пот, уверенный в том, что победил крутой склон оврага.

Подъём тыквы был почти завершён, когда Старик почувствовал рывок, освобождение от груза и понял, что порвалась верёвка, или, скорее всего, прорвался низ сетки. Резко оглянувшись, он увидел, как тыква быстро катится вниз. Старик надеялся, что она минует толстые деревья, оказавшись на дне оврага, запутается в густой траве и камыше и уцелеет. Но набрав скорость, тыква налетела на крепкий дубок и раскололась на несколько частей, из неё вылетела мотня с семечками и повисла на кусте шиповника, а разбитые части беспорядочно скатились в овраг, увязнув там, в грязном русле пересыхающего ручья.

У Старика заныло сердце, отдавшись болью в спину, в левую лопатку. Он присел на землю, опустил голову, ощутив, как больно было тыкве при ударе о дуб. Можно было спуститься в овраг, собрать остатки тыквы и отмыть их дома, в ванне, но Старик не стал этого делать.

Со второй тыквой всё прошло гладко – подтянув к краю оврага, Старик закатил её на помост тележки, упираясь руками и животом. Тыква доверчиво прижималась крутым боком к животу Старика и казалась ему живым существом. Он надёжно оплёл её резиновыми бинтами, прикрепив к стойкам и деревянному помосту.

Оставался прямой путь через сквер к двенадцатиэтажке, по ровному асфальту, но сил на этот рывок у Старика не осталось. Он закатил тележку глубоко в кусты, положил её боком и закидал ветками, решив прийти завтра утром.

Но следующим утром прийти не удалось, Старика всю ночь ломало и душило; сердце то останавливалось, то колотилось так, словно собиралось выпрыгнуть через горло. Он совсем уже собрался вызвать «скорую», но, оглядев себя, понял, что, так и не переодевшись, лежит на кровати в тех самых грязных брюках, в которых вёз вчера тыквы. Он решил перетерпеть и перетерпел боль.

Он отправился утром, через день, но дойти до схрона не успел, навстречу попались два молодых человека лет шестнадцати, весело переговариваясь, они тянули его тележку с тыквой. Старик хотел возмутиться, потребовать, чтобы они вернули чужое, но передумал, рассудив: «Зачем она мне, эта тыква? Пусть молодые съедят, у меня всё равно больше половины пропадёт».

Один из юношей, остановившись, спросил Старика:

– Дед, скажи, тыква месяц пролежит, не сгниёт?

– Да она и до декабря пролежит, на Новый год съедите.

– А её что, есть можно? Я думал, только семечки.

– Ещё как можно, – заверил Старик, – но зачем она вам, если вы её есть не будете?

– В конце октября Хэллоуин, – объяснил юноша, – мы её выпотрошим, прорежем глаза, рот, вовнутрь вставим свечу, будем девчонок ночью пугать.

Старик не знал, что такое Хэллоуин и почему ради него нужно уродовать красавицу-тыкву, но на всякий случай кивнул, словно удовлетворившись этими объяснениями. Он проводил тележку взглядом до тех пор, пока юноши, в далёкой перспективе улицы, не свернули влево.

В конце января со Стариком случился инсульт, онемела правая сторона тела, сын нанял чернявую, худую сиделку, которая со Стариком почти не

разговаривала, только всё время что-то сосредоточенно вязала, – покормит или подставит судно, – и опять вяжет. Приходил доктор, парень лет тридцати с интеллигентным, но раскормленным лицом. Старик сначала не решался, но потом спросил у него:

– Вы не знаете, что такое Хэллоуин?

– Праздник такой американский, – не поднимая головы, ответил парень, он заполнял рецепт, – почему вас это интересует?

– А в Германии есть такой праздник?

– Кажется, есть. Да, точно есть, по телевизору как-то показывали, они там с тыквами ночью бегали.

– Я так и думал, – сказал Старик.

P.S.: Halloween (Хэллоуин) – ночь накануне Дня всех святых с 31 октября на 1 ноября, праздник, берущий своё начало в Ирландии, затем ставший традиционным в Америке, после Второй мировой войны вернувшийся в Европу, в том числе в Германию.

ПОЭЗИЯ

Инна ВАРВАРИЦА

Инна Петровна Варварица – родилась в Свердловске. В 1948 г. семья переехала в Москву. Окончила фармацевтический факультет 1-го Московского Медицинского института им. Сеченова. Более 40 лет работала химиком-аналитиком. Много путешествовала по Европе от Скандинавии до Кипра, побывала в США, Египте, Японии. Автор восьми поэтических сборников, книги стихов и прозы, двух детских книг. Член МГО СПР.

Живёт в Москве.

Помним гордое имя Советской страны...

Мы из прошлого века

Мы из прошлого века, мы дети войны,
Мы в лихую годину страны рождены,
Где порой не осталась в живых даже мать,
Многим некого стало словом «папа» назвать.
А уж если с войны он вернулся живой,
Нас считали везучей, счастливой семьёй!

Мы из прошлого века, мы дети войны,
Но мы знали – мы, дети великой страны,
Что героев Победы хранит имена.
Поднималась из пепла родная страна,
Только как бы ни трудно ей было в тот час,
За величием дел она помнила нас!
Нам доступными были спортзалы, кружки,
Стадионы, Дворцы пионеров, катки.
Нас учили всему! Если ты не лентяй,
То любую дорогу себе выбирай!

Пусть красоты заморские нам незнакомы,
Нас водили в походы по краю родному.
Впечатления память хранит до сих пор:
Многозвёздный отель – у палатки костёр,
Купол неба над ним в лунно-звёздных лучах,
Под гитару душевные песни звучат,
В котелке над костром – наш нехитрый обед,
Чай по кружкам разлит...

Нашей юности свет

Мы захватим в наследство во взрослую жизнь,
Где ценился во всём профессионализм,
Бескорыстность, ответственность, совесть и честь,
Что теперь далеко не у каждого есть.

Мы из прошлого века, мы помним страну,
Где ценили людей по труду и уму,
Что давало стране небывалый расцвет
И в науке, и в спорте великих побед!
Мы из прошлого века, мы дети войны,
Помним гордое имя Советской страны.
Скажем Родине, так же, как в те времена:
«За счастливое детство спасибо, страна!»

Особенности русского характера

Мне ни от кого не надо ни шиша!

Строка из песни Ивана Бахтина

Широко раскинулась Родина бескрайная!
И поля, и степи, горы и леса!
Все твои богатства – это зависть давняя
Тех, кому Европа старая тесна.

Царская, Советская или президентская –
Красной тряпкой Родина западным быкам!
Только нам «до лампочки» все их псевдоценности,
Их шакалье тьякканье – не указка нам!

Вечно в нашу сторону смотрят жадным взглядом!
Разбирайтесь лучше в бардаке своём!
Никогда от вас нам ничего не надо,
По своим ухабам и без вас пройдем!

Наплюём на санкции ваши, приспособимся,
Что-то сами вырубить сможем топором!
И без всякой роскоши мы легко обходимся.
К трудностям привычны мы и не пропадем!

Совет

Строят дом, растят детей
Люди, звери, птички.
У зверей, как у людей,
Разные привычки.

Волк заботливо несёт
В логово добычу.
Лев – совсем наоборот,
Царь Зверей обычно
Коротает свой досуг,
Словно на диване.
Львицы сами принесут
Детям пропитанье!

Но всех хуже, говорят,
Белые медведи!
Папа может медвежат
На обед отведать,
На детей, голодный, злой, –
Броситься в атаку!
Мать-медведица порой
С ним вступает в драку!
И какой судьбой детей
Завершится стычка?
У людей, как у зверей,
Разные привычки.

С кем судьбу свою связать,
Выбор делай с толком!
Хорошо «Царицей» стать,
Но надёжней – с волком!

Так давно повелось на Руси

*Спит Алёнушка возле камушка.
В сонных душах – тоска и мрак.
Из героев – один Иванушка,
Да и тот – последний дурак.*

«Мимолётное»
Людмила Щипахина

Ах, Россия! Леса зелёные,
В речках омуты глубоки!
Как живётся вам здесь, Алёнушки
И Иванушки-дураки?
Труд не в тягость – к нему привычны вы,
Не ленивые и не сонные,
На чужую беду – отзывчивы,
Перед ворогом – непреклонные.

В избах ваших – нужда, от неё никак
Не уйти. А богатство безмерное
Во дворцах Соловья-разбойника

Да жадюги Кощея-бессмертного –
Где-то за морем. Он готов бы всю
Русь сгрести, собрал шакаля полки.
На Руси справляются с нечистью
Лишь Иванушки-дураки!

Терпеливые, немногословные,
Горло попусту драть непривычные,
Все невзгоды порой покорно вы
Переносите, горемычные.
Но когда допечёт Иванушку
Вражий рой до каленья белого,
Он поднимет с землицы камушек
И Бог знает, что с ними сделает!

Вот говорят: «Душа поёт»...
«Душа болит»... «Душа страдает»...
Как выглядит она – кто знает?
В каком из органов живёт
Душа? На это медицина
Нам однозначный даст ответ:
«С таким названьем нет гормона,
И органа такого нет».

Её пытались разглядеть,
Найти, определить и взвесить.
Но не нашли её нигде!
Да не у всех она и есть ведь!
Бывает, без неё живут,
Творя дела чернее ночи,
И огорчаются не очень,
Что их бездушными зовут.

И всё же, всё же – есть душа!
Она отзывчива, ранима!
Она присутствует незримо
Во всём, чем люди дорожат.
Природы не определить
Структуры эфемерной этой,
Но без души не сотворить
Шедевр художникам, поэтам.

Она – источник добрых дел,
Любви опора и основа.

Вот струны чьих-то душ задел
 Певец, оркестр, смысл точный слова,
 Достигнув творческих вершин!
 Но чтобы так случилось, в это
 Вложили часть своей души
 Творцы искусства и поэты!

ПУБЛИЦИСТИКА

Николай ПЕРНАЙ

Всеобщее беспамятство

Мудрость – явление редкое и драгоценное. Настоящая глубокая мудрость прорастает в человеке по мере приобретения опыта. Однако – не всякого опыта: не всякий, обременённый тяжестью прожитых лет старик, становится мудрым. Ценность имеет только тот опыт, который приобретается в результате преодолений многочисленных трудностей, лишений, иногда тяжких болезней, особенно – опыт ошибок, критических неудач и поражений, умения выстоять, не сломаться и победить в, казалось бы, безнадежных ситуациях, и всё это – при неизменной склонности субъекта к анализу, самоанализу и логическим умозаключениям. Мудрый человек с годами приобретает способности, во-первых, к необычайной прозорливости – объёмному видению всех предметов и явлений бытия в их сложной системной взаимосвязи и, во-вторых, – в способности предвидеть в будущем последствия текущих событий.

Как многие граждане, достигнув весьма преклонного возраста, я, к сожалению, не обрёл искомой мудрости, вследствие чего по-прежнему проявляю излишнюю доверчивость и совершаю множество ошибок, нередко – совсем глупых. Однако жизнь во «времена перемен» волей-неволей учит многому, учит даже тех, кто совсем не хочет учиться. Меня полвека педагогической работы тоже кое-чему научили, прежде всего – сравнительному анализу происходящего и установлению системных взаимосвязей многих явлений. И многолетний анализ привёл меня к определенным выводам. Это – невесёлые выводы.

Сегодня только слепоглухонемые не видят, как сильно за последние три десятка лет деградировало наше, российское, образование. Разгром созданной ещё в 1940 году системы профтехобразования, тяжкие последствия бездумного внедрения ЕГЭ и чуждой нам болонской системы, постепенное (но неуклонное) сворачивание воспитательной работы с учащимися – это только некоторые эпизоды деградации, которая проходила

Николай Васильевич Пернай – ветеран педагогического труда с педагогическим стажем в Братске более 50 лет, отличник среднего специального образования Союза ССР, отличник профессионально-технического образования России, почётный работник начального профессионального образования России, кавалер ордена «Знак Почёта», заслуженный учитель России. Учёный, кандидат педагогических наук. Литератор, лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2014). В настоящее время член Совета старейшин города Братска, лектор.

Живёт в Братске.

на наших глазах (нередко с нашего молчаливого согласия) и шла непрерывно с нарастанием. Сегодня деградация образования стала очевидной. Угрожающе опасной! Создалась почти тупиковая ситуация, и ни самые авторитетные учёные мужи, ни высокие политики не знают, как из неё выкруливаться. В очень сегодня актуальном патриотическом воспитании молодёжи (составной части образовательного процесса) положение аналогичное.

Трудно сказать, с чего всё начиналось. Возможно, с XX съезда КПСС (1956), когда по инициативе Хрущёва произошло скандальное развенчание «культы личности» Сталина, которое положило начало извращению истории СССР и смене идеологической и образовательной парадигм; возможно, это произошло во время визита в США (1992) первого президента РФ Ельцина, когда он заявил: «Я два раза облетел вокруг статуи Свободы и как будто – два раза вдохнул воздух свободы», а свою речь в Конгрессе США он завершил словами: «Господи, благослови Америку!», предав интересы своей страны; а может, это происходило в то время (1993), когда Ельцин отдавал приказ танкистам стрелять по Белому дому в депутатов закононо избранного Верховного Совета России.

Впрочем, путаница в идеологии и партийных умах происходила и раньше. Поскольку имя И.В. Сталина после XX съезда КПСС было табу, то многое из «сталинского» социализма преподносилось партийными историками в крайне урезанном или даже извращённом виде.

Вспоминаю год 1965-й, 9 Мая.

Впервые за последние 20 лет после Великой Отечественной войны у нас в городе Братске проводилась праздничная демонстрация в честь Дня Победы. На улице Мира напротив кинотеатра «Россия» выстроились колонны людей, все в плащ-палатках защитного цвета. Это были ветераны войны, и было их тогда около трёх тысяч человек. На праздничном митинге, председатель городского Совета ветеранов В.М. Янин, заместитель начальника Братскгэстроя, сам бывший фронтовик, неожиданно произнёс слова, которых люди давно не слышали: «Слава организатору и вдохновителю всех побед нашего народа Верховному главнокомандующему Иосифу Виссарионовичу Сталину!». После этих слов над толпой вдруг повисла мёртвая тишина, которая через мгновение взорвалась могучим троекратным солдатским «Ура!». Когда началось шествие ветеранов, на лицах многих были слёзы: люди слышали то, что давно не слышали, то, что для всех было дорого. Мы со школьниками и студентами в тот раз не участвовали в праздничном шествии – только аплодировали ветеранам. Было очень трогательно.

Это было в первый год прихода к власти Брежнева. К сожалению, в течение последующих 30 лет такие шествия в нашем городе не проводились, и только в 1995 году в честь Дня Победы стали проходить и общегородские праздничные демонстрации, и различные развлекательные мероприятия. И все эти годы имя Сталина и в учебниках, и на телевидении, и в газетах упоминалось крайне редко, обычно – в связи с репрессиями. В течение нескольких десятилетий нашему народу внушали (и многим таки внушили!), что Сталин – отрицательный исторический персонаж. И на него повесили всё худшее, что было при советской власти. Процесс десталинизации шёл многие годы и продолжается в настоящее время, нанося огромный ущерб международному авторитету нашей страны и принижая значимость ратного подвига миллионов солдат, которые шли в бой «за Родину, за Сталина!». Всё это не могло не сказаться на качестве воспитательной работы с молодёжью.

Пока у руля была партия коммунистов и господствовала идеология активного оборончества («Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!»), стимулировались всевозможные формы военно-патриотической работы, начиная с уроков начальной военной подготовки, кружков и секций по военно-прикладным видам спорта при ДОСААФ, пионерской игры «Зарница», соревнований по стрельбе и разборке-сборке АК, многообразных мероприятий, посвящённых ВОВ, и кончая тимуровской работой по оказанию помощи немощным бабушкам и дедушкам и обязательным чествованием ветеранов войны, блокадников Ленинграда, героев тыла и узников фашистских лагерей. По инерции вся эта работа продолжалась и после распада СССР, до начала 2000-х годов. Мы, педагоги тех лет, понимали, что нельзя иначе.

Так, задолго до общегородских праздничных шествий мы в нашем техникуме 8 мая обычно проводили праздничные классные часы, потом учащиеся дневного отделения (около полутора тысяч человек) выстраивались в длинную колонну, в голову колонны вставала группа ветеранов войны (их у нас было восемь человек), и по улицам города торжественным маршем мы шли к Мемориалу Славы. Там у Мемориала мы проводили митинг, звучали слова из «Реквиема» Роберта Рождественского: «Помните! О тех, кто уже не придёт никогда! Помните!..» Была минута памяти, минута молчания. Мы возлагали к Вечному Огню цветы и гирлянду из еловых веток, обходили по кругу Мемориал, читая набранные металлическими буквами фамилии тысяч наших земляков: Дубыниных, Метляевых, Московских, Непомнящих, Париловых, Погодаевых, Седых, Хромовских, Шаманских и многих других, погибших на войне. Так было в течение многих лет.

Практика чествования ветеранов ВОВ и встреч с ними в школах, училищах, техникумах и вузах в советские годы была общепринятой, привычной, и эта практика ещё сохранялась в начале нулевых годов. На торжествах, проводимых в учебных заведениях, дворцах культуры и клубах рассказывалось о битве под Москвой, Сталинградской битве, битве на Курской дуге, о Берлинской, Пражской и других операциях, о нашем земляке Степане Погодаеве, повторившем на Сапун-горе в Севастополе подвиг Матросова, и о других героях-братчанах. Рассказы о памятных событиях ВОВ и её героях, особенно о сибиряках, звучали и на уроках истории, и на митингах, и в телепередачах. Так было принято. И наши дети привычно считали себя наследниками воинов-победителей и гордились своей страной, одержавшей Великую Победу.

Но шло время, и стало происходить что-то непонятное. Понемногу стихала риторика о войне, всё меньше стали говорить о великих и тяжелейших битвах, все больше воздерживались от упоминания, какой ценой завоевано наше благополучие. Реже стали упоминать имена маршалов Победы Жукова, Рокоссовского, Конева и других. Имя Сталина – Верховного Главнокомандующего Победы – по-прежнему было табу.

А с переходом в 1990-е годы к капиталистическому образу жизни началось реформирование образования, которое поначалу казалось в чём-то даже целесообразным. Так, в средних школах, ПТУ и ссузах была отменена начальная военная подготовка (НВП) и введён предмет под названием «основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ), прозванный учащимися: «спасайся, кто может». Но дело не только в этом. Понемногу по-тихому военно-патриотическая работа с учащимися начала сворачиваться. И про те большие и малые, индивидуальные и массовые дела, которые ещё не так давно делались привычно и повсеместно, уже никто не говорил. Как будто забыли. Все дружно забыли, что надо делать!

Недавно, в День Победы, мэр города С.В. Серебренников, поздравляя братчан с праздником, рассказывал, как они вместе с председателем городской Думы Л.М. Павловой ездили с поздравлениями и подарками по квартирам ветеранов войны (их в городе в живых осталось всего 9 человек), как их чествовали. И это было прекрасно!

Однако...

В течение нескольких последних лет ни школы, ни другие учебные заведения уже не зовут к себе ни ветеранов, ни детей войны, и ученики их тоже не навещают. И никто не говорит, что это нехорошо, что нельзя забывать стариков, потому что они – не только хранители памяти о прошлом, они часть нашей истории, живые её участники и творцы. И тот, кто не знает истории, не обращается к её урокам, не сможет правильно ориентироваться в происходящих событиях и будет нещадно бит.

Беда в том, что сегодня всеобщее беспамятство повсеместно, от высших властных структур до низших, становится стилем нашей жизни.

Вот идёт праздничный концерт в ДК «Братск-Арт», посвящённый Дню Победы.

Всё как всегда: современный отлично оборудованный театральный зал, полностью заполненный (около тысячи зрителей), на сцене прекрасные артисты, особенно танцоры и певцы, блестяще исполняются песни и танцы. Хор соловушек-мальчиков великолепен! Красивая девушка с чувством старательно поет: «Ах, война, что ты сделала, подлая!» Всё артистично, талантливо, «клёво». Временами довольно трогательно. Однако почему-то в ходе сценария не названа ни одна памятная дата, ни одно имя: ни солдата, ни маршала. Всё обезличено и не привязано к конкретным местам и событиям. И ни слова – о героях-братчанах. Много какой-то сентиментальной болтовни вместо прочувствованного рассказа о конкретных военных действиях. Почему-то совсем не исполняются фронтовые песни, которые знает и с любовью поёт весь мир (такие, как «Катюша», «В землянке», «Тёмная ночь», «Синий платочек» и многие другие; помнится, ещё лет десять назад эти песни вместе с артистами с большим подъёмом пел весь зал!). А вот красиво исполненные новые, неизвестные песни совсем не впечатлили: они были удручающе посредственными.

Ещё раз подумалось: такое обезличенное празднование Великих событий без рассказов об этих событиях рано или поздно сыграет с нами, пассивными зрителями, злую-презлую шутку. Мы будем и дальше продолжать тупеть от таких мероприятий. Ну, мы, старики, всякое видели-перевидели и потому как-нибудь сдюжим, перетерпим очередные волны современной дурости. А вот наше подрастающее поколение может не выдержать натиска безмозглого беспамятства.

Важно еще вот что. Поскольку 9 Мая – Праздник «со слезами на глазах», то, думаю, пора – пора! – показывать со всех сцен и экранов ещё и то, что вызывает слёзы – трагизм героев первых дней и месяцев войны и горечь наших тяжких поражений, зверства «обыкновенного» фашизма, будни Освенцима и Дахау, голод и нищету нашего народа и то, как бабы впрягались в плуг и пахали. И – страшный полумёртвый блокадный Ленинград! Думая о войне, люди должны не только радоваться одержанной Победе, но и скорбеть от того, что за неё пришлось заплатить страшно дорогую цену.

Ничего нельзя забывать! Memento mori!

И ещё: на торжестве должны присутствовать не только самые-самые заслуженные и уважаемые ветераны, но и обязательно дети, подростки, юноши

и девушки, отличившиеся в учёбе и труде и получившие право участвовать в празднестве.

Но чтобы так было, надо работать по-другому.

Последовательно борясь с коммунистической идеологией, наша страна в последние десятилетия скатилась в смрадное болото деидеологизации, в котором водится всякая нечисть. И мы добились поразительных результатов – весьма печальных!

Мы вырастили массу беспамятных половозрелых молодых потребителей, которые твёрдо знают, что смысл жизни в том, чтобы любыми путями разбогатеть и иметь возможность покупать всё, что захочется. Они считают, что их родина там, где хорошо платят. Старики? Ветераны? По их мнению, уважения заслуживают только те старики, от которых можно получить какую-то пользу, остальные – ненужный балласт. Армия? Служить в армии для них нежелательно – пусть служат те, у кого мало масла в голове. Они самоуверенны и нелюбопытны. Многие верят в свои здравые наблюдения (например, в то, что поскольку солнце каждый день всходит на востоке и заходит на западе, значит, солнце вращается вокруг земли). О войне у них довольно смутные представления: некоторые считают, что во Второй мировой войне русские вроде бы помогли американцам воевать с немцами; что Берлин штурмовали наши штрафные батальоны и роты, сплошь состоящие из бывших зэков, сидельцев ГУЛАГа, и взяли они Берлин только потому, что за их спинами стояли с пулемётами заградотряды из гэбистов. И всеми ими командовал звероподобный Сталин. Когда 24 февраля 2022 года началась специальная военная операция, сотни тысяч (!) этих ушлых ребят рванули в Казахстан, Монголию, Грузию и в другие страны, чтобы, не дай Бог, не попасть под мобилизацию.

Возникает вопрос: что же теперь делать?

Мы отчётливо начинаем понимать, что отсутствие идеологии, в том числе идеологии патриотического воспитания привело нас к тому, что мы сегодня имеем. Стало понятно, что нельзя строить иллюзии о том, что наша молодёжь будет патриотичной, преданной своему отечеству без чёткой системы воспитательной работы. Патриотизм нужно воспитывать с пелёнок.

Патриотическое воспитание не обязательно должно быть коммунистическим. С древних времён (вспомним Древнюю Грецию, Древний Рим) система воспитания, особенно, юношей, была нацелена на подготовку к защите своего отечества.

В наше время во многих, далёких от коммунистической идеологии странах, патриотическое воспитание проводится вполне успешно. Даже в США, этом оплоте империализма, в большинстве школ и детских садов (!) ежедневно (!!) проходит торжественная церемония поднятия флага страны и произнесение каждым учеником клятвы верности флагу. Также практикуется исполнение гимна США. Ученики, стоя, положив правую руку ладонью на сердце, произносят клятву и поют гимн. Практикуют этот ритуал американцы аж с 1892 года! Многие страны – Турция, Индия, Китай, Чехия и другие, проводят похожие ритуалы. И это только – начало, после которого идёт долгая, хорошо продуманная работа.

Наше Минпросвещения тоже приняло решение с 1 сентября с.г. каждую учебную неделю начинать с поднятия флага и исполнения гимна РФ. Также с нового учебного года в 10-11 классах в курс ОБЖ будут включены основы военной подготовки. Что ж, в добрый путь!

Вроде бы, лёд тронулся – сделаны первые шаги. Теперь – дело за малым: нужно восстановить всё лучшее, что у нас уже было. И всерьёз взяться за дело.

Надо только захотеть.

У нас должно получиться.

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов.

Живёт в Москве.

Эскиз, который сделал Бог

На застольях вселенского пира
Мы с восторгом слепого ума
Соблазняемся тайнами мира,
Где за благами прячется тьма.

Говоря о любви, лицемерим,
Что причина её не важна,
Но в глубинах сознания верим,
Что страна нам за это должна.

Мир, возможно, бывает скуднее
В обстановке духовной зимы,
Только нам он намного нужнее,
Чем ему, ненасытные, мы.

Говорю это пафосным слогом,
Но иначе сказать не могу:
Перед Родиной, миром и Богом
Мы всегда в неоплатном долгу!

Задуман человек как образ Божий,
И к совершенству движется помалу,
Но два тысячелетия не может
Приблизиться душою к идеалу.

Ведь на земле, на море, и в астрале –
Бывает то падение, то – пик,
И даже если кто-то гениален,
То гениален он не каждый миг...

Мы все порой творим дела благие, –
Не для восторгов: ах, какой крутой! –
А потому что мы всегда такие:
То вроде грешник, то почти святой.

«Правдолюбу»...

Всему, что в стране происходит,
Язык – не судья и не нож,
И даже когда беспокоит
Безмерно растущая ложь,

Не строй горделивые позы,
Какой ты ни будь чистоплюй:
Спаси свой приют от угрозы,
А после – валяй, критикуй...

Победа достанется лучшим:
В огне закаляется сталь, –
Но горе беднякам заблудшим,
Кто волей лукавого стал

Глупцом, обратившим в равнины
Курганы героев-отцов,
И бесом, стреляющим в спины
Идущих в атаку бойцов.

Мы, как отцы, и прадеды, и деды,
Все силы отдавали для победы,
В боях за урожай или сражений
С врагами Родины не зная поражений.

Но оказались в луже по колени
Остатки трёх советских поколений.
Всё, что в итоге нам теперь осталось, –
Копеечная пенсия под старость

И тяжкого наследия огарки –
Пригретые властями олигархи,
Скрывающие в дебрях популизма
«Звериное лицо капитализма».

Мы всю страну без боя уступили
Тем, кто хотел, не покидая дом,
Открыто тратить всё, что накопили
«Упорным, непосильным» воровством.

Теперь живём, как чужаки в стране,
Свободу вседозволия пригубив,
Невольные наёмники в войне
Велеречиво-мудрых душегубов.

Пусть мы достигли «воли на приколе»
И красные наряды износили,
Но Русский мир вовеки не позволит
«Открытия Америки» в России.

Пускай, желая правду исказить,
Ослепший «запад» яростно неистов,
Но тех, кто нас захочет укусить,
Ждёт долгое лечение у дантистов.

Ленинград

Всё в Ленинграде с детства любо мне:
Васильевский, воспетый Бродским, остров,
И с давних пор знакомые стране
Адмиралтейский шпиль, Фонтанка, ростры
И всадник на коне от Фальконе.

Где привлекала нас не распродажа,
А свежих ощущений катастрофа
И молодой восторг ажиотажа
От скверов и фонтанов Петергофа
И греческого зала Эрмитажа.

Пути житейских судеб не просты,
Года людей и землю изменяют,
И, пронося кресты через «Кресты»,
Былой блокадный город разделяют
Согласья разведённые мосты.

И всё же, что теперь ни говори,
Напоминают сгинувшие грёзы –
Теряющие яркость фонари,
Мерцающие в памяти, как звёзды,
И спящий крейсер «утренней зари».

Ты думаешь, стезя удач – прямая,
И у тебя в кармане – белый свет,
В наивной простоте не понимая,
Что Небеса на всё дают ответ.

И радоваться всё же рановато,
Ведь за людей, обманутых тобой,
Когда-нибудь наступит и расплата,
Возможно, даже сломанной судьбой...

Ну, а покуда всё же может статься,
Что совесть вдруг начнёт тебя казнить,
Что ты всерьёз захочешь попытаться,
Свою судьбу решая изменить,

Договориться в сумраке рассветном
С коварным зверем внутреннего «Я»,
На первый взгляд как будто незаметно,
Но явно пожирающем тебя.

Дары

*Всё самое дорогое и необходимое для жизни
дано человеку – даром!*

С тех пор до нынешнего века
Прошли десятки тысяч лет,
Когда Всевышний – человека
Создал, как свой автопортрет.

И землю подарил, и воду
Людской обители большой.
Дал тёплый свет и чистый воздух,
И наградил людей душой.

Дал волю жить и развиваться,
И совершенствовать себя,
И шанс бессмертными остаться,
И жить, о прошлом не скорбя...

Храня и нарушая правила,
Весь отведённый Небом срок,
Мы до кончины пишем набело
Эскиз, который сделал Бог.

Народ хвалу Ему возносит,
Но сколько Он ни милосерд,
Когда зерно не плодоносит,
Господь дарует полю серп!

ПРОЗА

Михаил ПАК

Рассказы

Флора

1

Посёлок был тихий, среди соснового леса, старой деревянной постройки, – встречались и новые кирпичные особняки с оранжевыми черепичными крышами. Улицы неровные, на дорогах кое-где колдобины.

Нужный адрес она нашла без труда, – зелёный невысокий забор с табличкой «Улица Садовая, 31». Постояла какое-то время в нерешительности и вошла в калитку. Дорожка из каменной плитки вела к дому в глубине сада. Повсюду земля усеяна упавшими листьями и яблоками.

Вблизи Флора увидела, что дом двухэтажный бревенчатый, с широкими окнами. Она поднялась на крыльцо и постучала в дверь. Тишина. Постучала ещё. Изнутри донёсся хрипловатый окрик:

– Жёня, это ты?!

Флора вошла. В гостиной на диване на подушках лежал пожилой мужчина в полосатой пижаме, укрывшись пледом. Рядом журнальный столик, на нём стопка газет, несколько книг, радиоприёмник. У ног восточная ширма с изображением летящих журавлей. На ширму наброшена одежда.

– Здравствуйте! – сказала Флора и замешкалась, забыв имя и отчество хозяина дома.

– Вы кто? – спросил мужчина, сняв очки и отложив в сторону журнал.

– Я Флора, – ответила Флора.

– Флора? – переспросил, недоумевая, мужчина. – Подойдите ближе, вас плохо слышно.

Она оставила сумку у порога, сняла с плеч рюкзак, сняла туфли, приблизилась к лежащему, взглянула на листочек, что достала из кармана куртки.

– Вы Андрей Павлович Заваров, верно? Меня к вам послали ваши сын и дочь. Василий и Александра. Они должны были вам позвонить. Я буду работать у вас в качестве домработницы и медсестры.

Михаил Тимофеевич Пак – писатель и художник. Член Союза писателей России с 1988 г. и член Союза художников России с 1999 г. Родился в 1949 г. в Узбекистане. Окончил художественное училище в Душанбе в 1970 г. (Таджикистан). В настоящее время находится в длительной творческой командировке в Южной Корее. Этнический кореец, чьи предки переехали в Россию в середине XIX века в царствование Александра II.

Автор 10 книг прозы и множества публикаций в периодической печати. Лауреат литературных премий РФ и Южной Кореи.

Живёт в Москве.

– Ещё чего?! – недовольно бросил Заваров. – Мне никто не нужен!

– У меня с вашими детьми договор, – сказала Флора. – Правда, пока на месяц. Я и деньги получила. Если всё устроит меня и вас, то буду и дальше работать.

– Нашли выход... Сами не приезжают, так решили человека послать! Я ни в ком не нуждаюсь! Всё, что я хочу, это умереть спокойно!

– Не стоит так волноваться, – произнесла Флора. – А ваши сын и дочь очень даже беспокоятся о вас. Просто они очень заняты работой.

– Как же, заняты! – буркнул Андрей Павлович, приподнялся, подправил подушки.

Помолчали.

– Садитесь, чего стоять-то, – обронил Заваров. Флора опустила на стул.

– Так как вас зовут, вы сказали? – спросил он.

– Флора.

– Флорида?

– Нет, Флора.

– А по отчеству?

– Максимовна. Можно просто Флора.

– Да, дочь звонила, – подтвердил Заваров. – Но я не совсем понял, телефон мой барахлит в последнее время. Говорите – послали? Расскажите, как это произошло?

– Я сама из Березников, что под Пермью, – начала Флора. – Работала в больнице. Зарплата маленькая. Подруга в Москве позвала, сказала, что в одной семье надо за больной старушкой ухаживать, неплохо платят. Поработала семь месяцев, старушка померла. Потом я присматривала два года за одной девочкой, нынешней осенью она пошла в школу. Я хотела уже вернуться к себе в Березники, но ко мне обратилась ваша дочь Александра, попросила приехать к ней на квартиру, чтобы обсудить мою будущую работу. Встретились. Там был и ваш сын Василий. Они предложили мне поехать в село Владимировку под Саратов, ухаживать за их отцом, то есть, вами.

– Гм, понятно, – сказал Андрей Павлович. – И что они сказали обо мне?

– Сказали, что вы не лежачий больной. Но нуждаетесь в помощи, в магазин сходить, в аптеку, приготовить еду. Сказали, что вам семьдесят лет.

– Шестьдесят восемь, – уточнил Заваров. – Не знают, сколько лет родному отцу... Что ещё они сказали?

– Сказали, что вы сложный человек и что при верном подходе можно ладить. Я попросила месяц на испытание. Если не сойдемся характером, уйду.

– Считайте, что не сошлись, – бросил сердито Заваров.

– Тогда... мне уйти?

– Да, сделайте одолжение.

Флора на минуту задумалась, достала из кармана пухлый конверт, положила на журнальный столик. Сказала:

– Эти деньги мне дали ваши дети, на расходы, чтобы я покупала продукты, лекарства... До свиданья!

– Пойдите! – окликнул её Заваров, когда она уже взялась за ручку двери. Он закричал, присел на диване, опустил ноги на пол. Проговорил:

– Всё равно они пришлют кого-то ещё... На втором этаже три комнаты. Выберите себе, какая понравится. Кроме библиотеки. Идите. Только там везде беспорядок, не взыщите.

Флора молча кивнула и пошла с сумкой и рюкзаком на второй этаж, ступеньки тихо поскрипывали под её ногами.

Она выбрала комнату самую меньшую, но светлую. Справа от окна деревянная кровать, застеленная байковым покрывалом. Слева комод. Два стула. Окно светлое, выходило в сад. Белая занавеска и кружевной тюль на окне давно нестираны.

Флора открыла сумку, разобрала вещи, достала тапочки, телефон. Переоделась, надела спортивные шаровары и рубашку, на голову повязала платок. Раньше у неё были длинные волосы, а перед отъездом в Москву отрезала, чтобы меньше тратить время на уход за ними. Она села на кровать, обдумывая, с чего начать. Прибраться, вымыть полы и окна. Нет, уже вечереет, лучше с утра. Решила – пойду на кухню, погляжу. Она спустилась вниз. Заваров по-прежнему сидел на диване и перебирал какие-то бумаги.

– Андрей Павлович, я тут посмотрю на кухне, – сказала Флора.

– Не трудитесь, – ответил он. – Я почти не ем, нет никакого аппетита. Для себя вы можете что-нибудь сварить.

Под лестницей был чулан, рядом туалет и душевая. Кухня просторная. Плита – три конфорки. Сверху шкафы. Обеденный стол у окна, на столе фарфоровый чайник, грязная тарелка и хлебные крошки. В хлебнице затвердевшая половинка круглого ржаного хлеба. В холодильнике начатая банка вишневого варенья, кусок сыра, залежалые овощи, – болгарский перец, огурец, пара помидоров. В морозильнике полкурицы. В картонной коробке несколько головок лука и клубень картофеля.

Флора попарила твёрдый хлеб и принялась готовить суп. Вскоре она накрыла стол и позвала Заварова:

– Ужин готов. Сварила из того, что было. Завтра схожу в магазин и куплю всё необходимое. Отчёт я буду записывать в тетрадку. Если вам трудно встать, я принесу суп сюда.

– Я не инвалид, – молвил Андрей Павлович. – Вы кушайте, а я, может быть, потом...

– Нет, давайте вместе, – настаивала Флора. – Я уверена, суп вам понравится.

Заваров помолчал и кивнул:

– Хорошо. Только переоденусь.

Они ели молча. Лицо Заварова хмурое, бледное с недельной щетиной, прямой нос, широкий лоб прорезан тремя морщинами, волосы тёмные с проседью на висках. Его карие глаза, казалось, были безучастны к происходящему в доме. Суп, на удивление, он съел весь, от добавки отказался. Когда стали пить чай с вишневым вареньем, Заваров поинтересовался:

– У вас есть семья, Флора?

– Живу с сыном, – сказала Флора. – Ему осталось учиться в институте ещё два года.

– А муж?

– Мы расстались. Давно.

– А на кого учится ваш сын?

– На физика.

– Понятно. Спасибо за угощение. Пойду, лягу.

– Не забудьте потом выпить лекарство, – напомнила Флора.

– Какое лекарство? – спросил Заваров.

– У меня всё записано. Утром от давления, от холестерина, а вечером от остеохондроза. У вас ещё должны оставаться лекарства, если нет, то завтра куплю в аптеке.

– Зря хлопочете, – бросил Андрей Павлович. – Я к таблеткам равнодушен. От них никакого толку.

– Но вам же назначили! Я должна проследить, чтобы вы соблюдали предписание врачей.

– Что мне врачи... Они сами, думаете, пьют лекарства?

– Конечно, пьют. Я медсестра и пью, и все врачи тоже пьют, когда болеют.

– Пустое, – махнул рукой Заваров, и зашагал к себе.

3

Флора нашла в комодке свежее постельное бельё, застлала кровать. Уснула она не сразу, в голову лезли всякие мысли. Вспомнила встречу с дочерью и сыном Заварова в Москве. Дочь Александра жила со своей семьёй в прилично отремонтированной квартире старого дома у станции метро «Речной вокзал». Услышав, что ей предстоит ухаживать за одиноким пожилым мужчиной, Флора спросила: «А он не будет меня домогаться?» Василий с Александрой переглянулись и успокоили Флору: «Не беспокойтесь, он уже стар». Не такой он и старый, подумала Флора, а характер не мёд, трудно придётся мне с ним.

В открытую форточку окна снаружи доносились звуки – шелест листвы деревьев от ветерка и редкий стук падающих яблок.

Наутро Флора отправилась к станции за продуктами, туда пешком было минут пятнадцать, там располагались магазины и небольшой рынок. Закупив необходимое, она вернулась в дом. Приготовленные на завтрак блины оказались нетронутыми. Андрей Павлович находился в библиотеке, полулежал в кресле-качалке, смотрел в раздумье перед собой. На старомодном столе, покрытом зелёным сукном, стояла кружка с недопитым кофе. На вопрос Флоры, почему он не завтракал, Заваров ответил, что по утрам никогда не ест, только выпивает чашку кофе.

Весь день Флора занималась уборкой первого этажа, помыла везде полы и окна, постирала в машинке занавески, тюль, шторы и одежду Заварова. Навела порядок на кухне, почистила газовую плиту, заменила на столе старую клеёнку на светлую скатерть. Приготовила обед. К наступлению сумерек, собрала во дворе упавшие яблоки, помыла, нарезала мелко в эмалированную кастрюлю, насыпала сахару, чтобы потом сварить варенье.

Завтра займусь верхним этажом, решила она.

Ужинали они борщом. Съев полтарелки, Заваров отказался от чая, отправился к своему дивану, но вскоре вернулся, проронив:

– Пожалуй, выпью с вами чаю.

– Хорошо, – сказала Флора и налила ему в кружку душистый зелёный чай, заваренный с мятой, которую она собрала днём возле забора. Помолчав, нашла нужным заметить: – Зря вы не завтракаете, Андрей Павлович. Ведь лекарства на пустой желудок не пьют. А вы только кофе пьёте, и утром, и в течение дня – при вашем-то давлении. Давайте, условимся по утрам завтракать. Я купила овсяные хлопья. Овсянка по утрам с яйцом всмятку будет в самый раз.

Заваров на это ничего не ответил, молча отпил чай из кружки.

– Я звонила вашей дочери Саше, сказала, что доехала хорошо, – продолжала Флора. – Сказала, что вы нарушаете предписание врачей и пьёте

лекарства нерегулярно. Я ведь для этого приехала, чтобы вы вовремя питались и принимали лекарства. Я же за это деньги получаю.

– Напрасно всё... – молвил, думая о своём Заваров, и с кружкой пошёл к себе.

4

Прошла неделя.

Заваров нехотя подчинился Флоре, ел с ней по утрам нехитрый завтрак – овсяную кашу, яйцо всмятку. Вместо чая он пил свой неизменный кофе. Пусть так, думала Флора, от кофе не отучишь, зато он стал принимать лекарства – таблетку от гипертонии и жёлтую пилюлю от холестерина. А вечером ещё одну таблетку.

Были ли у Заварова друзья, Флора не знала, его телефон всегда молчал. Флора предложила отнести телефон в мастерскую на станцию, чтобы устранить неполадку, но Андрей Павлович отказался.

Сама Флора с сыном разговаривала по телефону редко, больше общалась с помощью эсэмесок.

Дни стали прохладней. Флора включила электрокалорифер, и вскоре батареи в доме сделались горячими. В гостиной был ещё камин, но он, вероятно, давно не использовался хозяином дома, нынче забитый стопками журналов и газет.

Заваров почти не выходил из дома, у него болели ноги, почту с улицы забирала Флора. Встречались они только за обеденным столом, – поглощение еды, чаще всего, протекало в молчании.

Андрей Павлович всегда допоздна читал при свете настольной лампы, а днём сидел за столом в библиотеке и что-то писал.

Однажды они после ужина пили чай. За окном шуршал морозящий дождь. Молчали.

– Сколько вам лет, Флора? – спросил неожиданно Заваров.

– Сорок шесть, – ответила Флора.

– Ну, у вас ещё всё впереди, – проговорил он. – Я в сорок шесть руководил одним заводом под Москвой... Коллектив был дружный, работающий, умелый. С развалом Союза мы ещё двенадцать лет продержались. А потом замордовали нас проверками, открыли дело, меня на пять лет уперли в тюрьму. Пока сидел, завод с молотка пустили, люди оказались на улице... Жена бегала по разным начальствам, добивалась правды, заболела, померла. Не дождалась меня. Но детей успела выучить. Дочь – переводчик, знает несколько языков. Сын архитектор-строитель. Я на них не обижаюсь, им тоже не сладко приходится, трудятся, как белка в колесе. Такое время...

– Я видела, что вы Толстого читаете, – заметила Флора.

– Читаю, – признался Андрей Павлович. – Что же ещё остается... Нахожу успокоение в русской классике. Многие не любят Горького, а за что, сами не знают. А читали они его «Клима Самгина»? Или «Мои университеты»? Могу поспорить – нет. Вот сейчас «Войну и мир» перечитываю, в молодости некогда было. Много из написанного с нашим днём перекликается.

– Почему у вас нет телевизора? – спросила Флора.

– Вынес в сарай, – ответил Заваров. – Надоело муть смотреть.

– А новости?

– Я и так всё узнаю... Из газет. Ещё приёмник иногда включаю. Не уймётся никак наши недруги. Уроком им не служит история, опять мутят воду.

- А зачем они это делают?
- А затем... Хотят по мордам получить, как получили в Великую Отечественную!
- Помолчали.
- Андрей Павлович, можно, я буду брать книги в вашей библиотеке? – спросила Флора.
- Да, конечно, – кивнул Заваров. – Ещё мои родители собирали книги, там есть редкие экземпляры. А что вы любите?
- Так, всего понемногу, но больше приключения и жизненные истории о любви.
- А что дают вам книги о любви, позвольте спросить?
- Не знаю... Может быть, успокоение, что другим людям больше повезло.
- Гм... Как, по-вашему, зачем человек живёт, если впереди у него нет света, один мрак?
- Всё равно он не должен опускать руки. Если его омрачает будущее, он должен жить всем светлым, что у него было.
- Вы, оказывается, ещё и философ?
- Нет, что вы. Я просто наблюдала в жизни. Всякое видела. Порой, смотришь, – ну всё, полная безнадёга, пропасть, а вот встаёт человек, просто диву даёшься! У него внутренние резервы включаются. Нет, так просто нельзя сдаваться.
- У вас есть друзья? – спросил Заваров.
- Как же без друзей, – ответила Флора. – Ещё со школы дружим. Одна подруга в Перми живёт, Света, а вторая Рита – в Москве, замужем за хорошим человеком, это она меня позвала, нашла работу. Правда, не каждому такая работа понравится, зато хорошо платили. Благодаря чему мой сын Игнат ни в чём не нуждается. Не подумайте, он не сорит деньгами, как дети мажоров, очень экономный. Мне важно, чтобы он хорошо питался, в его возрасте нельзя учиться впроголодь, витамины нужны. Он просит, чтобы я уже вернулась домой, что стипендию повышенную стал получать, и ещё, если надо, подработку найдёт. А у вас друзья есть, Андрей Павлович?
- Растерял, пока сидел в тюрьме, – ответил Заваров. – Только Женя Дёмин один остался, он на другом конце села живёт, за речкой. Иногда заглядывает, приезжает на велосипеде. Я думал, что это он пришёл, когда вы ко мне постучались.
- Понятно. А дом ваш славный, крепкий, видно, что его с любовью строили.
- Отец построил. Он по профессии инженер-механик, был в войну танкистом. Вернулся живой, построил на месте старой развалюхи новый дом. Умер в пятьдесят пять лет от фронтовых ран, у него осколок возле сердца сидел.
- Андрей Павлович, разрешите ваш телевизор, что в сарае, я у себя поставлю? На самой низкой громкости буду смотреть. Только новости.
- Берите, – молвил Заваров. – Спасибо за ужин! Спокойной ночи!
- Спокойной ночи!

5

Наступили тёплые дни Бабьего лета.

Флора уговорила Заварова воспользоваться солнечной погодой и гулять понемногу. Они ходили неспешным шагом по улице и с каждым днём увеличивали расстояние. А однажды прошагали далеко в сторону берёзовой рощи, к самой речке.

Они шли мимо стройных белых берёз и любовались золотой листвой, в которой весело играли солнечные блики. Заваров давно так хорошо не ощущал себя, – он вдыхал полной грудью свежий воздух, напоенный запахом диких трав, и щурил глаза, вглядываясь в голубое небо. Щетина на его лице превратилась в окладистую бороду, которая очень шла ему.

– Андрей Павлович, а что вы пишете в вашей библиотеке? – спросила Флора.

– Так, ничего особенного, – ответил Заваров, а через несколько секунд поправился. – Пытаюсь создать одну вещицу, над которой работал наш завод вплоть до самого закрытия. Сдаётся мне, я нащупал стержень решения... Если удастся завершить разработку до логического конца, то она стала бы очень важным... – Андрей Павлович не договорил и только вздохнул. – Только кому теперь это нужно?..

– Нужно, – заверила Флора. – Если вы делаете полезное дело, то оно, рано или поздно, будет востребовано.

– Хотел бы я в это поверить... – Заваров внезапно нахмурился. – Новым хозяевам жизни совсем другое требуется... А ведь не только один наш завод они закрыли, а сотни, тысячи по всей стране!

– Да уж... – протянула Флора, и заговорила о другом, чтобы сменить тему. – Я видела, что у вас гараж пустой, вы раньше водили машину?

– Был старый жигулёнок, рухлядь. Тут цыгане ходили, собирали металлолом, отдал им машину. Сын хотел купить новую, но я отказался. Куда мне ездить? Они вышли к речке.

– О, глядите! – повеселел Заваров. – Вон, за тем мостом, друг мой, Женя обитает. Мы можем зайти к нему.

– Давайте, зайдём! – согласилась Флора.

– Что-то давно он не показывался, может, захворал.

Приятель Заварова Евгений Петрович Дёмин жил тоже в частном доме, только кирпичном, одноэтажном. Их встретил во дворе маленький чёрный пёсик, только разок гавкнул и радостно завилял хвостом. Внутри дома прибрано и чисто. Дёмин, правда, лежал в постели. Завидя неожиданных гостей, он хотел было встать, но Заваров остановил его:

– Лежи, лежи! Что с тобой приключилось, Женя?! На тебя это не похоже!

– Да, вот, радикулит проклятый прихватил, – ответил хозяин дома. Он был одного возраста с Заваровым, только круглолицый, лысеющий и гладко выбритый.

– Здравствуйте! – сказала Флора, держа в руке пакет с гостинцем, что купили они в магазине по пути.

Вошла жена в переднике, внесла крынку.

– Ба, Андрей! Слышу знакомый голос, думаю – ты, не ты?

– Я, Наталья! Познакомься, это Флора, мой юный друг и спаситель.

– Здравствуйте! – поклонилась хозяйке Флора.

– Говоришь, спасительница? – спросил Дёмин, уставившись во все глаза на гостью.

– Самая настоящая, – сказал Заваров. – Из Москвы приехала.

– Сейчас чай будем пить, – засуетилась Наталья. – Я вот в погребе достала простоквашу, тоже потом попробуете.

Они пили чай, – Наталья с гостями за круглым столом, а Евгений, лёжа на подушках. Беседовали. Два старых друга вспоминали школьные годы, как шалили по глупости, как получали от взрослых взбучку и подзатыльники,

как бегали на речку купаться... Двое друзей подзадоривали друг друга и разительно смеялись.

– А знаете, Флора, какая кличка была у Андрея в школе? – спрашивал, смеясь, Дёмин. – Лось!

– Почему Лось? – улыбалась Флора.

– Он однажды прочитал стих, где были такие слова: «Я лось, я сохатый! Мне дождь нипочём, ни буран! Ни буря, ни океан! Я леса защитник, ведь солдат я!» С тех пор и приклеилась к нему кличка.

– Не помню, чтобы я такое читал! – отбивался Заваров.

– Было! Было! – вещал, лёжа в кровати, Дёмин.

«Есть ещё запас прочности у этих людей! – думала Флора. – Впору молодым позавидовать!»

6

Шли дни.

Они продолжали прогулки каждый день, за исключением, когда сильно дождило, гуляли утром после завтрака и обязательно вечером. Андрей Павлович показывал Флоре укромные уголки своего детства, которые ещё сохранились, старую церквушку, отремонтированную недавно, школу, где он окончил десятилетку.

Когда выпал снег, они вместе чистили его во дворе.

Накануне Нового года сын Флоры Игнат прислал ей новогоднюю открытку с изображением деда Мороза и снегурочки. И прислал открытку отдельно Заварову с надписью: «Уважаемый Андрей Павлович, с Наступающим Новым годом! Желаю Вам крепкого здоровья, света и добра!» Обычные простые слова, но они были приятны Заварову, и он поставил открытку на видное место в своей библиотеке.

Приехала навестить отца из Москвы дочь Александра, прибыла всем семейством, с мужем Дмитрием и двенадцатилетним сыном Егором. А Василий приехать не смог, но через сестру послал подарки, – отцу рубашку, а для Флоры шерстяной оренбургский платок.

Александра увидела, что в родительском доме всюду порядок и чистота, а больше всего её радовало бодрое состояние отца, хорошее его настроение, – конечно, Флора, – только её появление здесь способствовало тому. Не ускользнуло от внимания Александры и то, что у отца появились вязанные свитер, шарф и шапочка для прогулки. Она спросила:

– Папа, а откуда у тебя эти вещи? Купил на рынке?

– Нет, дочка, наша Флора связала. – В голосе его звучали тёплые нотки. Ну и замечательно, подумала Александра.

К Новогоднему столу успели старинный друг Заварова Евгений Дёмин с супругой Натальей, принесли яблочный пирог и торт. Ровно в двенадцать открыли шампанское. Кричали – ура! Звенели бокалами, пили, ели разные вкусные блюда, беседовали, веселились.

Спустя два дня Александра с семьёй засобиравшись в Москву. Андрей Павлович с Флорой провожали их на перроне станции. Они стояли рядом, Флора держала Заварова под руку.

Поезд тронулся.

Александра помахала им из окна вагона и долго смотрела. И подумала с грустью, – как было бы хорошо, если бы они были вместе...

Город платанов

1

Шёл дождь, несколько дней кряду, не умолкая.

Утром, едва забрезжило, прямо над крышей дома, в небесах ухнуло несколько раз пушечным залпом, следом полило из туч, как из решета, потом грозовой фронт сместился медленно за холм, и дождь перешёл на ленивую морось. Мокрые от дождя, блестели улицы, проезжающие по ним автомобили, здания и листья платанов. Платаны тут повсюду, стояли вдоль тротуаров. Куда ни кинь взор – на платаны и наткнёшься. Интересно, что здесь появилось раньше, город или платаны?

Виктор Янов обосновался в этом городе полгода назад, и причиной тому были именно платаны. Ничего особенного в них, деревья как деревья. Но тогда, оказавшись тут случайно, Янов обратил на них внимание, – высокие деревья, стволы причудливо разветвлялись в стороны, коленообразно, уродливо изламывались и венчались кулачками-шишками, из которых торчали растопыренные ветви, облепленные мохнатыми листьями. Стволы платанов пирамидальные, иные в два человеческих обхвата, разных оттенков, – серые, коричневые, бежевые, охристые, белые... и с непременными зеленоватыми вкраплениями, как на камуфляжной одежде.

Помнится, был месяц май, стояли тёплые дни. В листве деревьев гулял ветерок, спускался ниже, озорничая, поднимал подола платьев у девчат, обнажая белые упругие ножки до бёдер, девчата весело визжали.

Янов подумал о времени, безоглядно пролетающим прочь. А ведь, казалось, ещё совсем недавно он, Виктор, угловатый юноша с горящими глазами одухотворённо смотрел в будущее. Худо ли, бедно ли, он прошагал расстояние, как мог – будущее стало настоящим. Что же представляло собой его настоящее, к чему он пришёл? По большому счёту, грех было ему жаловаться на судьбу. В своём родном Красноярске Виктор в тридцать пять, работая в институте, защитил кандидатскую диссертацию по филологии, затем приехал по контракту в эту азиатскую страну, Южную Корею, устроился в один из престижных университетов столицы преподавать студентам русский язык и литературу. Работа ему нравилась, жил он в удобных апартаментах кампуса для иностранных преподавателей. Из окна квартиры был виден небольшой сосновый парк, где Виктор гулял каждое утро перед занятиями. Из года в год университетское начальство продлеvalo с ним контракт, и таким образом незаметно пролетело семнадцать лет. Когда стало ясно, что его карьера профессора в университете завершилась, Виктор устроил коллегам отходную вечеринку в ресторане. Но уезжать к себе в Красноярск он не спешил, решив отдохнуть немного, но не в шумном Сеуле, а где-нибудь в провинции. Он взял карту, – к морю ему уже не хотелось, он бывал на островах Кочжидо, Намхэ, Уллындо, трижды летал на Чеджудо, а в Пусан ездил бессчётное количество раз, посещал и замечательные горные места в пору осеннего цветения – Сокчо, Сораксан. Раздумывая, куда податься, Виктор ткнул наугад пальцем в карту, попал в городок Чонджу. Чонджу так Чонджу. Если там не понравится, можно двинуть дальше. Он съехал с жилого кампуса, оставив чемодан на хранение у знакомого преподавателя, и с одной дорожной сумкой сел в автобус.

Что всё-таки заставило его остановиться в этом городе платанов? Не деревья же, в самом деле. Что нашло на него безотлагательно снять квартиру

неподалёку от автовокзала на третьем этаже старого дома? Повинно ли было в спонтанном решении какое-то внутреннее чутьё? Вряд ли. Остановился и остановился, бросил, как говорится, якорь, а дальше будет видно.

А мог бы он, к примеру, выбрать захолустную деревню? Почему нет? Там тоже люди, дышат тем же воздухом и пьют ту же воду. Захолустных деревень, в прямом смысле этого слова, в Корее уже почти не осталось. Разве что рыбацкие посёлки на островах.

Если представить, что какая-то патриархальная деревня где-то чудом сохранилась, то жить там ему было бы слишком тоскливо. Другое дело – небольшая тихий городок, как этот.

Виктор немного изучил окрестности, походил пешком, узнал, где что находится, – центральный парк, театр, стадион, рынок... неподалёку от его жилища – куча всяких кафе, ресторанов, бутиков. А однажды он взял напрокат машину с целью проехать из одного конца города в другой, но в результате увлёкся и объездил Чонджу вдоль и поперёк

2

Моросящий дождь не прекращался. Лёгкий туман опускался окрест.

Виктор шагал по тротуару, – постукивало частой мелкой дробью по зонту. Он никуда не спешил, и его никто не ждал.

Стеклянная дверь кофейни на углу. Он стал здесь завсегдатаем. Хозяйка заведения, лет двадцати пяти приветливая девушка по имени Нари, уже знала его, – вежливый иностранец, русский, хорошо разговаривал на корейском.

Под навесом он сложил зонтик и стряхнул влагу.

– Добрый день! – приветствовала девушка, завидя вошедшего гостя.

– Добрый день! – ответил Виктор.

– Вам, как всегда, кофе-латтэ?

– Как всегда.

– Дождь уж который день не прекращается, – посетовала словоохотливая Нари.

– Да, – кивнул Янов. – Сезон дождей нынче запоздал на целых три месяца.

– Вы правы. Природа закапризничала донельзя. – Нари, улыбаясь, готовила кофе. Всё у неё получалась ладно и споро. Кофейня небольшая и очень уютная. Пять столиков с ажурными металлическими ножками. На стенах чёрно-белые фотографии с морским пейзажем.

Янов достал из потрёпанного кожаного портфеля, с которым многие годы ходил преподавать студентам, блокнот и ручку.

Тихая музыка и редкие посетители по соседству не мешали ему.

Отпивая горячий, ароматный кофе, он некоторое время задумчиво смотрел в окно. Затем открыл блокнот на чистой странице, стал писать.

«...В эти осенние дни по утрам в городе стелется туман. Сквозь молочную завесу проглядывают очертания деревьев, которые ещё не очнулись ото сна и пребывают в неподвижности, склонив свои мохнатые головы. Редкие сонные автомобили медленно выплывают из тумана и уходят опять в туман.

Вскоре диск солнца выглядывает из-за сопки, лучи его пронизывают густую листву платанов. И туман постепенно рассеивается.

Город просыпается.

Через минуту всё меняется. Люди заполняют тротуары. Открываются магазины, лавчонки, аптеки... Здесь, в городе платанов, всё, как и повсюду – обычно. И необычно.

На высоких платанах растут листья, похожие на кленовые, но побольше кленовых, значительно больше, оттого странные. Они падают на землю со звуком, напоминающим вздох уставшего человека.

Тысяча падающих листьев, тысяча вздохов...

Кто знает, когда в городе появились платаны? Возможно, они тут испокон веку? Какой-то человек заметил однажды платановую долину среди гор и воскликнул: “Здесь будет город заложен!” Так, наверное, и было.

Я поднимаю с земли лист, вобравший в себя все краски осени. С края он тёмно-зелёный, переходящий в охру и расплывающийся оранжево-жёлтым в середине.

Падают листья.

Какие же они огромные,
что впору в них завернуться!

Я завернусь,
завернётся прохожий,
идуший навстречу.

Прошелестит, прощуршит
мимо авто.

Незнакомый таксист,
завернувшись в листву,
везёт пассажирку
в одежде платановой,
тонкой.

Город весь завернулся
в платановые листья...»

Виктор отложил ручку, закрыл блокнот. Поглядел в окно, снаружи шумел своей привычной жизнью городок. Он допил кофе и вышел, приветливо кивнув хозяйке заведения. А та вслед ему пожелала:

– Хорошего дня!

3

Дождь внезапно прекратился. Улочка, куда забрёл Янов, была ему незнакома. Он придержал шаг, огляделся. Вдоль тротуара росли те же платаны. Рядом, из приоткрытого окна верхнего этажа здания лилась приятная лёгкая мелодия. Виктор вошёл в подъезд, поднялся по лестнице наверх. За стеклянной дверью в просторном зале танцевала молодая женщина. В белой кофте и чёрном спортивном трико. Одна. Танцевала под музыку, льющуюся из магнитофона. Движения танцовщицы были мягкие, плавные. Виктор засмотрелся. Вскоре женщина завершила танец и села на скамейку, выключила магнитофон. И тут она увидела его, Виктора. Он хотел было тотчас ретироваться, но побег свой Янов расценил в данный момент неуместным и, постучав, вошёл.

– Простите, – сказал он. – Я тут мимо проходил и услышал музыку. Вы замечательно танцуете.

– Что вы! Что вы! – Женщина засмушалась, поднялась с места. – Это я так... занимаюсь для себя.

– А что это был за танец? – спросил Виктор. Их разделяло пространство зала, поэтому ему приходилось говорить громко.

– Да это и не танец вовсе, – она приблизилась к незнакомцу. – Простые упражнения, только и всего.

Ей было лет тридцать, возможно чуточку больше, люди в этой восточной стране выглядели моложе своего возраста, это обстоятельство всегда вводило Янова в заблуждение. У танцовщицы лицо продолговатое, глаза карие, большие, волосы заплетённые, уложены на затылке, сбоку у лба заколка с крохотным розовым цветком.

– Вы где-нибудь выступаете? – спросил ещё Виктор. – Я бы с удовольствием пришёл посмотреть.

– Нет, нет! Ни в коем случае! – женщина зарделась. – Я здесь случайно. Наш учитель танцует, он уехал по делам в Сеул, а я вот решила позаниматься в его отсутствие.

– Никогда бы не поверил, – возразил Янов. – Вы скромничаете.

– Нет, – заулыбалась опять женщина. – Вы откуда приехали? Так хорошо говорите по-корейски.

– Из России. Из города Красноярска. Я долгое время преподавал в университете Сеула.

– Вот как? А что преподавали?

– Русский язык и литературу. В свободное время учил корейский.

– Очень хорошо. Вы говорите с акцентом, но всё понятно.

Возникла пауза. Надо было уходить. Виктор неожиданно предложил:

– Извините. Возможно, со стороны мои слова выглядят бестактно. В этом городе у меня нет знакомых и друзей. Вы не будете против, если я приглашу вас на ужин в ресторан? – И добавил. – Можете прийти с мужем. Я угощаю.

– Хорошо, – согласилась женщина, подумав секунду. – Я приду. А куда?

– Есть хороший китайский ресторан у автовокзала. Он там один. Как вы относитесь к китайской кухне?

– Хорошо отношусь.

– Тогда в шесть вечера встретимся в ресторане.

– Ладно.

– До встречи!

– До встречи!

4

Они сидели за круглым столиком на пятом этаже, за окном шумел в извечной суете город. Виднелась площадка автовокзала, как на ладони, – время от времени туда заезжали рейсовые автобусы-экспрессы с пассажирами внутри, а другие автобусы выезжали.

Женщина была одета в тёмно-фиолетовый пиджак и такого же цвета юбку. С шеи на поверхность светлой кофты свисала тонкая серебряная цепочка с зелёным камнем.

У Янова выходной костюм остался в чемодане в Сеуле, поэтому, побродив целый час по универсаму и не найдя себе ничего подходящего, он приобрёл коричневый джемпер, голубую рубашку в полоску и строгий галстук.

В обновке он сидел сейчас напротив милой и немного загадочной танцовщицы.

Подошла официантка, подала меню.

– Прошу, выбирайте, – предложил Виктор.

– На ваше усмотрение, – ответила гостья.

Он сделал заказ, и официантка удалилась.

– Мы с вами не познакомились, – сказал Виктор. – Меня зовут Виктор Янов. А вас?

– Ли Сонхви, – сказала молодая женщина.

– Мои студенты звали меня на корейский лад, Ян-гёсуним (Профессор Ян).

– Правда?

– У корейцев Ян распространённая фамилия. Янов перекликается с Яном.

– Верно.

Виктор не предложил гостье что-либо из напитков, ему показалось, что делать это в нынешней ситуации неуместно. Сам он пил по случаю только вино, не пиво и не водку.

Словно угадав его мысли, Сонхви улыбнулась, сказав:

– Если желаете, закажите себе спиртное, а я совсем не пью, только соки.

– А какой сок хотите?

– Апельсиновый.

– В таком случае, два апельсинового сока.

Официантка принесла стаканы с соком, и они чокнулись.

– Ваше здоровье! – сказал Янов.

– Ваше здоровье! – ответила с улыбкой Сонхви. Она старалась быть приветливой, но чувствовалось, её что-то отвлекало и заботило.

– А как давно вы танцуете? – спросил Виктор, выждав паузу.

– Два года, – ответила Сонхви.

– Я думал, с малолетства. Нет, правда! А могли бы вы изобразить в танце падающий лист платана?

– Падающий лист платана? – переспросила с некоторым изумлением собеседница.

– Да. Сегодня вы танцевали... – Янов задумался на мгновение. – Вы изображали ветер.

– В самом деле?! Вы так думаете?!

– Ветер не сильный, – поправился Виктор. – Не порывистый, не стремительный. А тихий, плавный... Такой ветерок бывает, когда сидишь в поле, он лёгкий, касается лица, шевелит верхушки зелёной травы... Понимаете?

– Понимаю... – Сонхви пристально глядела в лицо мужчины. – Я танцевала своё состояние, верней, состояние, в котором хотела бы быть.

– Всё правильно! – обрадовался Янов. – Мы говорим об одном и том же, только разными словами! Раз вы изображаете ветер, значит, и падающий лист платана можете показать!

Сонхви хотела что-то ответить, но в это время официантка подкатила тележку и стала расставлять на столе блюда.

Они принялись за еду. Обменивались репликами о вкусовых качествах китайской кухни, об изменчивости погоды и прочем. И, конечно же, о платанах. О платанах говорил он, как о живых существах, порой, увлечшись, сбивчиво, горячо. Молодая женщина вновь и вновь вглядывалась в лицо собеседника, о существовании которого до сегодняшнего дня не знала, который, должно быть, испытал немало в жизни, вещающего о простых деревьях, мимо

которых горожане ходят ежедневно и не обращают на них никакого внимания, с таким возвышенным чувством. Так ведут себя только дети. Они доверчивы, им нельзя врать. Перед нею сидел мужчина с душой ребёнка.

– Виктор, – обратилась она к нему по имени, верней, у неё вышло – «Бикторы». – В корейском языке нет буквы «в», поэтому корейцы говорят «б». В начале Янова это забавляло, но потом привык. Ничего не поделаешь, у каждого народа своё свойство языка.

– Вы преувеличиваете мои возможности, – молвила Сонхви. – Верней, вы не за ту меня приняли. Я не танцовщица. Всё вышло по печальной случайности. Три года назад мы попали в аварию, ехали в машине мой муж, наша малышка-дочь и я. Грузовик встречный выехал на нашу полосу. Муж умер сразу, я получила увечье, наша дочь уцелела. Я долго лечилась. Проблемы были в ногах, руках, плечах. Сама не пойму, как я стала ещё ходить. Наверное, дочь придавала мне силы. Потом подруга моя нашла учителя танца. К нему ходили люди с излишним весом, с проблемами двигательного аппарата и прочие. И я стала ходить. Спасибо учителю, он поставил меня на ноги. Ничего не болит. Я и забыла, что совсем недавно угодила в автокатастрофу. Такая вот история.

– Извините, – не сразу нашёл слова Янов. – Таковую трагедию вы пережили... Хорошо, что у вас есть дочь. А сколько ей лет?

– Шесть. Ходит в детский сад. Она с моими родителями осталась. Слава Богу, они живы-здоровы, во всём помогают мне, поддерживают.

– Это хорошо. Но вам надо продолжать танцевать. Я уверен. Может стать-ся, ваше старание выльется в нечто большее. В искусство.

– Я так не думаю, – возразила Сонхви. – Буду для себя поддерживать форму, никак иначе. И скоро пойду работать. Хотя родители настаивают, чтобы я ещё год отдохнула. Я же медсестрой до аварии работала. Пойду в больницу.

– Понятно, – сказал Виктор. – Я рад, что с вами теперь всё хорошо. Не знай я вашу историю, я бы подумал – вот рядом со мной молодая, красивая женщина, у которой всё замечательно. Это так и есть. У вас всё будет замечательно!

В ответ Сонхви с улыбкой качнула головой.

Помолчали.

Янов посмотрел в окно, там, на площади сновали автобусы, одни заезжали, другие уезжали. Сколько людских судеб... Что заставляет людей перемещаться с места на место, пересекаются ли они между собой в этом извечном движении? Наверное, пересекаются. Взять его, Виктора, в один прекрасный день он заехал в этот город. Разве думал он, что здесь, в незнакомом месте, он встретит эту милую женщину, которую, казалось ему сейчас, знает уже много лет? Виктору хотелось сказать об этом Сонхви, но он промолчал.

5

По пути к дому Сонхви, в районе Старого города, они заглянули в кофейню. На первом этаже заведения продавали разные печёные изделия, на втором располагались столики для посетителей. Они выбрали место в дальнем углу, где было меньше людей.

– Расскажите вы о себе, – попросила молодая женщина.

И он поведал, как есть. Что родился неподалёку от Красноярска, в деревне на берегу Енисея. Отметив, что Енисей самая длинная и полноводная река в мире. Окончил среднюю школу в городе, затем и институт, служил в армии.

Была любимая девушка, встречались год, но она внезапно уехала в столицу, откуда написала, что выходит замуж. Для него это был большой удар. Он долго не мог забыть её, потом погрузился в работу, защитил кандидатскую диссертацию, одновременно преподавая в институте. А когда ему предложили ехать в Южную Корею, он, не раздумывая, согласился. Смена места должна была пойти ему на пользу. Обосновался в чужой стране, стал учить язык. Помогал родным, высылал деньги родителям, помог в покупке дома замужней сестре, младшему брату. На седьмом году пребывания в Сеуле, умер отец, а через четыре месяца умерла мать. Оба раза он ездил на похороны. Боль, которую нанесла ему девушка, со временем притупилась, а позже вовсе исчезла. А друзья? Много ли у человека друзей? Время всё расставляет по местам. Одни, кого он принимал за друзей, отошли в сторону, другие канули в неизвестность, кто-то пустился во все тяжкие, натворил делишек, сидит в тюрьме, кто-то пристрастился к водке, загубил себя, – у каждого своя дорога. Есть один человек, встретился случайно, лесник, мужик что надо, крепкий на слово, справедливый, стал другом. Андреем зовут. Никогда ни о чём не просит, хотя нуждается, семья большая, жена, трое детей. Был он в Корее, Виктор оплатил ему дорогу, гостиницу.

– Вот так и живу, как видите, ничего интересного, – подытожил свой рассказ Янов.

– Очень даже интересно, – сказала Сонхви. – Значит, скоро вы вернётесь на родину?

– Да. Но странно очень. Здесь я скучаю по России, а приехав домой, скучаю по Корее.

– Я смотрела по телевизору документальный фильм о России. Леса, река Волга. Красиво.

– Это правда. У нас есть местечко, называется «Красноярские столбы». Там высокие и отвесные горы, отсюда и название. Осенью там особенная красота.

– А как вам Корея?

– Здесь другая природа, но тоже замечательная, своеобразная.

На улице они расстались.

– Мне тут уже близко, – сказала Сонхви. – Спасибо за приятный вечер!

– Это вам спасибо! – ответил Виктор. Расставаться ему не хотелось, так и гулял бы по городу с ней до утра.

– До свиданья!

– До свиданья!

6

Придя к себе, Янов включил ноутбук и перепечатал сегодняшнюю запись из блокнота. Зазвонил телефон, это был знакомый профессор Хан Согиль, тот сослался на занятость, пожурил коллегу, – Виктор теперь-то свободен, ничем не обременён, мог бы дать знать, где находится, как устроился и надолго ли? Хан Согиль обещал выкроить время и приехать навестить друга, заодно прихватить чемодан, который Виктор оставил. Янов извинился, сказал, что пребывал в неопределённости, оттого молчал и что теперь, вероятно, здесь проживёт какое-то время, и что будет рад встрече.

Нажав на телефоне кнопку отбоя, Янов с досадой вспомнил, что забыл спросить номер телефона у Сонхви. Пойду на днях в зал, где она танцует, решил он. Потом Виктор принял душ и лёг спать. Уснуть не удавалось. Закрывал

глаза и видел строки, которые складывались в некий образ. Янов встал, включил настольную лампу и записал в блокнот:

«ЛИСТЬЯ ОСЕНИ

Осень акварельной кистью
небрежно
размазала в небе облака.

Кружатся над крышами
листья,
и падают окрест, здесь и там.

Зябко.
Как время, однако, летит...
Ну да ладно, чего унывать.

К полудню
в кофейню, что за углом,
заглянул я,
взял чашку горячего кофе.

На столе разложил
охапку листьев, —
что подобрал я по дороге сюда, —
жёлтый лист, оранжевый,
красный,
рыжий с чёрной крапинкой...

Потом я листья в сумку сложил
аккуратненько.

А за стойкой бармен
под тихую музыку блюза
скучает.

И больше нет никого.
Но вскоре в стеклянную дверь
входит девчушка,
неподалёку садится.

Её профиль на фоне окна
задумчив и грустен.

На столе она раскладывает
листья.

Жёлтый лист, лист оранжевый,
красный,
рыжий с чёрной крапинкой...»

Он закрыл блокнот, выключил свет. И сразу уснул.

Утро. Над Чонджу ярко светило солнце.

Серебристые блики отражались в окнах домов, в витринах магазинов, в стёклах проезжающих авто.

Янов позавтракал и часам к одиннадцати вышел на улицу, отыскал знакомое здание, но дверь в зал была заперта. Он явился ещё через день, обнаружил на этот раз в помещении человек десять мужчин и женщин, продельвающих под музыку разные упражнения. Сонхви среди них не было. Руководил группой наставник, мужчина лет сорока, стройный, спортивного сложения. Янов дождался окончания занятия и вежливо осведомился у учителя о Сонхви, не заболела ли она случаем, и попросил, если можно, дать её номер телефона. Учитель ответил, что с Сонхви всё хорошо, она здорова, что с родителями та поехала навестить больную тётю в город Ульсан, вернётся через несколько дней, но заниматься в зал больше не придёт, потому что пойдёт работать в больницу. И написал её телефон.

Он позвонил ей вечером.

Сонхви удивилась звонку и одновременно обрадовалась. Сказала, что тёте лучше и что после выходных приедет домой.

Они встретились в том же кафе у её дома. Беседовали. Им было интересно слушать друг друга, внимали каждому слову, шутили и смеялись, будто давние друзья.

В следующий раз увиделись они спустя неделю, в выходной, вечером. Сонхви повезла Виктора на отцовской машине на окраину города в горное местечко, где располагалась одна уютная чайная. Там, за чашкой традиционного зелёного чая, молодая женщина рассказала, что на старой работе её тепло приняли и что она потихоньку входит в привычный ритм.

— Очень хорошо, я рад, — сказал Янов и, улыбнувшись, предложил. — А не перейти ли нам на ты? У нас в России принято к близким людям обращаться на ты.

— Я не могу, — тихо проговорила она.

— Понимаю. Между нами большая разница в возрасте. Мне пятьдесят два. Исполнится через месяц. А вам, наверное, и тридцати нет.

— Тридцать семь, — сказала Сонхви. — Мне просто непривычно. Вы можете обращаться ко мне на ты, а я к вам буду на вы.

— Это несправедливо, — сказал с хитрецей в глазах Янов.

— А давайте так, — вторила ему Сонхви. — Когда мы вдвоём, я буду к вам на ты, а прилюдно на вы?

— Ты дипломат, — рассмеялся Янов.

— Ты тоже, — засмеялась следом молодая женщина.

Потом они вышли на улицу. Дул слабый, тёплый ветерок. От стоянки автомашин, выходящей на асфальтовую дорогу, сбоку в сторону сопки петляла тропинка, там горели фонари.

Они решили прогуляться на сопку.

Под ногами шуршали опавшие листья. Фонари стояли в отдалении друг от друга. Когда Виктор с Сонхви выходили из светлого круга, то какое-то время шли в темноте, пока не входили в другой круг света. В тишине ночи отчётливо

шуршали-похрустывали под ногами листья. Виктор ощущал рядом со своим плечом хрупкое плечо Сонхви, он взял её ладонь в свою, она не отняла руку, – так они шли к другому фонарю. Порывистый ветерок сорвал с ветвей охапку листьев, кинул на головы мужчины и женщины, те весело вскрикнули, вышли на свет, он снял с её головы и плеча жёлтые и алые листочки. На свету они ярко горели. Виктор поднял с земли ещё несколько разноцветных листьев.

– Послушай, Сонхви, – сказал Виктор. Он вспомнил стихотворение, которое написал минувшей ночью. И прочитал его, сначала на русском, затем на корейском.

– Не знаю, правильно ли я перевёл, – Виктор попытался отшутиться. – Было такое настроение. Не принимай всерьёз. Стихи неважные.

– Очень хорошие, – возразила Сонхви. – Мне нравятся. Так ты поэт. Я давно это подозревала.

– Какой там... Ну было когда-то, выпустил в Красноярске две тонкие книжки, рассказы и стихотворения. А потом не до того было. Времени не стало. То одно, то другое. Я приучил себя тщательно готовиться к каждой лекции в университете, чтобы быть в форме. А студенты очень любознательны, я ставил с ними спектакли по произведениям русских классиков. Было весело.

– А теперь у тебя есть время, чтобы заняться творчеством. Разве нет?

– Ты так считаешь?

– Конечно!

– Я подумаю, – Янов рассмеялся.

Они вернулись к машине и поехали в город.

9

За окном, убаюкиваемая ночью, покачивалась на деревьях листва. Виктор открыл блокнот, записал:

«Кромешная ночь.

В небе ни одной звезды.

По обеим сторонам от нас чёрный лес.

Мы шагаем по едва приметной дорожке. И слушаем мелодию собственных шагов.

Ночь, дорожка, тишина... И мы вдвоём, моя любимая женщина и я.

А где-то рядом, в каких-то десяти километрах отсюда живёт своей привычной жизнью город. Город платанов. Там шум, буйство красок, свет реклам. В кафе молодые пары сидят, пьют кофе, едят мороженое, беседуют, весело смеются.

Днём в городе иные краски, всё буднично и суетно.

По улицам спешат люди.

С платанов падают на тротуар огромные листья.

И всё мчатся куда-то автомобили.

А здесь в горах тишина.

Ночь, дорожка... И мы двое.

Вскоре за поворотом, вдалеке внезапно появляется свет.

Это горит фонарь. И тотчас на душе становится тепло. Ликует сердце!

Да здравствует свет! – хочется крикнуть мне.

Да здравствует свет! – отзывается лес.

Я держу её за руку, мне хочется обнять девушку и поцеловать её. Но я не знаю, как она это воспримет. Одно дело держать в своей руке её тонкую,

тёплую руку, и совсем другое – позволить себе лишнее. Когда любишь, следует ждать. Иначе отпугнёшь нежное создание.

Я дал ей надежду.

Нет, это она дала мне надежду.

Я попросил её показать фотографию дочери, она показала милое детское личико, заснятое в телефоне.

Лягу спать с лёгким сердцем, и мне приснятся синие дали.

Она обещала в следующий раз поехать со мной к старинному буддийскому храму в горах.

А я обещал Сонхви, что летом покажу ей и её дочурке мой родной город Красноярск и реку Енисей.

Она сказала, что завтра после работы позвонит.

Я сказал, что буду ждать».

Но Виктор не стал дожидаться утра, а позвонил Сонхви сам, сей же час, хотя было поздно, чтобы снова услышать её голос и пожелать спокойной ночи.

ПОЭЗИЯ

Игорь Белкин-Ханадеев – прозаик и поэт. Родился в 1972 г. в Москве. Учился на факультете истории искусства РГГУ. Публиковался в журналах «Пограничник», «Смена», «Молодая гвардия», «Дон», «Подъём», «Север», «Наш современник», «Урал», «Дружба народов» и других. Автор книг «Божий контингент» (изд. «Ольга» 2018), «Качаясь на двери» (изд. «Российский писатель» 2023), лауреат газеты «Российский писатель» (2017). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ

«Господи, дай мне достойно прочесть покаянный псалом!..»

Нерушимая стена –
ярким дымом ввысь,
Убиенных имена
с облаком слились.
На пороховой меже –
длани в небосвод.
Неужели мы уже
не один народ?

Упокой благословя,
чёрным вороньём
В мёртвые глаза славян
льётся окоём.

Улица новая

Тёмная кровля прогнулась седлом,
Рамы в зелёной вуали.
Раньше стояло большое село,
После – посёлком назвали.

Улица Новая, тридцать один –
Адрес поникшего дома.
Кто-то крапиву внутри посадил –
Нечего никнуть пустому!

Мимо него прогоняли коров –
Прутиком ближе к ограде.
С каждым июлем все меньше голов
Было в посёлковом стаде.

Куда ты угнал их, пастушеский прут?
Пылью следы припорошило.
Эхом печальным мычит на ветру
Ящик для писем из прошлого.

Солнца свет. Стекло в узорном инее.
На дворе Крещение Господне.
Деду радость: в полуштофе глиняном
Со вчерашнего осталось на сегодня.

По селу ходить теперь он старый –
Там – мороз, а здесь от печки жар.
В доме с одиночеством на пару
Можно причаститься не спеша.

Солнца свет – как ярко и диковинно!
И в висках уже не так стучит.

...Молится потом перед иконами
На огарок солнечной свечи.

Весна. Военкомат. И вновь к войне не годен.
Уже за пятьдесят. И голова болит.
Которую из двух неравноценных родин
Опять не защитит ковидный инвалид?

Не ту ли, где мальцом катался на мопеде,
На дальние пруды – за карасями вброд,
И думал об одной единственной Победе –
За равноправие, за братство, за народ?

Или другую, ту, где пруд закрыт забором –
Куда ни плюнь – кирпичная стена –
Где всё принадлежит нововельможным ворам,
Где мир дворцам, а хижинам – война?

Памяти погибших

Бетонное крошево, порох, грязь.
 Танковых траков рваная вязь.
 Как из мартена –
 брызжет алая сталь.
 Грохот орудий, молитва и мат.
 Вчерашней раны сочится стигмат.
 И жизнь, и смерть –
 всё с чистого листа.
 Настиг тебя у последней стены
 Разнокалиберный бог войны.
 Багряной бровью
 ты удивленно повел,
 В клочья жилет, прожжена броня.
 «В царстве своем... помяни меня», –
 И в мёртвую землю
 воткнулся умолкший ствол.
 «У нас один – двести, – в эфире свист –
 Жалко парня. Посёлок чист.»
 В целинный участок
 вгрызается мирный ковш,
 Скороговоркой «Во имя Отца...»
 Отпет, погребён и крещён пацан
 Огнем и Духом,
 а прошлая жизнь – ложь.
 Грехов искупление. Залп. Венок.
 Цинковый мех – молодое вино,
 И чёрный крест
 процветает зелёной лозой.
 Секира лежит при корне дерев,
 Царствия Божьего край узрев,
 Отверг ты себя
 и пришёл на небесный зов.

Ты помнишь, Лёшка, как сказал «ничья»? –
 Из-за чего дрались – уже давно забыто –
 Зачем? Ты побеждал, а я лежал побитым
 И плакал вместе с ивой у ручья.

Куда потом пропал, уехав из села?
 Ни строчки, ни звонка, ни телеграмм, ни фото..
 Ходили слухи, что сидишь за что-то.
 Но это так – сорока принесла...

И вот вернулся. Здравствуй? Как ты сам?
 Чей будешь нынче – ближний или дальний? –

...Блеснут латунию пыльные медали
 И молнией – протеза полоса.

Час пик

Напирают, и мы напираем –
 Зажимая в руке смартфон,
 Из далёкого спального рая
 Едем в центр со всех сторон.

Отвратившись благого ига,
 Мы штурмуем подземный рейс –
 Аж с платформы готовы прыгать
 Головой на контактный рельс.

Мы позлимся, на нас позлятся –
 Слово за слово, гнев за гнев.
 Мы – обычный слой популяции,
 Аватары адамов и ев.

Разбегаемся по вагонам,
 Слышим – поезд гудит: «Распни!»
 Этот гул почему-то знаком нам
 Из нечитанных старых книг.

Окольцованные кольцевыми,
 Замурованные в воцап,
 Позабыли мы Твоё Имя,
 Твоего не помним Лица.

Не познали мы Твоей Воли,
 Твоего не несём Креста –
 Несолёной бросовой солью
 За верстой ложится верста.

Оттесняя плечом Кого-то,
 Кто распятый застыл в дверях,
 Мы торопимся на работу,
 И не ведая, и не творя.

Господи Боже, Ты куст ли терновый в огне?
 Что попросить у Тебя на тревожном багровом закате?
 Вижу с постели, как день догорает в окне,
 Вижу реки распростёртую алую скатерть.

Господи, дай мне опять посидеть за рабочим столом –
С дочкой, как прежде, проверить, что задано на дом.
Господи, дай мне достойно прочесть покаянный псалом!
А ничего мне другого уже и не надо...

Одичавший сад, ты сохнешь не спеша –
Яблоки так мелки и так редки...
Будто скороспелая плодовая душа
Вынута из солнечной розетки.

Утро. Без четверти восемь...
Без десяти... без минуты...
Лето свернуло в осень
С солнечного маршрута.

Не опоздать бы в школу –
Автобусы ходят реже.
Солнца туманный колоб
Сегодня уже не брезжит.

Рвутся в полёт с веток
Тройки гнедых листьев.
Долгое школьное лето
Падает в осень жизни.

Дождь захлестнул город
Медь покидал в лужи.
За отложной ворот
С неба налил стужи.

Лестница в доме – ступени со сколами –
Санки стоят у двери.
Помню, как утром пикировал в школу я
По серпантину перил.
Помню, как школьными брюками синими
С поручней краску собрал –
Свежая охра предательской линией
Не доведёт до добра.
Вот, выхожу я в подъезд неподсвеченный –
С шага срываюсь в пике –

Мама приносит откуда-то вечером
С новенькой формой пакет.
Лестница дымная, чёрно-пожарная –
Вниз за ступенькой – обрыв.
Пел вечерами я песни гитарные –
До перелётной поры...

Дом одряхлевший, со мглой заоконною,
Скоро уходит под снос.
Боже, к Тебе поднимаюсь с поклонами –
И ничего не принёс...

На стене Богородица плачет в киоте над полкой,
Ниже – Спас и Святые, узор из мишурной лозы.
Помолился в окно – потекли-посползали иголки
На студёном стекле отражением тёплой слезы.

Стало видно околицу, чёрный забор из-под снега,
Колокольни свечу над усталым увечным селом,
Чью-то старую «Ниву» с почти миллионным пробегом,
Что попутными ветрами в наши края занесло.

Стало видно звезду, Вифлеемскую ли или нашу, родную –
Свет от света, Ты даже и так озаряешь нам путь!
Ты прости мне долги, всё равно ведь уже не верну я.
Только дай мне знакомую Русь на мновенье вернуть:

Чтобы добрые всходы купались в предутренних росах,
И дубовый налечник резнее резного приковывал взгляд,
И молитвенным жезлом звучал по дороге немолкнувший посох.
Дай мне Русь, оглянуться вперёд ли, назад...

Я хочу тебя видеть рождённой, воскресшей, восставшей из плена и праха,
Чтобы дома слышать лишь одну только русскую речь.
Я с тобою на крест... и с тобой, если надо, на плаху,
Только чтобы мгновение это потомкам на память сберечь.

Максим ВОРОБЬЁВ

Человек и цифровая угроза

Читая столь многочисленные сейчас статьи о цифровых технологиях и искусственном интеллекте (далее ИИ), я каждый раз поражаюсь непониманию большинства авторов и комментаторов. Нет, не того, что такое новые технологии, или как устроен ИИ. Это-то как раз более-менее определяется и, как правило, изложено со знанием дела. Непонимание касается другого, гораздо более важного вопроса: Кто такой человек, как он живёт и как должен жить. Впрочем, непонимание этого главного вопроса касается статей и работ на любые темы. Просто тема цифровых технологий и виртуальной реальности выявила эту проблему наиболее выпукло.

Конечно, полное понимание человека вряд ли доступно кому-либо кроме Создателя. Однако есть же некоторые основополагающие принципы, которые должны быть известны каждому. Должны, но не обязаны. Более того, выясняется, что о них не слышало подавляющее большинство наших сограждан. Речь в данном случае идёт не о Заповедях Божиих, а об элементарных мерах безопасности жизнедеятельности. Некие ОБЖ, – не только те, что преподаются в школе, но и те, что передаются в семьях из поколения в поколение, да и просто жизненный опыт, наконец. А ещё понимание, хотя бы приблизительное, как устроен человеческий организм и что такое здоровье. Правила, сформулированные ещё Гиппократом. Впрочем, чему удивляться? Спросите на улице тысячу человек: «Вы читали Гиппократа?» – если хотя бы один из них ответит утвердительно, будет похоже на чудо.

Сейчас даже в мединститутах об этих принципах говорят лишь мимоходом, если вообще говорят. А ведь человеческий организм за 2500 лет несколько не изменился. Видимо, надо будет написать отдельную работу по теме устройства и жизнедеятельности человеческого организма. Иначе вряд ли возможно понять всю сложность взаимодействия человека с цифровыми технологиями, да

Максим Зотикович Воробьёв – родился в 1966 г. Окончил ГЦОЛИФК (ныне РГУФКСиТ). С 1990 г. участвует во Всесоюзных соревнованиях по сверхмарафону. Мастер спорта Международного класса. Обладатель Кубка Европы по суточному бегу 1994 г. Неоднократный призёр чемпионатов России и Европы по сверхмарафону. В 2003 г. организовал Пуцунский городской общественный благотворительный Фонд детского спорта. Принимает активное участие в литературной и художественной жизни города и района. Регулярно печатается в местной и центральной печати. Составились 2 персональные фотовыставки в Пуцунском музее, работы находятся в Русском музее Санкт-Петербурга, вошли в фундаментальный каталог первого фотобиеннале Русского музея.

Живёт в Пуцуне.

и с другими благами НТП. Какие последствия несёт это взаимодействие как для отдельной личности, так и для общества в целом.

Но эта задача на будущее, а пока вернёмся к цифре.

Есть несколько общепринятых постулатов, которые сглаживают проблему воздействия виртуальной реальности на человека и как бы сводят её на нет. Однако при ближайшем рассмотрении они выполняют роль дымовой завесы, позволяя, подобно известной птице, прятать голову в песок и не замечать очевидных проблем.

Таков, например, тезис: «ИИ – просто технология». На этом считают тему исчерпанной и самодовольно потирают руки. На самом деле – это лишь начало серьёзного разговора. Ведь у вдумчивого человека возникают вопросы: Что такое технология? Что входит в это понятие? Учитывается ли при этом длинная цепочка затраченных усилий разных специалистов, начиная от рабочего конвейера, изготавливающего микросхемы и заканчивая программистом? Как технология влияет на человека? Как может влиять? Осознаёт ли человек это влияние? Если да, то всегда ли? Если нет, то каковы последствия этой неосознанности?

Видите, всего несколько первоначальных вопросов навскидку, а уже каждый требует отдельной статьи. Для наглядности можно провести такое сопоставление. Понятие «вещество» – гораздо проще и определённое понятия «технология». Известный всем этиловый спирт – C₂H₅OH – просто вещество. Однако многие люди, принимающие (заметьте, добровольно!) это вещество, становятся от него зависимыми. И при этом совершенно не важно, в какую обёртку это вещество упаковано. Красное вино, белое, коньяк, водка... Важно его воздействие на человека. Многих это вещество, в итоге, доводит до различных болезней, а то и убивает. А всего-то просто «вещество». Любой наркотик – тоже «просто вещество», однако почему-то никто на основании этого факта не объявляет проблему наркомании решённой. Понятие «технология» гораздо сложнее «вещества», следовательно, и его воздействие на человека гораздо сложнее, многообразнее и, не побоюсь этого слова, изощрённее.

Второй момент, который упускается из виду защитниками цифры и ИИ, или теми, кто недооценивает его влияние, не менее важен. Простой вопрос: «Может ли ИИ принимать самостоятельные решения, без участия человека?». Разумеется, именно для этого он и создан, чтобы освободить человека от множества забот, связанных с принятием множества однообразных, или даже разнообразных, решений. Любая автоматизированная система служит тому наглядным примером.

Второй вопрос вытекает из первого: «Может ли принятое ИИ решение передаваться во внешний мир и воздействовать на него?». И здесь ответ будет положительным. Те же системы автоматики или, к примеру, становящийся все более популярным «умный дом».

Следовательно, ИИ интеллект может воздействовать и на человека. И способов такого воздействия не перечислить. Всё зависит лишь от технических возможностей машин, подвластных управлению ИИ. Какие основания мы имеем для утверждения того, что такие воздействия принесут человеку лишь благо? Никаких. Ибо понятия блага, добра или зла – сугубо человеческие этические понятия, чуждые строгой машинной логике ИИ. Они могут быть заложены в изначальную программу ИИ, но при этом остаются совершенно чуждыми понятиями, не имеющими основы в его онтологической сути. Следовательно, в процессе самообучения он может и вовсе отбросить этику и психологию как

ненужные и мешающие эффективности работы обременения. Это в том случае, если этические понятия были внесены в изначальную программу. А ведь они могут быть и не внесены. Или может быть внесено сугубо специфическое понимание моральных норм, как, например, превосходство одной группы людей над другой.

Но это, так сказать, касается внешнего воздействия. Однако ИИ, да и вообще цифровые технологии могут воздействовать на человека без всяких посредников и гораздо более эффективно при помощи гаджетов, имеющих сейчас у каждого человека. По типу упомянутых выше «просто веществ». Потому что сфера их воздействия – человеческая психика. Всё, что мы видим, слышим или ощущаем другими органами чувств, на протяжении нашей жизни оказывает влияние на нашу душу. Вот почему святые отцы настоятельно призывали хранить органы чувств от внешних воздействий, дабы через эти ворота во внешний мир не вошли неприятельские силы и не разорили дом нашей души. Однако вся современная жизнь устроена с точностью до наоборот. Со светящихся экранов телевизоров, ноутбуков и гаджетов на нас ежесекундно обрушивается нескончаемый поток мельтешащих картинок и звуков. Осмыслить их и критически проанализировать нет никакой возможности. Следовательно, они незаметно и постоянно откладываются в нашем подсознании. К чему это приводит? Достаточно лишь взглянуть на проблемы, с которыми сталкиваются врачи в последние десятилетия. Депрессия, немотивированная агрессия, цифровая деменция (слабоумие), цифровой аутизм, цифровая и интернет-зависимость, игромания, огромный спектр других психических нарушений. Обо всём этом мы упоминали в прежних статьях.

Вот только один реальный случай из жизни. Молодой человек с лёгкой формой ДЦП, благодаря героическим усилиям матери, растившей его в одиночку, а также своей целеустремлённости, сумел почти полностью компенсироваться. Поступил в ВУЗ на бюджетное отделение. Учился хорошо, совершенно спокойно и адекватно общался со сверстниками. В какой-то момент один из друзей предложил ему попробовать поиграть в компьютерную игру. Наш герой надел на себя специальные очки, полностью погружающие в виртуальную реальность. Что было потом, он плохо помнит. А произошло у него острое психическое расстройство, потребовавшее длительного лечения в психиатрической клинике. Вдобавок почти все признаки ДЦП, с которыми много лет боролись, проявились с новой силой. В итоге пришлось брать академический отпуск, и учёба в ВУЗе теперь под большим вопросом. Всего лишь один пример, а их на самом деле – тысячи, если не десятки тысяч. Точной статистики ведь никто не ведёт.

Ещё один случай, произошедший в провинциальном городе на Урале около 10 лет назад. Старшеклассник из благополучной и вполне состоятельной семьи, отличник и тихоня, убил своих родителей за то, что они попытались ограничить время, проводимое им за компьютерными играми. И это тоже не единственный случай.

Невольно вспоминается рассказ Рэя Бредбери «Вельд», написанный ещё в 1950 г., который теперь можно с полным основанием признать пророческим. В наше время раскрывается страшная глубина слов Спасителя: «И восстанут дети на родителей и умертвят их» (Марк, 13:12). Теперь это становится привычным явлением.

Так же, как и «школьные стрелки», расстреливающие одноклассников, детей и педагогов. А ведь они не на ровном месте возникли. С одной стороны

постоянные игры в «стрелялки», массовые убийства в виртуальной реальности, с другой – массовый психоз убийства и самоубийства с помощью интернета, легко минующий границы и достигающий до любого пользователя в мире. Нажать на настоящий курок ружья и выстрелить в живого человека становится гораздо проще, если ты проделывал это уже тысячи раз в виртуальной реальности.

А вот, например, наш столь любимый в последнее время Китай.

«При чём тут Китай?» – спросите вы.

А как же без него? Дело в том, что столь стремительно вошедшие в нашу жизнь цифровые технологии в жизнь китайцев вошли раньше лет этак на 10. То, с чем мы только-только начинаем сталкиваться в России сейчас, для Китая – уже пройденный этап. В том числе и борьба с цифровой зависимостью. Причём на государственном уровне. Пока у нас в упор не хотят замечать проблему, Китай всерьёз озабочен выведением своих граждан из цифровой зависимости и предпринимает решительные шаги на этом пути. Ещё в 2008 г. интернет-игровая зависимость была объявлена в Китае психическим заболеванием. Начали создаваться специальные центры для борьбы с этим заболеванием. Центры эти представляют некоторый гибрид психиатрической клиники и молодежного военного лагеря. Строжайшая дисциплина, трудотерапия и, в особо тяжёлых случаях, принудительное лечение. В лагерях запрещены любые гаджеты. При этом оплата лагеря целиком ложится на плечи либо самого воспитанника, либо его родителей.

Цена пребывания в таком центре составляет от 10 000 юаней (порядка 100 000 руб.) в месяц. Лечение обычно составляет 3–4 месяца. Таким образом, за свои проблемы или проблемы детей приходится платить финансово. К 2023 г. через эти центры прошло более 13 миллионов человек.

Кроме того, в Китае с сентября 2021 г. действует жёсткое ограничение на онлайн-игры для лиц моложе 18 лет. Всего три часа в неделю по одному часу с 20.00 до 21.00 в пятницу, субботу и воскресенье. Для лиц с 18 до 21 года лимит увеличивается до 6-ти часов в неделю. Для родителей нарушителей предусмотрены штрафы. Причём для уточнения того, кто находился перед экраном, используется проверка данных и система распознавания лиц. Китай явно озабочен последствиями цифровизации в отношении здоровья своих граждан. Страна беспокоится о своём будущем.

У нас, в России, этих проблем как бы не замечают. Официальные источники и СМИ с энтузиазмом, достойным лучшего применения, продолжают ратовать за цифровые технологии, не задумываясь о последствиях. Не спрашивая мнения народа, цифровые технологии внедряются во все сферы жизни с присказкой-пугалкой: «Мол, иначе мы отстанем от прогресса и других стран». В некоторых случаях внедрение цифровых технологий может быть оправдано, но только не в области образования и воспитания. Вот уже и «Родители Москвы» обращаются во все инстанции с просьбой остановить навязываемое дистанционное обучение. Услышат ли их отчаянный вопль? Железной рукой нас загоняют в светящиеся экранами цифровое будущее. Оставляем за скобками и тотальный контроль над населением, ведущий к самому настоящему цифровому рабству. Вернёмся к отдельно взятому человеку.

В виртуальном мире нет места для Бога. Погружаясь в цифровые миры и интернет, мы всё больше отдаляемся от реальности, а, следовательно, и от Создателя. Это огромная философская, богословская и просто жизненная проблема, которой почти никто не занимается, кроме несчастных родителей,

дети которых дошли до крайней точки. Эпоха коронавируса стала ещё и эпохой массового внедрения цифры в жизнь людей. Даже тех, которые были далеки от них. Многие школьники почувствовали всю прелесть учёбы «онлайн» и всеми силами стали сопротивляться возвращению к нормальной учёбе. Усилиями родителей этот частный бунт миллионов детей был подавлен, но последствия почувствовала вся страна. И без того сидящие во дворе или общественном транспорте дети, уткнувшиеся в свои телефоны, стали приметой времени. Они уже не общаются, не гуляют, не играют, не бегают. Телефон заменил им всё. Кем станут они, когда вырастут? В любом случае, букет заболеваний им обеспечен. Плохое зрение, ожирение, проблемы с опорно-двигательным аппаратом, сердечно-сосудистой, пищеварительной и эндокринной системой плюс неврологические и психические расстройства. Стоит ли такой ценой оплачивать доступ к информации, комфорт и удобство? Кроме того, вплоть до подросткового возраста двигательная активность напрямую связана с развитием умственных способностей. Чем больше двигается ребёнок, чем разнообразнее его движения, особенно мелкая ручная моторика, тем он умнее. Гаджеты начисто исключают возможность активного движения и тонких ощущений пальцев рук, что в итоге ведёт к умственной недоразвитости. Согласитесь, тыкать пальцем в экран несравненно проще, чем вдеть нитку в иголку, вышивать или рисовать. Практически весь контент цифровых технологий заточен на потребление. Человека приучают потреблять, не думая. Процесс критического мышления полностью атрофируется. Так же, как и процесс творчества – созидания нового. Постепенно и незаметно самостоятельное мышление личности подменяется на идеи, образы и лозунги, внушённые извне. И вот перед нами возникает человек недалёкого будущего, а то и настоящего: недоразвитый умственно и физически, страдающий целым набором различных заболеваний, не имеющий понятия о нравственности и готовый послушно исполнить любой приказ, исходящий из интернета. Прекрасный идеал – не так ли? Общество, где такие особи будут составлять большинство, или хотя бы половину – обречено.

Сегодня, как никогда грозно, звучат слова Христа: «...а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Матфей. 18:6-7).

Эти слова обращены не только к владельцам интернет-ресурсов, программистам и создателям компьютерных игр, они обращены к каждому из нас. Мы соблазняем детей гаджетами и не имеем силы ничего иного дать взамен. Мы сейчас добровольно причиняем вред и себе, и нашим детям, всё более погружаясь в иллюзорный мир. Разве может служить оправданием ссылка на то, что таково наше время?

Мы и сами поработаны и не имеем силы оторваться от экрана, загнипнотизировано глядя на мерцающие и меняющиеся картинки. Сколько самооправданий мы придумываем, чтобы ещё хоть немного провести время в интернете!

Надо понимать, что наряду с традиционными общественными проблемами в нашу жизнь вошла и проблема цифровых технологий. Делать вид, что её не существует, можно с таким же успехом, как игнорировать онкологическое заболевание. Меры нужны решительные, и принимать их нужно было ещё вчера. Жизненно необходимо оградить детей от влияния интернета, запретить,

или хотя бы ограничить пользование гаджетами, по крайней мере до подросткового возраста. Кстати, именно так поступают со своими отпрысками многие миллиардеры, держащие в своих руках судьбы мира.

Обращаться с цифровыми технологиями надо как с химическим и ядерным оружием. Крайне осторожно и соблюдая все меры безопасности. Что будет, если любой желающий получит доступ к атомным разработкам? Страшно представить? А в цифровой сфере, значит вполне можно? Даже на бытовом уровне воздействие информации, передающейся через гаджет, вполне сравнимо с воздействием алкоголя. Разве массовые мошенничества, психозы и базы личных данных в свободном доступе не представляют угрозу как национальной безопасности, так и отдельной личности? Граждане, поджигающие военкоматы, сотрудничающие с террористами и протестующие против СВО – продукт цифровой агрессии. Проблема не решится сама собой. Более того, её игнорирование сделает процесс необратимым. По крайней мере, надо понимать, что пользование смартфоном несёт не меньше угрозы психическому здоровью, чем алкоголь или наркотики. Ограничение в быту цифровых технологий, в первую очередь для детей, требует самых решительных и строгих мер. Катастрофа приближается с каждым днём. Если в самое ближайшее время власть в России этого не осознает, то через десяток лет может быть уже поздно.

ПОЭЗИЯ

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

Меня одарит осень рифмой...

То поясница, то бронхит
И надоедливый гастрит –
Куда ни ткни – везде болит.
И справка есть, что инвалид.
Плох я, конечно, по грехам,
Забыл дорогу в здешний храм,
Всё как-то мне не по пути
Для исповеди час найти.
Мол, что мне батюшкин совет,
Я сам себе авторитет.
Ну кто из нас не без греха?!
По мне, так правда не плоха,
Душа с ней, право, не болит.
Вот здесь я точно инвалид.

В деревню мне б. Хотя бы на полгода.
Подальше от рекламной суеты
И митингов, где в лидерах народа
Авторитеты нашей простоты.

Улепетну. Не факт, что в непогоду.
Достало б фиолетовых чернил
У вечера на сельскую природу,
Когда б её сугробы он синил.

Да, мне деревня нравится,
Там и зима-красавица,
Весну и лето там благодарю,
Там осень златом вышита,
И нет моей лишь крыши там,
В деревне, о которой говорю.

Что мне до женщины в румянах
С ресницами аж до бровей!
В загримированных изъянах
Ей нипочём ночной «бродвей».

Но далеко ей до столицы,
А на деревне ночь не та,
И трезвым сном не похвалиться,
И с кавалерами беда.

Не так ли подгулявшей нимфой
Щедра, как пьяная душа,
Меня одарит осень рифмой
И не попросит ни гроша?

Не по себе мне как-то. Снова
Меня преследует война.
Надеялся, о ней ни слова
Не пророню. Ан нет, она
Второй себе открыла фронт,
По штатским с хаймерсов¹ паля...
Вот так и жрёт мой генофонд
Демократическая тля.

В командировках в советском прошлом,
В союзном, попросту говоря,
В Тракае, помню, меняли гроши
На сувениры из янтаря.

¹ Американская ракетная система залпового огня (РСЗО)

Теперь в Литве к нам не столь любезны,
О латышах уж не говорю.
Эстонцам были мы интересны,
Пока давали им жить в раю.

Прибалты, словом. Но «киевляне»?..
Что, полагал я, своими были,
Ведь православные ж христиане,
В Одессе братьям мозги промыли.

Мы благородству не зря служили,
Как говорится, врагов нажили.
По-русски, честно дружили мы,
И раздали свой хлеб займы.

Перекличка пернатых
Или ласковый спор
Райской песни крылатой
С водопадами гор.

Волны хвалятся морем,
Ночи – звёздным шатром.
Кто-то плавает кролем,
Кто-то – лишь топором.

Справедливых нет в споре,
Как бы ни был он прост.
Утром хвастаем морем,
Ночью куполом звёзд.

Единство русского народа и его подтверждение в исторических документах XVI и XVII веков

При рассмотрении многочисленных современных мнений о русском мире и русской нации заметна слабая документальная основа целого ряда различных воззрений, нередко подменяемая огульной, бездоказательной и творимой прямо здесь и сейчас мифологией. Одно из таких измышлений, распространившееся в Польше и на Украине, состоит в противопоставлении так называемых Киевской Руси и Московии, то есть Московского царства времён Ивана Грозного и первых Романовых. Киевская Русь понимается как издревле существовавшее славянское государство с европейской культурой, Московское же царство как типичная азиатская деспотия, по существу, уже и не славянская, изначально враждебная по отношению к Киевской Руси. Эта «теория» представляется даже недостойной критики, настолько она нелепа, выдумана и противоречива по отношению к историческим фактам. Тем не менее, рассмотрение истинного положения дел очень важно для современного читателя, зачастую теряющегося в бурлящем океане мнений и выдумок. Есть здесь и прямой познавательный интерес для всех, кто считает себя русскими патриотами. Наконец, просто вспомним, что знание – сила.

Нужно сказать, что проблема единства русского народа вообще и история Малороссии в частности рассматривались многими авторами на протяжении длительного времени. Ряд работ, опубликованных ещё в первой половине XX века, представляют значительный интерес и в наше время, однако многие из них малоизвестны, почти позабыты. В этой статье мне хочется дать развёрнутый комментарий к статье И.И. Лаппо «Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству», опубликованной отдельной брошюрой в 1929 году в Праге. Сначала несколько слов об авторе.

Никита Юрьевич Брагин – поэт, переводчик, литературовед. Москвич, 1956 г. рождения, член Союза писателей России. Автор двенадцати сборников стихов, в том числе: «Полночное паломничество» (2014), «Дикий мёд» (2017), «Золотые шары» (2020), лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), обладатель Гран-При конкурса «Преодоление» МГО СП России (2020). Публикуется в «Литературной Газете», газете «День Литературы», журналах «Наши Современники», «Москва», «Подъём», «Александръ» и др.

Живёт в Москве.

Иван Иванович Лаппо (1869-1944) – известный русский историк, специалист по истории Великого княжества Литовского, а также Малороссии. Сам он происходит из старого литовского дворянского рода. Отец Ивана Ивановича был начальником отделения канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (тогда этот пост занимал К.П. Победоносцев), семья жила в Петербурге. Там И.И. Лаппо окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, защитил диссертацию по истории Великого княжества Литовского во второй половине XVI века, преподавал. Затем он стал профессором русской истории Юрьевского университета (ныне Тартуский университет, Эстония). После революции и гражданской войны эмигрировал, с 1921 по 1933 годы жил и работал в Праге, а с 1933 года в Вильнюсе, где занимал профессорскую должность в университете. В 1941 году, во время немецкой оккупации, он был уволен по возрасту, а в 1944 году вместе с семьёй оказался в Дрездене, где и погиб под англо-американскими бомбами.

Из работ Лаппо, опубликованных им в эмиграции, кроме упомянутой мной статьи, заслуживают внимания следующие: «Западная Россия и её соединение с Польшей в их историческом прошлом» (Прага, 1924), «Происхождение украинской идеологии Новейшего времени» (Ужгород, 1926), «Россия и славянство» (Ужгород, 1930). Брошюра о происхождении украинской идеологии выражает авторскую идею о том, что украинство есть национально-политическое движение. Кроме того, Лаппо считал украинский язык провинциальным диалектом Южной России. Его неоднократно критиковали на Украине, так, в советское время Лаппо называли «белогвардейским писакой», а после 1991 года он считается «украинофобом». Более того, его идеи, как высказался западноукраинский писатель В. Гренджа-Донской (1897-1974), «могли возникнуть лишь в парализованном гнилом мозгу московской черносотенщины».

Что же это за идеи такие, раз они вызвали настолько лютую ненависть? Не вдаваясь в полемику, я хочу максимально беспристрастно и объективно рассмотреть работу Лаппо о идее единства русского народа, поскольку в ней приводится немало цитат из исторических документов XVI и XVII веков, многие из которых могут быть неизвестны современному читателю. При этом Лаппо последовательно рассматривает различные документы, как бы вскрывая пласты многообразных и не всегда похожих воззрений, высказанных представителями разных народов, культур и государств. Начинает он с достопамятного события, произошедшего 7 января 1654 года, когда глава российского посольства на Украине боярин Василий Васильевич Бутурлин принимал в Переяславле гетмана Богдана Хмельницкого и войскового писаря Ивана Выговского. На этом приёме Хмельницкий и Выговский, как зафиксировано в статейном списке посольства, заявили следующее:

«Милость Божия над нами, якоже древле при великом князе Владимире, так же и ныне сродник их, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец, призрил на свою государеву отчину Киев и на всю Малую Русь милостью своею; яко орел покрывает гнездо свое, тако и он государь изволил нас принять под свою царского величества высокую руку; а Киев и вся Малая Русь вечное их государского величества; а мы де все великому государю, его царскому величеству, служить и прямить во всем душами своими и головы свои за его государское многолетнее здоровье складывать рады».

В этой цитате выражено сразу несколько важнейших моментов: преемственность власти царя Алексея Михайловича от киевского князя Владимира

Святославича, определение Киева и Малой Руси как «отчины» царя, то есть, изначальных и неотъемлемых владений, на которые он имеет наследственное право, наконец, выражение безраздельной верности царю. Ещё замечательнее выдержка из письма Богдана Хмельницкого царю (13 марта 1654 г.), в которой уже прямо говорится о единстве всего «народа российского»: *«И ныне Бог всеведущий [...] совет благ в сердце царево тебе великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [...] вложил, что твое царское величество, поревновав по Бозе Вседержителю и по вере православной восточной, и возжелелся о церквах Божиих и мест святых, и о народе российском благочестиво-христианском умилосердился, и нас, Богдана Хмельницкого, гетмана войска запорожского, и все войско запорожское и весь мир православный российский пожаловати, ущедрити, защитити и под крепкую и высокую руку свою царскую всеконечно прияти изволил милостиво».*

Итак, в этом письме отчётливо видно, что Хмельницкий считает себя и своих подчинённых, запорожских казаков, и всё население Малой Руси частью единого «мира православного российского». Конечно, кто-то может посчитать слова гетмана чисто политическим заявлением, преследующим определённые цели и не выражающим истинные устроения. Для подкрепления объективности Лаппо обращается к высказываниям малороссийского духовенства. Так, киевский митрополит Сильвестр Коссов, бывший вообще-то твёрдым сторонником самостоятельности киевской и малороссийской православной церкви, встречая Бутурлина и его посольство в Киеве 16 января 1654 года, сказал царским посланникам: *«Внегда приходите от благочестивого и христоролюбивого, светлейшего государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Русии самодержца [...], желание и муще еже посетити благочестивое древних великих князей Русских наследие, внегда приходите к седалищу первого благочестивого Российского великого князя».*

То есть, митрополит подчёркивает ту же преемственность между московским царём и великими князьями киевскими. Подобные же мысли высказывали и другие духовные лица. Например, игумен Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве Феодосий Василевич писал 5 июля 1654 года царю: *«Егда ваше царское величество постави всеа Российския Земли, якоже и оного прежде самодержцу, возвел погребенную российского рода честь и славу Господь, возводя низверженныя, егда славою и честью венчал есть ваше царское величество не точию Великой, но и Малой всей Росии обладателем».*

В этих словах отчётливо слышна радость по поводу восстановления русским царём прав, ранее утраченных, включающих и единство Малой и Великой России. Ему вторит наместник Киевского Братского монастыря, священноинок Феодосий в письме царю от 3 июля 1654 года: *«И якоже аз [...], егда еще во царствующем граде Москве съи, сея зимы услышах, яко наша Малая Росия царского вашего величества, яко природному своему царю православному, главу свою, яко рабыни государю, с радостию прекланяет».*

Как природному своему царю! С радостью преклоняет! Эти слова говорят всё самое главное, что надо знать о природном единстве Русской земли.

Резюмируя перечисленные данные, Лаппо пишет следующее: *«Если приведённые сейчас выражения исторической мысли малороссийских деятелей времени присоединения Малороссии к Московскому государству сведём во едино, получим следующую концепцию. Российская земля была раньше вся под властью великого князя русского Владимира. Киев и вся Малая Русь – вечное достояние его преемников. Во всей Российской земле живёт единый*

народ российский, благочестиво-христианский. Отделённая от остальной России, Малая Русь в 1654 году переходит из-под польского владычества под власть царя всея России, как к природному своему царю православному, возвращается к нему, как древних великих князей русских наследие. Перед нами совершенно ясно выраженное представление об историческом единстве Малой и Великой России, народ которых составляет единой целое». Добавим – Московское государство является прямым преемником Древней Руси, Руси Киевской, и нисколько не противопоставляется ей.

Впрочем, во всех перечисленных источниках мнение высказывалось людьми, однозначно положительно относившимися к царю Алексею Михайловичу и к власти Москвы, людьми, ратовавшими за эту власть и за воссоединение Киева и Москвы. Несомненно, найдутся скептики, которые станут утверждать, что эта выборка мнений однобока, не репрезентативна, не отражает всего возможного спектра суждений и тенденций. Это понятно нам, но ничуть не меньше было понятно и самому И.И. Лаппо, который, завершив рассмотрение малороссийских источников, обращается к польским.

Надо начать с того, что земли Малой Руси длительное время, с XIV по XVI век были в составе Великого княжества Литовского, но в 1569 году во время Люблинской унии, с образованием Речи Посполитой, волынские, подольские и киевские земли вошли в состав Польского королевства. Соответственно, Лаппо начинает анализировать польские исторические труды. Первым таким трудом оказывается «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (*Kronika Polska, Litewska, mudzka i wszystkiej Rusi*), написанная М. Стрыйковским и напечатанная в Кёнигсберге в 1582 году.

Матей Стрыйковский (1547-1593?) – примечательная личность бурных времён второй половины XVI века. Он происходил либо из обедневшей шляхетской, либо даже из мещанской семьи, но смог окончить Краковский университет. Однако устроиться на гражданскую службу он то ли не сумел, то ли не захотел, и поэтому в конце 60-х – начале 70-х годов служил в армии Речи Посполитой под началом ротмистра Александра Гваньини (1538-1614), что был родом из Вероны. Стрыйковский активно участвовал в Ливонской войне, сражался с войсками Ивана Грозного и, если судить по некоторым его сочинениям, относился к Московскому царству враждебно. Так, во вводной части своей поэмы «О началах, истоках, деяниях славных рыцарских народа литовского...» (1577) он пишет о своих героях: «Мужество их славное видится с каждой стороны, – От народов великих выдержали частые войны. Знает это Москва, татарин с Русью, крестоносец вооруженный». Тем интереснее для нас взгляд этого автора, как будто поддерживающего мнение об азиатской, татарской сущности Московии.

Ещё в годы военной службы Стрыйковский собирал материалы для своих хроник, посещал различные исторические памятники, места бывших сражений и, по-видимому, начал писать большой труд по истории. В какой-то момент он дал свою рукопись на прочтение своему командиру, Александру Гваньини, а тот её не вернул. Более того, в 1578 году Гваньини опубликовал в Кракове переработанную рукопись Стрыйковского под своим именем. Книга Гваньини имела успех, стала популярной. Стрыйковский начал борьбу против плагиата и ему удалось защитить свои права – король Стефан Баторий в 1580 году своей грамотой подтвердил авторство Стрыйковского. Однако и позже книга «Описание Европейской Сарматии» выходила под именем Гваньини – таковы причуды истории!

Обращаясь к тексту, изданному Гваньини, Лаппо приводит следующую цитату: «Над землями России господствуют два государя, а именно, великий князь Московский, именующий себя повелителем целой России, ибо он обладает многими её княжествами, второй – король Польши, который стоит также и во главе Великого княжества Литовского, владеет русскими княжествами, присоединенными к Литве, а именно Витебским, Киевским, Мстиславским и т.д.». Лаппо делает вывод, что для Гваньини единство русского народа не подлежит сомнению.

Далее, переходя к тексту собственно хроники Стрыйковского, Лаппо приходит к тому же выводу – все русские представляются польскому хронисту единым народом, один и тот же русский народ живёт по всей Руси, будет ли это её запад, юг или северо-восток, то есть, Белоруссия, Малороссия или Великороссия. Характерна следующая цитата из Стрыйковского: «Но откуда бы руссаки и иные русские ни имели имя и прозвище, они все говорят славянским языком».

Совершенно схожую мысль высказывал и более ранний польский автор Матвей Меховский (1457-1523), профессор и ректор Ягеллонского университета в Кракове, автор ряда медицинских и исторических сочинений. Он известен как автор «Трактата о двух Сарматиях», который считается одним из первых подробных описаний географии и этнографии Восточной Европы, а также книги «Chronica Polonorum» («Летопись поляков»). В своих сочинениях Меховский различает москов (московитов) и руссов (рутенов), но при этом понятие руссов шире понятия московитов. Но самое главное в этой цитате: «В Московии только один язык и одна речь, а именно рутенская или славянская, во всех областях и княжествах». Таким образом, Меховский признаёт единый общерусский язык, а московитов – частью единого русского народа, распространённого кроме Московии в пределах королевства Польского и Великого княжества Литовского.

Если мы обратимся к более поздним трудам польских авторов, то и там найдём сходные мысли. Так, историк Симон Старовольский (1588-1656), бывший, кстати, секретарём хорошо известного нам по событиям Смутного Времени гетмана Яна Ходкевича, пишет в своём сочинении «Полония»: «Руссия разделяется на Руссию Белую, которая входит в состав Великого княжества Литовского, и на Руссию Красную, ближайшим образом называемую Роксоланией и принадлежащую Польше. Третья же часть её, лежащая за Доном и истоками Днепра, называется древними Руссией Черной, в новейшее же время она стала называться повсюду Московией, потому что всё это государство, как оно ни пространно, от города и реки Москвы именуется Московией». Вот здесь мы уже видим отчётливое деление на Велико-россию, Малороссию и Белороссию.

Ещё ряд интересных свидетельств оставил прусский историк Христоф Харткнох (1644-1687). В 1678 году он опубликовал книгу «Respublica Polonica duobus libris illustrata» («Республика Польская»). В этом труде он описывает Речь Посполитую, различая в её составе две России – Белую и Красную. К Белой относятся воеводства Новгородское (это земли Новгородка Литовского, что ныне город Новогрудок, Белоруссия), Мстиславское, Витебское, Полоцкое, Смоленское, Черниговское и Киевское. В составе Красной России оказываются воеводства Русское (главный город – Львов), Подольское, Волынское, Белзское (ныне в составе Польши, главный город – Белз) и Брацлавское (ныне в составе Украины, Брацлав – город в Винницкой области). Тут

надо отметить, что Харткнох определяет Белую и Красную Русь не по этнографическому, а по чисто административному принципу, оттого безусловно малороссийские области объединены с белорусскими в составе Белой Руси. Это опять же ведёт к признанию единства русского народа.

В сочинении Харткноха можно также найти одно из ранних упоминаний выражения «Украина». Вот оно – «Exhis Braclaviensem, Kioviensem et Czernichoviensem Palatinatus vocant Ukrainam» («из них воеводства Брацлавское, Киевское и Черниговское называют Украиной»). Так Харткнох определяет ту часть территории Речи Посполитой, которая в его время носила название Украины – пограничную юго-восточную область. Украина как пограничье полностью соответствует, кстати, сербскому понятию «крајина», и вполне может быть сопоставлено с западноевропейским понятием «марка» (исп. Marca, нем. Mark, фр. Marche) – край, граница владений, пограничный округ. Таким образом, название «Украина» имеет достаточно давнюю историю, но значение её всегда было – окраинная область. Для нас особенно интересно и важно то, что такое понимание звучит в работе не только что не русского, но и вообще не славянина, а немецкого, прусского автора.

После данного анализа Лаппо заключает: *«Подведём итог под нашими наблюдениями над тем, что давала литература Речи Посполитой, в состав которой входила Малороссия пред присоединением её к Московскому государству, по вопросу о составе русского народа и Русской Земли. Эта литература совершенно определённо указывала на их внутреннее единство, нарушенное тогдашним разделением их между тремя государствами».* Сделав этот вывод, Лаппо обращается к сочинениям иностранцев (преимущественно западноевропейцев), посещавших Русскую Землю, и здесь он отмечает: *«Степень их осведомлённости и наблюдательности была различна, и это отражалось на их сообщениях и заметках. Некоторые из иностранцев предполагали малороссов даже особым народом».*

Одним из таких был англичанин Сэмюэл Коллинз (1619–1670), доктор медицины, обучавшийся в Кембридже и Оксфорде, бывший в течение ряда лет (1659–1666) лейб-медиком царя Алексея Михайловича. Коллинз написал книгу, озаглавленную «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, одной значительной особой, в течение девяти лет находившейся при дворе московского царя». В этом сочинении он пишет и о Малороссии, которую называет Черкасией, а её жителей – черкасами. Цитата оттуда не может не удивить: *«Черкасы – татарского племени, народ грубый и мрачный, женщины их очень некрасивы, грубы и преданы пьянству. Во время угощений они напиваются пьяны ещё прежде, нежели начнут подавать кушанья; едою они протрезвляются, потом опять напьются, а потом опять протрезвляются пляскою».* Вот как характеризует это Лаппо: *«Трудно, конечно, признать приведённые слова написанными человеком вдумчивым и хорошо осведомлённым, в них ясно выступает перед читателем иностранец, легко сообщающий случайно попавшиеся ему на глаза отдельные факты и явления и столь же легко верящий своим первым впечатлениям или рассказам, которые до него доходили».* Можно добавить, что и ныне на Западе можно встретить вполне фантастические представления о России и русских людях.

Впрочем, среди западноевропейских авторов Лаппо отмечает и объективных, среди которых он особо выделяет барона Сигизмунда фон Герберштейна (1486–1566), дважды посещавшего Россию в качестве посла Священной

Римской империи. Его «Записки о московских делах» Лаппо обоснованно считает одним из лучших исторических источников о Московской Руси XVI века. Так вот, там содержится то же признание единства Русской Земли, которая разделена между тремя государствами. Вот цитата: *«Из государей, которые ныне владеют Руссией, главный есть великий князь Московский, который имеет под своей властью большую её часть, второй – великий князь Литовский, третий – король Польский, который теперь правит и в Польше, и в Литве».*

Важные доказательства единства русского народа Лаппо находит в церковной литературе XVI–XVII веков. Здесь необходимо пояснить для современного читателя некоторые факты, имевшие в ту эпоху первостепенное значение: 1) литературный язык того времени как в Московской Руси, так и в русских землях Речи Посполитой строился на основе языка церковно-славянского, принятого в православном богослужении; 2) везде на этих территориях было распространено каноническое православие, роль униатства среди малороссов была незначительной, католичество вообще не было принято малороссами; 3) русское книгопечатание, если вспомнить хотя бы Ивана Фёдорова, развивалось как в Москве, так и в городах Малороссии – Львове, Киеве; 4) церковная книга издавалась для всего русского народа, а не для какой-то его части. Церковная литература, таким образом, отражает реальное состояние общественной жизни со всеми её основными тенденциями и умонастроениями.

Наиболее ярко это состояние можно увидеть, если познакомиться с книгой «Синописис» («Синописис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-российского народа и первоначальных князьях богоспасаемого града Киева»), изданной в Киеве в 1674 году в типографии Киево-Печерской Лавры и составленной предположительно архимандритом Лавры Иннокентием Гизелем (1600–1683). Хотя сам Гизель был родом из Восточной Пруссии и изначально принадлежал к протестантам, он ещё в молодости переехал в Киев и принял там православие. Гизель получил образование в Киево-Могилянской коллегии, а затем митрополит Пётр Могила послал его за границу для продолжения образования, в частности, во Львовской иезуитской коллегии. Однако, возвратившись в Киев, Гизель стал стойким защитником православной церкви от иезуитов и униатов, а впоследствии награждался царём Алексеем Михайловичем за его преданность православию и России.

Составленный Гизелем «Синописис» говорит о единстве Великой и Малой Руси, о единой древнерусской государственной традиции, об общей династии Рюриковичей. Естественно, и народ, «русский», «российский», «славяно-российский» – един, как едино и всё российское государство. Город Киев, древняя столица Руси, характеризуется как «преславный верховный и всего народа российского главный град, во многих переменах своих изрядною милостию Божию аки на первое бытие возвращаяся, от древнего достояния царского паки в достояние царское прииде». Это означает, что «искони вечная скиптоносных прародителей отчина» возвращается к царю всея Руси «яко природное царское его присвоение». Таким образом, по «Синописису», Россия едина, её первоначальный центр – «царственный град» Киев, а Москва – законная и прямая преемница, общий православно-российский центр государства. Так же точно весь русский народ един, и временное отделение частей его завершается воссоединением в составе единого государства Российского.

Завершая свою работу, Иван Лаппо пишет: «*Выработанное в русской письменности историческим знанием, с самого начала последнего, положение об единстве русского народа хранилось им, как несомненное, в течение длинного ряда веков*». И нам нельзя забывать об этом и поддаваться современным псевдоисторическим измышлениям, задача которых сводится к расчленению и уничтожению русского народа и его великой культуры. Следует помнить и Ивана Лаппо, который, будучи эмигрантом и, по сути, противником тогдашней российской власти, тем не менее стойко выступал за единство русского народа, русского языка и русской культуры.

ПОЭЗИЯ

Валерий БОКАРЁВ

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – член Московской городской организации Союза писателей России, поэт, лауреат конкурса имени Анны Ахматовой 2014 г.; победитель Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2021», автор семи сборников стихотворений и многочисленных публикаций стихов и прозы в газетах, журналах и ежегодных конкурсных альманахах и сборниках. Выпускник химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, учёный физико-химик, доктор технических наук, профессор кафедры микро- и нанoeлектроники МФТИ, ответственный секретарь научно-технического журнала «Электронная техника. Серия 3. Микроэлектроника», автор более 200 научных статей и патентов на изобретение, двух учебных пособий и монографии.

Живёт в Москве.

Из цикла «Однажды, на ходу»

И падал снег. Всё падал мокрый снег.
Он превращал асфальт в притоки рек.
И всё летел, кружился и летел.
И к вечеру посёлок побелел.

Зима вернула снег в апреле,
Хотя все птицы прилетели,
И слышно пение скворца
В предчувствии зимы конца.

Там, где Родина – небо синее
И поёт ключевая вода.
С каждым днём все сильнее и сильнее
Вместе с птицами тянет туда.

Я прикрыт цветами и травой,
Где-то рядом плещется река.
И летают пчёлы надо мною,
Голубые ходят облака.

Июнь. Желтизна уступает сирени.
Зелёные ветви в пушистой метели.
И движутся, мчатся вперёд облака,
Куда-то туда, неизвестно куда.

О, как бы не сгореть в огне любви!
Любимая Природа, береги.
Страна моя, заботливее будь.
Старайся распрямить, а не согнуть.

Откровение редких снов
Вспоминаю и вижу вновь –
Я из глаз твоих – родников
Пью любовь.

Где я нашёл тебя такую?
Стою один в преддверье сентября.
Я без тебя печалюсь и тоскую.
Мне плохо без тебя!

Пахнет деревом горелым,
Словно печку затопили.
Я иду московским сквером,
А скучаю – по России.

Тропинка в детство стала невидна.
Над юностью сгущается завеса.
Какая жёлтая, огромная луна
Выглядывала ночью из-за леса!

Как шелестом листва
Рождает настроенье,
Мы, в сущности, – слова.
Произнеси меня!

Мой кот – копилка снов моих.
Он их разыгрывает снова.
И вновь меня ласкает слово.
А кот лежит, а кот притих.

Нет, ещё не закончилось лето.
Будут в августе жаркие дни.
И трава под влиянием света
Наполняется соком любви.

Для ночного Пегаса дорогу прямя,
О грядущем всерьёз не мечтая,
Я в последнем вагоне угасшего дня
Пробираюсь задворками Рая.

Я к вам иду, по-прежнему иду.
Через поля иду, под облаками.
Чтоб рассказать однажды, на ходу,
О Родине красивыми словами.

Проснулся. Лечу на планете Земля.
Мелькают года, задержаться нельзя.
Вот радость полёта на время схвачу
И снова лечу. Лишь лечу и лечу.

И месяц, что взошёл
В уснувшем вновь краю,
И звёзд неровный хор,
Услышь любовь мою.

Всё, что в нас и у нас, мы оставим Земле.
Больше некому нас оценить.
И в назначенный час отдадимся Тебе,
Ты решишь – поминать, иль забыть.

Москву накрыло снегопадом:
Полночи снег на землю падал.
И сразу посветлела ночь,
Ночная тьма уходит прочь.

Мне небо говорит, что скоро будет лето,
Хотя снега ещё земли не отдают.
Но с каждым днём все больше птиц и света.
И как сияет день, и как они поют!

Из всех следов лишь след Луны в воде
Меня своею красотой чарует.
Во тьме ночной лишь он волнует,
Лишь он не покорился темноте.

Тихо время реет.
Будто Рая врата,
Огненно чернеет
Облако заката.

Мне немного жалко уходящего.
Лета в осень, как и осень в зиму,
Голубого облака скользящего
По ветрам в далёкую низину.

О, сладостная боль любви нетленной!
И к бездне первый шаг, и бездны тишь,
И капля крови в пестроте Вселенной.
Как громко и как жутко ты молчишь!

Почему ты смотришь виновато?
Лучше к празднику себя готовь.
Ты моя осенняя соната,
Может быть, последняя любовь.

Мои родные, как вас сохранить?
Молитву мне какую сотворить
Пред Господом, чтоб вы подольше жили?
Как быстро жизнь идёт, мои родные!

На этой – лучшей из планет,
Среди колышущихся трав,
Под птичий свист и солнца свет,
Сижу, ромашку оборвав.

Пурга внезапно запылила,
Придя, как тень,
И осень в зиму превратила
Всего за день.

Тьму прийдёт полночный ветер.
Тихо дождик в окна бьёт.
И опять рассвет. И светел
День, что из лесу идёт.

Как яблоко, сорвавшееся с ветки,
Внезапно падает, от червя иль созрев,
Ничем не отличаемся мы, детки,
От тех плодов, внезапно постарев.

В раковине мидии
Ничего не видели.
А когда их вскрыли –
В ужасе застыли!

Сегодня почувствовал осень:
Усталость берёз у дорог,
Дождинки, что ветер приносит,
Чтоб путник быстрее продрог.

Снега кружат, летят столбами с крыш,
Снежинками сквозь окна проникают.
И долго за пургою наблюдает
Стихией зачарованный малыш.

К вечеру нагнало паутины –
На шкафах, на люстре, полный зал.
Ветер красным смазывал гардины
И обои в сказку превращал.

Упаду в траву,
Будут птицы мне петь.
Я с травинкой во рту
Буду в небо глядеть.

Дождь серой пеленой
Скрыл дома и лес.
Мир, шедший предо мной,
В пелене исчез.

От прежней жизни только кот
Сидит, курлычет на коленях
И тычет носом в мой живот.
И я его блаженству верю!

Там, где кончается асфальт,
Где в колеях траву скосили,
Где крыши сёл – подобье смальт,
Не там ли началась Россия?!

Над заснувшей Москвой появилась луна.
Золотистым румянцем дома освещает.
Посмотри, до чего же огромна она
И как в сказку наш мир превращает!

Нет, нет, пока ещё не осень.
А липа жёлтая вдали,
Как в волосах брюнета проседь –
Лишь украшение Земли!

Покров! Кружится мокрый снег,
Листву зелёную склоняя
И листья жёлтые срывая,
Толкнёт – и мчится человек.

По скользкой дороге,
По тонкому льду
Я с раннего детства
Всё время иду!

Осенние бабочки – семечки клёна
Всё кружат и кружат у нашего дома.
Вот ветра порыв, и уносятся вдаль.
Туда, где не сможет достать их ноябрь.

Не стройте планы вы напрасно,
Что вам достанется она.
Небесным силам лишь подвластна
Моя огромная страна!

Преодолев агрессивий беды,
Мы устояли! С Днём Победы!
Мы победим ещё не раз.
Агрессор, опасайся нас!

Рассказы

Осторожно: Люба! (рассказ прихожанина)

— Кто не слышал в нашем городе про Любу, — начал Михаил Степанович. — Да все слышали. Не знала она в своей машине педалей, кроме одной: газ. Ездил на огромных скоростях. На кузове её грузовика вместо «Осторожно: люди!» красовалось: «Осторожно: Люба!» И весь город был в курсе: не напрасно такое предупреждение. Уж как шарахались пешеходы, как водители напрягались при виде Любиного грузовика, несущегося так, что, казалось, ещё чуть-чуть и молнии за сверкают из-под колёс. Было Любе на ту пору лет двадцать пять. Высокая, статная русская баба, видная из себя, с фигурой, с глазами такими, что немало мужиков заглядывалось. Да и я, скажу, не прочь был закрутить по молодости роман с Любой. Но подступиться к ней было делом невозможным. Мужик её, Андрюха Куряхин, каждому готов был глотку перерезать за свою Любу. Андрюху побаивались, умел он мастерски драться, а по пьянке и нож готов в ход пустить. В юности отсидел из-за своего горячего нрава, а по возвращении из тюрьмы вскоре и увидел Любу на её лихом коне-грузовике, поглядел на неё, на её езду, да и влюбился без памяти. Был он старше её лет на десять, пропал в море по много месяцев на рыболовных судах. Но уж когда появлялся на берегу, так всё гудело, Андрюха угощал в ресторанах знакомых и незнакомых. Был под стать своей Любе, человеком с широкой душой.

Она его всячески от выпивки отваживала. Клялась, бросит его, если пить будет. Деньги прятала. Бывало, деньги отберёт, а он, и без того под градусом, залезет на высоченное дерево, обхватит макушку руками, и командует глазающей снизу жене: «Бутылку положи под самое дерево! А сама ушла подальше! Не то прыгну и убьюсь!» Она видит, да, может, гад, по пьяни рухнуть. Кладёт бутылку на указанное место, нехотя отступает, зыркает сердито своими глазницами. А то и вот как

Галина Леонидовна Мамыко — родилась в 1958 г. Выпускница Калининградского госуниверситета, работала учителем, журналистом. Автор рассказов, повестей, романов, стихов, сказок. Публикации: журнал «Русский переплёт», журнал «Новая литература», «Молодое Око», газета «Российский писатель», «Южная звезда» (Ставрополье) — журнал, «Русское поле» (г. Орёл), «Приокские зори» (г. Тула), «Русичи», «Русская линия», «Жити завтра», «Русская жизнь», «Камертон», газета «День Литературы», «Мегалит» (евразийский журнальный портал).

Живёт в Крыму.

бывало: он начнёт было слезать за выпивкой, а когда почти земли достигнет, то жена — пулей назад, да и утащит пол-литру. Он не долго думая тут же быстро-быстро вскарабкается обратно на самую верхушку и орёт: «Щас брошусь вниз головой об землю!» Народ глазеет, смеётся, целое представление. Ну что тут делать. И так не раз Люба проигрывала это сражение.

«Я для Любы горы сверну», — так он говорил всем, вёл после каждого рейса свою красу в специальный магазин, туда, где продавали по особым талонам товары для тех, кто в загранку ходит. Покупал ей всё иностранное, шубы, драгоценности, платья вечерние, туфли на шпильках. В театры водил её в этих платьях, чтобы показать местной знати Любу, разодетую как королева. Словом, купалась она в любви и изобилии. «Смотри, Люба, только не изменяй мне», — предупреждал её Андрюха перед очередной долгой разлукой. Она поначалу-то держалась, хранила ему верность. Ну, а потом...

Михаил Степанович затянулся папиросой, глядя вдаль, где трудно было уловить черту горизонта, где небо сливалось с морем, и какое-то время молча курил. Нас, молодёжь, разбирало любопытство. Михаил Степанович дёрнул леску, выхватил мелочь, запрыгала в воздухе серебром, он аккуратно снял с крючка и бросил рыбёшку обратно в воду. Мимо нас пробежали загорелые пацанята, с криками сиганули в море. Мы лениво лежали ничком на горячем каменном пирсе и снисходительно смотрели на детей. Наши тёмные от солнца тела были полны свежести и блестели после недавнего купания. Наконец Михаил Степанович прокашлялся и продолжил.

— В общем, повстречала Люба мужчину, которому не смогла отказать. Чесали языками, будто вскипела между ними самая настоящая любовь. Он, как и Андрюха, ходил в море, да и какой мужик в нашем городе не ходил в море. Говорят, что и какая баба моряцкая не изменяла, но я этому не судья, — Михаил Степанович усмехнулся. — Как и Андрюха, тот был тоже намного старше Любы, и уж не знаю, чем он ей полюбился. Цветами, которые покупал при каждом свидании. Или говорить красиво умел. Андрюха тот был проще в этом отношении, без особых слов, любит и точка, а что ещё. А этот, второй, как там его звали... Ну, скажем, Витя. Этот Витя, о, был он прям трубадуром. Охмурил, словом, Любу серенадами и букетами. Напевал ей под гитару, говорил, специально для неё песни сочиняет. А она ж верила, глупая. Так и купилась на эту страсть запретную. Хотя, что я так... Может, и Витя её полюбил, кто знает. Всякое ведь случается. Словом, стала наша Люба дважды счастливой. Полгода с мужем, а когда тот в море уйдёт, другой к ней с моря приходит. Конечно, запретный плод сладок, но рано или поздно он сгниёт.

И вскоре тайное стало, как это обычно и бывает, явным. Кто-то шепнул-таки Андрюхе при случае про Любину вторую жизнь, тот насторожился, но виду не подал, Любе ничего, ни слова. Стал ждать удобного случая, чтобы проверить её на честность. И придумал вот что. Сказал: раньше времени в море уходит, сам затаился у друзей на хате. А за своим домом присматривает, шастает тайком ближе к ночи, бродит, как зверь дикий, вокруг и около, прислушивается. Неделя, две, и однажды дождался Андрюха гостя, за которым охотился. Увидел и Витю, и Любу с ним. Пришёл кавалер, как обычно, с розами, с гитарой...

Михаил Степанович снова замолчал, он уже не ловил рыбу, и снасти убрал в рюкзачок. Море золотилось от вечернего солнца, чайки выпрашивали подачку, и люди с пирса швыряли птицам угощение.

– Зашёл Андрюха тихохонько во двор, приласкал обрадованную встречу Милку-овчарку, ну и куда – в дом. А там – счастья, как в бочке сельдей. Люба в чём мать родила, купается, значит в этом своём счастье. Что, думаете, сделал Андрюха, а? – спросил нас Михаил Степанович.

– Убил обоих! – воскликнули мы в голос, вспомнив фильмы о ревности, изменах и преступлениях на этой почве.

– Э, нет. Андрюха поступил так, чтобы в другой раз уже никак изменить не могла. Он рассудил: ежели этого убью, то другого найдёт. А потому, решил, надо уничтожить то, к чему тянутся сластолюбцы. И уничтожил. На корню. Любовника-то он выгнал прочь. А жене велел печь растопить. Люба ни жива, ни мертва, руки трясутся, за платье схватилась, чтоб одеться, он отобрал. Показывает ей глазами на печь, делай, что говорю. Так, голая, и топила, к смерти приготовилась, и впервые, надо заметить, Бога позвала, уж что там она Ему в эти страшные для неё минуты лепетала, можно только представить. Всю свою жизнь в одну минуту вспомнила, и такой страх её взял при мысли, что предстанет сейчас пред Господом в нераскаянных грехах! Уж тут слёзы полились по её лицу, зарыдала, ах, шепчет, Господи, помилуй! В каком-то углу сердца, видно, жил Господь у неё, согревал душу, ждал покаяния, ждал слёз... И вот, дождался, значит... Андрюха же сидел словно каменный, курил, не обращал внимания на Любины слёзы. А когда подошло время, поднял свою милую на руки и в таком виде, голенькой, усадил задом на раскалённую печь. И держал до тех пор, пока милиция и соседи не вломились в дом. Она вопила как резаная, ну, ещё бы. Вся улица слышала эти крики. Повезло Любе, жизнь ей чудом, но удалось спасти. Хотя инвалидом осталась.

– А Андрюха что? – спросили мы.

– Три года ему дали.

На этом можно было бы и закончить историю про Любу, если бы не одна случайная встреча спустя много лет.

Будучи давно семейным мужчиной, я в тёплое августовское воскресенье по обычаю стоял с детьми и супругой в Свято-Успенском Соборе на праздничной Литургии. Был один из самых больших православных праздников. Людей пришло очень много, но возле дверей северного притвора старались не сгущаться, чтобы не мешать пожилой паре. Полная, миловидная женщина в инвалидной коляске, рядом загорелый молодцеватый старик в тельняшке и белых матросских брюках. Что-то знакомое почудилось мне в облике морского волка. Во время Причастия люди расступились, пропуская вперёд старика с его подопечной. Оба по очереди причастились, назвав свои имена: Любовь и Михаил.

Самое лёгкое время

В день пенсии она покупала вкусненькое.

– Может, пиццу? – предложила мужу на этот раз.

Он сказал, к её удивлению, «нет»:

– Давай после всего этого...

– Чего «этого»?

– Ну, референдума ихнего... Я нервничаю. Не до вкусненького. Вот когда станет известен результат, тогда и...

– О-о-о! – она рассердилась. – Опять за своё.

– Да, – сказал он и отвернулся к стене, накрывшись подушкой.

Она сняла с его головы подушку и сказала, глядя на седой затылок:

– Как ты не хочешь понять, молиться на власть бессмысленно. Развалится Союз или не развалится, как там, на референдуме, проголосуют, какая будет власть, значения не имеет, потому что по большому счёту ничего не изменится. Как ввали нам, так и дальше будут врать. Всё сплошное враньё, эта их пропаганда из всех щелей. А на деле – гнильё, труха, вот оно, на деле.

Подумав, добавила:

– Главное, чтобы пенсию платили. Без пенсии остаться – это, конечно, ни в какие ворота.

Он молчал. Было слышно, как за стеной у соседей играют на пианино. С улицы доносились чирикания, голоса людей, шум машин. Солнечное пятно ползло по стене, перед самым его носом, внутри солнечного луча копошилась пыль. Он сморщился и чихнул.

Она подождала, и продолжила:

– Чем молиться на власть, так лучше Богу молиться. Только Он нас защитит, если захочет. А не захочет, и ладно.

Она передохнула. Он по-прежнему молчал и не шевелился.

На самом деле, она хотя и не верила в честность большой политики, будь то, вот как теперь, референдум, будь то выборы, но вопреки своему неверию всё равно питала некую надежду на чудо. Она именно так и думала – будет чудом, если там, на самом верху, в их властных коридорах, произойдёт нечто неожиданное, чего давно-давно не случалось. А какое именно чудо, она по-настоящему толком не понимала. Больше всего ей хотелось убедить мужа перестать переживать, не думать об одном и том же, не ворошить в голове навязчивые мысли. У него была чуть ли не паническая боязнь перемены власти.

Она устала видеть его унылое лицо с тенью тревоги, со следами в глазах невысказанных страхов за будущее.

Они стали часто ссориться в этот, как оба считали, тяжёлый период приближения референдума. Он убеждал жену, что нужно и важно быть патриотом своей страны, которую надо сохранить во что бы то ни стало, – она от-малчивалась.

Он злился и уходил на утреннюю пробежку. Под хруст камешков под ногами он соблюдал дыхание и раздумывал над доводами, которые приведёт ей в следующем разговоре.

Он знал, что пока он тут, в одиночестве, посреди парковых аллей, возле блестящей озёрной глади, она – в церкви. Он считал ненужным делом ходить на церковные службы. И подсмеивался над её, как он говорил, фанатизмом. Она объясняла ему, что это его ошибка, без церкви он превращается в тёмного человека. Зато ты просветлённая дальше некуда, отвечал он.

– Пусть будет так, как сейчас. Нам не надо нового. Если случится какой-нибудь переворот, то всё рухнет и страна затрещит по швам. Ты этого хочешь? Ты ведь сама сказала, что не хочешь остаться без пенсии, – говорил он, возвращаясь с пробежки, его футболка была влажной, а лицо покрасневшимся.

Она спешила к его приходу вернуться из храма, они появлялись дома почти одновременно. Она варила кофе. Ставила на стол капустный салат, яйца всмятку, вазочку с печеньем.

– Права ты или не права, какая разница, – говорил он, выходя из душа. – Из двух зол надо выбирать меньшее. И учти, либералы – это нанятые Западом враги. Мы там, на Западе, никому не нужны. Их конечная цель – уничтожить

страну. Так было во все времена. А потому...

Он садился за стол, ел салат, поглядывал на её склонённую над тарелкой голову и говорил:

– А потому в нашем случае самое оптимальное – поддерживать действующую власть.

Она не отвечала и глаз не поднимала. Её задумчивость ему казалась враждебной.

Какое-то время оба молча жевали, и, наконец, после паузы, он продолжал:

– Ты жертва оппозиционных СМИ. Или тебя во враги народа завербовали?

Она сердилась.

– Напиши донос.

– Не говори глупости.

– Я же враг народа.

– Не цепляйся к словам.

Спокойно говорить о политике они не умели, а потому оба стремились поскорее свернуть неприятный разговор, но не всегда получалось. Иногда доходило до сильных разногласий, когда уже оба повышали голос и говорили со злостью. В его голосе ей слышалась ненависть. «Какой же он совок, однако. Зомбированный телевизором, всей этой пропагандой», – думала она, и уже вслух называла его этими обидными словами. Он, конечно, обижался. И думал о ней тоже нелестно. И говорил ей тоже неприятные вещи. Они расходились по разным комнатам, она закрывала дверь и читала духовные книги. Он звал на кухню Пашина выпить под воблу по стакану пива, сосед ругал власть, и они расставались. У себя в спальне он включал телевизор и смотрел политические передачи.

Каждый день она ходила в церковь, ставила свечи, просила у Бога помимо прочего – победы «добрых сил». Она путала либералов с демократами, не понимала разницы между ними и не знала точно, кто лучше. Впрочем, думала она, лишь бы не эти, атеисты.

Он тоже был по-своему подвержен неким мистическим переживаниям. «Что-то есть», – говорил он, когда заходила речь о Боге. «Какой-то высший разум определён над нами есть». Эта его позиция вызывала у неё улыбку. «Пусть хоть так, чем никак». Она надеялась, рано или поздно он когда-то тоже придёт к Богу, и тогда они вдвоём будут ходить на воскресные Литургии. Иногда он после некоторых колебаний, втайне от жены, заходил в ближайший к их дому храм, ставил свечу. Его просьба была обращена принципиально не к Богу, а к Высшему Разуму, у него, «Разума», он просил сохранить СССР.

Наконец пришло время весны. Весна заявляла о себе тёплыми солнечными лучами в обеденное время, и хотя к вечеру снова тянуло зимней прохладой, никто на это уже не обращал внимания. Весна, весна, ах, как хорошо, это звучало в сердцах людей, читалось в их глазах, и, кажется, в каждом звуке природы.

Днём супруги гуляли в городском парке, взявшись за руки, смотрели с удовольствием на яркие краски весёлого неба, радовались первым зелёным травинкам на взрыхлённых чёрных газонах и вдыхали запахи счастья, его вновь и вновь обещала эта заново нарождающаяся природа. По аллеям прохаживались пожилые пары, шли в обнимку влюблённые, на детской площадке пиццали дети.

На прогулках оба имели обыкновение не говорить о плохом, тем более о политике, по вечерам о политике тоже молчали, это помогало спокойно уснуть.

Она старалась после ужина поменьше выходить из своей комнаты, чтобы не слышать мужнин телевизор.

На референдум пошли порознь. Он с утра. Она после обеда.

Он следил за новостями и с нетерпением ждал, что скажут.

«Видишь, народ не хочет перемен!» – сказал ей ранним утром.

Он приготовился к пробежке, надел спортивный костюм, кеды и перед тем, как выйти из квартиры, слушал в прихожей включённое на полную громкость проводное радио. Она, в тёмной косынке и длинной, «церковной» юбке, с сумкой через плечо, прошла к двери, мельком взглянула на его воодушевлённое лицо. «Мало ли, что хочет или чего не хочет народ. Нас снова обманут», – сказала она, и ушла на панихиду по умершему девять дней назад брату.

В подъезде он встретил Пашина, тот сказал: «Помяни моё слово, этот референдум – лукавое действие, страну будут валить».

Со временем он убедился, слова жены и соседа сбываются, затосковал и перестал выходить из дома. Он лежал целыми днями лицом к стене, у него стало болеть в груди. Его отвезли на «скорой» в реанимацию, она плакала и просила у Бога дать мужу ещё пожить. «Ваш родился в рубашке. Ещё чуть-чуть, и было бы поздно», – сказал врач и предупредил, второго инфаркта муж не переживёт.

А потом как-то незаметно и будто внезапно к ним пришло понимание, что ничего изменить нельзя, и ничто не зависит от их желания, и повлиять ни на что не могут ни они лично, ни Пашин, ни прочие соседи, ни дети с внуками в других городах, словом, никто, никогда – ни на что. И какой смысл говорить, обсуждать... Какой смысл мотать себе нервы, задавались вопросом, но не говорили о том вслух, они и без слов чувствовали настроение друг друга.

А потом они увидели, что летят вместе с Пашиным и многими другими, кого знают и не знают, в общем поезде. И этот поезд, чудилось им, давно сошёл с рельс и на полном ходу спешит рухнуть то ли в пропасть, то ли в непонятное, как бы за мутным стеклом, будущее, а чей-то железный голос всё объявляет новые и новые станции: «выборы президента», «выборы депутатов». Впрочем, какая разница, что объявлял тот голос...

Время для них будто и стояло, и мчалось.

Как во сне промелькнули перед их глазами годы нищенства, подолгу не платили пенсии, пришли новые жизненные понятия – инфляция, новые русские, новые бандиты, и много всего нового. Она, втайне от мужа, стояла под храмом, в надежде на милостьню, опираясь на недавно подаренную ей палку. Если удавалось насобирать мелочь, то ковыляла за хлебом, а если повезёт, то покупала постное масло или пачку чая. Как-то, идя из магазина, она слышала автоматную очередь, стреляли из мчавшегося на огромной скорости чёрного джипа. Люди бросились бежать, кто-то взвизгнул, мальчишки возбуждённо кричали: «Война!» Она тоже, насколько могла, заспешила, стуча палкой. Потом они с мужем, вместе с соседом Пашиным, ходили на место расстрела и смотрели из толпы на покрытые тряпками два трупа на тротуаре, третий труп был внутри искорёженной машины. «Мафия, разборки», – говорил Пашин, курил и качал головой.

Муж больше не говорил, за кого надо голосовать, да и она будто забыла про былое. Теперь он соглашался с ней, что надо молиться Богу, а не Разуму, и однажды пошёл вместе с ней на Литургию. В следующее воскресенье они снова шли вдвоём в храм, и теперь так было всегда.

Они думали о том, как быстро летит время, и вот, слава Богу, уже каждый месяц дают пенсии, стало чуть полегче, а что будет потом, потом... А потом, думали они, время будет лететь ещё быстрее, и станет тогда совсем легко, и это будет самое лёгкое время, и тогда наступит и их час, и что будет в этот час, они не загадывали. Оба теперь имели обыкновение обдумывать малейшие детали прошедшей жизни и, если вспоминали какой-то ещё не исповеданный грех, спешили покаяться на исповеди. Они находили друг в друге то, чего не видели в течение всей совместной жизни – это было нечто сокровенно-родное, близкое, чистое. «Это душа. Да. Это душа», – соглашались они со своими догадками и говорили себе, что лишь теперь понимают, что значит «не чаять души друг в друге».

В одно из воскресений, когда они пришли из храма с утренней службы, то в подъезде узнали от Пашина, что тот – с выборов. «А что, снова выборы?» – сказали они. «А вы что, забыли?» – сказал сосед, вынимая из почтового ящика свежую газету.

Сокровища Вадерпаля

Каждый день я слышу вокруг себя музыку. За левой стеной – играют на баяне. Справа – рояль. За дверью, по другую сторону коридора – контрабас, кларнет, аккордеон...

Если выглянуть из комнаты, то увидишь длинный коридор с портретами знаменитых композиторов, и множество обитых коричневым дерматином дверей. И вот за каждой из них – жизнь музыки.

Мне семь лет. Мы только-только приехали из Крыма в Заполярье. Родители ради хорошей северной зарплаты решились на непростое путешествие, которое затянется для них где-то на двадцать лет.

Наша семья живёт в здании детской музыкальной школы. Здесь нам предстоит прожить весь учебный год – 1966-1967. Мой папа поначалу – завуч, а вскоре – директор Горняцкой детской музыкальной школы в городе Воркута.

Квартиру нашей семье дадут, когда я перейду во второй класс. А пока будни превратились в настоящую музыкальную сказку в окружении фантастических симфоний, арий... Моя жизнь протекает под разучивание гамм, скрипичных концертов, хоровое детское пение.

Я – хозяйка одноэтажного длинного здания, напоминающего снаружи обычный барак, но за внешней простотой, уж я-то знаю, таится непередаваемая атмосфера счастья. Здесь целыми днями не просто обитает Царица Музыка, но ещё вместе с ней, Музыкой, дышат ветры, плещется море, летают птицы, мчатся огромные львы навстречу знойным лучам солнца, взмывают высь орлы, а дети звонко поют: «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца!»

Я могу по вечерам ходить по опустевшим классам, слушать вместо привычной музыки тишину, трогать инструменты.

Мой самый любимый кабинет – тот, где стоит в углу огромный контрабас. У него говорящие низким шёпотом струны, у него блестящий живот, он толстый и красивый, я его люблю. Он выше меня, и он мне друг.

Но ещё больше в этом кабинете я люблю широченный, добродушный и, конечно, гостеприимный стол. Это стол Вадерпаля. Так зовут высокого могучего дядю с густой русой бородой, он является распорядителем и контрабаса, и всего кабинета. Его стол полон сокровищ. Они находятся в выдвижном ящике.

О, великий Вадерпаль, я так и не запомнила его имя, но меня настолько околдовал его стол, что и сама фамилия его хозяина мне представлялась такой же волшебной. Ва-дер-паль. У этой фамилии, несомненно, было своё музыкальное звучание. Наверное, такое же мощное, как и у контрабаса, принадлежащего Вадерпалю, такое же загадочное, как звон железных сюрпризов из стола Вадерпаля.

Я с замиранием сердца на цыпочках приближалась к двери его кабинета и слушала, как он играет на своём потрясающем контрабасе. Моя душа уносилась туда, где бродили величественные призраки эпох и времён, где рокотали века и рождались звёзды, где открывалась завеса предстоящих свершений, грядущих катаклизмов, мне казалось, я видела будущее и слышала прошлое. Я была переполнена музыкой Вадерпаля, я жила величием его творчества, он исполнял многое, что сам придумывал, и это ещё сильнее очаровывало.

Этого великана с добрыми синими глазами, умеющего широко улыбаться, я с горячей верой детского сердца считала в музыкальной школе самым главным. В глубине души я полагала, Вадерпаль неспроста занимает самый просторный кабинет, имеет самый огромный музыкальный инструмент и обладает самым большим выдвижным ящиком в самом большом рабочем столе. И сам богатырский внешний вид Вадерпаля указывал мне на то, что да, это он, Вадерпаль, а не директор, и не завуч, является хозяином. Пусть говорят, что тут есть руководители. О, нет. Главное то, чего никто не знает: управляет всей этой сказкой – Ва-дер-паль. Он властелин сокровищ, которые здесь на каждом шагу, он повелитель тайн, которые буквально витают в воздухе. И это не просто сольфеджио или дуэты, гаммы или академические концерты. Это гораздо большее: тайна тайн.

Чуть ли не каждый день я с восхищением созерцала сокровища Вадерпаля. Я подходила к заветному столу, вскарабкивалась на высокий стул и, болтая ногами, выдвигала, наконец, огромный деревянный ящик. Чего только тут не было! Мне было неизвестно предназначение некоторых предметов, но их обилие, их сверкание, или, напротив, пыль, ржавчина, всё невообразимым образом воздействовало на мою впечатлительную натуру.

Я обожала карандаши, с обратной стороны которых выглядывал ластик. Ими можно было стирать то, что нарисовал на бумаге. Мне нравились старые дверные замки разного калибра, десяток больших и маленьких ключей, перемешанных с другими вещами, а ещё блестящие винтовые стержни с красивыми рукоятками, позже я узнала, что они называются «штопоры», коллекция сломанных наручных мужских и женских часов, с ремешками и без них, был там самиздатовский миниатюрный фотокалендарь с портретами Сталина на каждой страничке, точилки, парафиновые свечи, фонарики, спички, перьевые ручки, блокноты, компас, и даже театральный бинокль и несколько премаленьких игрушечных машинок, а также фигурки оловянных солдатиков. Находились там и совсем непонятные мне охотничьи принадлежности, а ещё гайки, гвозди, кнопки, железный молоточек, плоскогубцы, почтовые марки. И много чего другого. Всё это пребывало в состоянии хаотичной кучи, что придавало богатству в моих глазах ещё большую ценность.

Конечно, подобный многоценный клад досконально изучить можно было далеко не за один раз, а разве что за год. Вот как раз года и хватило для детального ознакомления с выдвижным ящиком стола контрабасиста Вадерпаля.

Периодически сюда, в моё отсутствие, когда Вадерпаль находился на работе в своём кабинете, добавлялись его богатырской рукой новые вещицы. Это

доставляло мне потом, во время секретных набегов к Вадерпалю в его владения, огромную радость.

Конечно, тайну подобных путешествий я тщательно оберегала от взрослых.

Засыпая, я смотрела в окно, за которым обычно ничего, кроме снега, не было видно, но я тем не менее видела звёзды, небо, космос, вечность, всё то, чем был заполнен минувший день в поющих живых стенах музыкальной школы.

Утром я в валенках выходила на крыльцо школы и оказывалась в снежном туннеле. Снега накапливалось обычно выше уровня окон. Сугробы плотной стеной опоясывали школу, подпирали крышу, наглухо закрывали окна, вот почему и нельзя было разглядеть изнутри в окне ничего, кроме снега.

Учителя с помощью лопат прокладывали внутри снежной крепости дорожку к двери.

Конечно, в ту волшебную пору я хотела учиться музыке, разве могло быть иначе. Меня привели на прослушивание. Я как можно громче спела свою любимую песню «Чёрный кот». Все почему-то засмеялись. Мне казалось, я красиво пела. Ведь такую замечательную песню петь некрасиво просто невозможно. Я была уверена, меня зачислили в первый класс «музыкалки» именно потому, что я спела про чёрного кота. «Жил да был чёрный кот за углом, и кота ненавидел весь дом...»

В новой квартире на следующий год мы поставили сверкающее чёрное пианино. Несколько лет мне предстояло разучивать пьесы. Теперь это был труд. Сказка закончилась.

Но вот ощущение счастья, восторга, тайны, всего того, что я каждый день переживала в свои семь лет на протяжении года, в окружении той непередаваемой атмосферы, той таинственной жизни музыкальных звуков, всё это не прошло бесследно. А как бы наложило восхитительный отпечаток на дальнейшую жизнь, оставило в душе какое-то неизъяснимое сияние чистоты и радости.

Ошибка Марины Ивановны

Когда-то я работала под её руководством. Удивительно, но обходилось без конфликтов. Таких принципиальных людей, как она, я в своей жизни, пожалуй, больше не видела, в чём и призналась ей однажды.

– Знаете, Лилия Павловна, скажу вам от всей души, эта самая пресловутая принципиальность сидит у меня в печёнках, – ответила она с усмешкой.

В кабинете директора было уютно. Букет роз в вазе, тюль на окнах, на полу ковёр, стол покрыт цветастой скатертью. Картины с морскими пейзажами на стенах. Училище для Марины Ивановны – это её второй родной дом, здесь она каждый день допоздна, а то, бывает, так и уснёт на кожаном диване под припасённым для этих целей домашним пледом.

– А давайте попьём чая, – сказала Марина Ивановна.

Она усадила меня в кресло, вместе со сладостями вынула из серванта пачку зелёного чая. Заварила в фарфоровых чашках. Из холодильника в углу достала лимон.

Такая красивая, обаятельная дама, и почему-то одна, удивлялись многие, кто знал её. Одни считали, за этим скрывается трагедия, например, гибель любимого. Другие предполагали, на Марину Ивановну навели в молодости порчу. Ещё ходили и совсем несуразные слухи, она – тайная монахиня. Словом, тема одиночества известной в городе госпожи Сумятиной привлекала внимание местных жителей.

А однажды она чуть было не вышла замуж. Счастливым шансом изменить свою жизнь ей выпал, когда приезжала в город комиссия во главе с высокопоставленным работником министерства, пожилым вдовцом. Он был явно очарован госпожой Сумятиной, а под конец недельной командировки решительно явился к директору училища с букетом цветов и с предложением выйти за него замуж. Но столичного гостя ждал вежливый отказ. Говорят, огорчённый чиновник пытался продолжить тему бракосочетания в телефонных переговорах, но Марина Ивановна и это пресекла. Ещё какое-то время он, не в силах смириться, присылал из столицы на адрес училища поздравительные телеграммы директору по случаю очередных государственных праздников.

– Это лишь на первый взгляд я благополучный человек, – сказала Марина Ивановна и замолчала.

Она задумчиво помешивала ложечкой чай, подсовывала мне печенье. И продолжала молчать.

– Вас что-то тяготит?

– А вас? – Марина Ивановна посмотрела мне в глаза. – Вот вас лично тяготит в этой жизни что-нибудь?

Мне показалось, она ждала от меня какой-то подсказки, и эта подсказка помогла бы и ей в свою очередь разговориться и снять с души тот невидимый камень, который, по всей видимости, давил на неё многие годы.

– Да, в моей жизни есть моменты, из-за которых приходится переживать. Как без этого. Жизнь не может быть всегда сладкой, – сказала я.

Она словно обрадовалась такому ответу.

– Мне всегда мнилось, люди семейные – это самые счастливые люди на земле. Если не секрет, что это за моменты, из-за которых вам приходится страдать?

– Житейские тяготы неизбежны, – снова уклончиво сказала я, не настроенная на откровенность. – Тем более в семейной жизни. И это надо как-то выдерживать, уметь где-то смириться, где-то потерпеть. Но я знаю одно, главное – это не сдаваться.

– Что вы имеете в виду?

– Не прибегать к крайним мерам. Это на войне предателей расстреливают на месте. А в семье должно быть наоборот, без расстрелов и без разводов. Самое тяжёлое в семье – это суметь её сохранить. По большому счёту, семья для каждого, кто её завёл, является огромной степени искушением, и его приходится преодолевать всю жизнь.

Я говорила сдержанно. Свою личную жизнь, как это принято у большинства людей, я оберегала от любопытствующих.

– О, Лилия Павловна, вы философ, – Марина Ивановна улыбнулась. – Но вы продолжайте, продолжайте, вы ужасно заинтересовали меня. Я, впрочем, всегда видела в вас мудрого человека. Мне давно хотелось вот такого откровенного разговора именно с вами. И к тому же у меня сегодня особый день. И я позвала вас сюда не случайно. Но об этом позже. Простите, что перебила.

– Если в девичестве семейные отношения казались медовым пряником, то в замужестве эти представления стали иными. Ведь то, что мерещилось пряником, теперь – хлеб. Научиться кушать хлеб вместо пирожных – вот что такое семейная жизнь. Полюбить простоту, полюбить обыденность – в этом ключ к счастью, к той самой гармонии, о которой сегодня почему-то совсем не говорят.

– Гармония... От этого слова веет стариной, деревнями, колокольными перезвонами...

Марина Ивановна, как мне показалось, будто подыгрывала мне, и вместе с тем я угадывала в ней ожидание чего-то такого от меня, что укрепит её собственные мысли и настроения... Но мне по-прежнему не хотелось открывать душу, и я продолжала говорить общими фразами, не вдаваясь в подробности своей жизни.

– И знаете, скажу больше. Тот, кто отречётся от себя ради другого, не побоюсь пафоса, – такой человек научится в конечном итоге не идти на поводу всего того тяжёлого, мрачного, что непременно подсовывает жизнь каждому из нас.

– А вот сейчас вы напоминаете мне идеалиста.

Марина Ивановна усмехнулась.

Я ответила ей улыбкой.

– Не знаю, может быть, мои слова и звучат чересчур возвышенно, идут вразрез с устоявшимися представлениями нашего русского человека о том, что повседневная жизнь – это что-то непременно серое, тягостное, мутное...

Уже казалось, действительно есть что-то крайне важное в этом разговоре, в этом сегодняшнем вечере, и что-то непременно изменится, что-то случится, но вот что... Бывает, мы попадаем под влияние собственных слов, будто не мы, а эти самые слова руководят нашей мыслью, и лишь потом, спустя время, вдруг понимаем их истинный, сокровенный смысл.

Мои щёки горели.

– Но я в противовес этому скажу так: нельзя воспринимать всерьёз ни одно из тех, по сути, глупых, случайных происшествий, что кажутся нам порою адом, и тогда мы готовы проклинать всё и вся, рыдать, устраивать скандалы, подавать на развод, или месяцами молчать, надувшись. Да, семья – это испытание, а не только счастье... Но чтобы это счастье не разрушить, нужно каждый день заново учиться быть человеком.

– Да-да, человеком, вот оно... – как бы отвечая на какие-то свои мысли, повторила Марина Ивановна. – Так что же вас тяготит? Вы пока об этом ничего и не сказали.

– Тяготит?.. Как вам сказать... Вот, моя старшая дочь уже третий год не может поступить в институт. Не набирает баллов... А у младшей – частые ангины...

– Хвори, быт, учёба. Я о другом... Вам лично удаётся быть счастливой в семье?

Что-то тронуло меня в её глазах, в голосе, будто невысказанная чужая боль коснулась моего сердца...

Я рассказывала свою жизнь, в общем-то обычную, будничную.

Она слушала с жадностью, с огромным любопытством. Я даже сказала бы, с ребяческим любопытством. Я говорила о себе, но при этом понимала, Марину Ивановну интересует в первую очередь не только то, что именно я рассказываю о пережитых страданиях, а то, как я относилась к ним, как выкарабкивалась, и почему вообще не сломалась. Я видела в ней страх узнать такое, что даст ей повод разочароваться во мне, и это будет означать для неё гораздо большее, чем просто разочарование...

– Какое-то время моя семья была на грани развала. С мужем испортились отношения настолько, что он предложил развестись. Причина – в его ревности. Он был против того, чтобы я ездила, как другие мои коллеги, на курсы повышения квалификации. Месяц свободной жизни в чужом городе, по его мнению, это не для замужней женщины. Впрочем, о тех проблемах внутри моей семьи вам, как директору, было в некоторой степени известно, и спасибо, вы

шли навстречу, и всячески ограждали меня от командировок. Но когда уже это стало невозможно, и меня обязали поехать на курсы, тут и случился кризис в моей семейной жизни. Что пришлось пережить мне по возвращении домой, не передать словами. Муж смотрел сквозь меня. Я перестала для него существовать. И лишь когда со мной приключилась та страшная травма после падения на обледенелой дороге, он стал оттаивать. Но надо же было такому случиться: именно в тот час, когда Ваня сидел возле моей больничной койки, пришёл Забавин. Явился он как глава профсоюзного комитета, принёс от имени коллектива училища пакет гостинцев и букет цветов. Мой муж сидел как туча. И тут, к несчастью, ничего не подозревающий Забавин стал расписывать всей палате, как он вместе со мной дисциплинированно посещал лекции на курсах во время нашей общей командировки и как я помогала Забавину перед отъездом выбирать в магазине подарки для его жены. Взглянув на своего помрачневшего мужа, я похолодела. После выписки из больницы меня дома ждал ад. Он не ел моей стряпни, он перебрался из спальни на диван в зал, он только приходил домой ночевать. Я унижалась перед ним, стояла на коленях, умоляла не совершать опрометчивых поступков, не оставлять детей без отца. Слова о моей огромной любви к нему, заверения в моей верности (а это есть чистая правда!) не действовали. Более того, он заявил, что вообще никогда и не любил меня, а женился из чувства долга. Чтобы не бросать забеременевшую от него женщину. Тут надо дать пояснение. Да, к сожалению, я согласилась на отношения с ним до оформления брака, он уговорил меня начать совместную жизнь, а уже как-нибудь потом обещал обязательно и расписаться. Объяснял, родные прячут от него паспорт, не желая породниться со «слишком умной» (его мать и сёстры считали, жена не должна иметь высшего образования, тем более у мужа его нет). Словом, мне скоро рожать, а мы всё ещё не расписаны. Узнав о такой ситуации, мои возмущённые родители поставили вопрос ребром. Или уезжай от него, или... И я уехала на родину, к родителям. Спустя неделю Ваня приехал забирать меня.

– А в ЗАГС?

– Теперь и в ЗАГС согласился. Сказал, сёстры вернули ему паспорт, чтобы не разрушать семью. Скрывать не стану, в ЗАГС он шёл будто на похороны.

– Вот уж нет слов, так не слов! Так что же вы не убежали в ту минуту, зачем дошли до этого ЗАГСа, зачем тянуть мужика на аркане? Как можно на такое закрывать глаза?

– Но куда деваться, роды на носу.

– Я поражаясь, Лилия Павловна, как вы могли пойти на союз с таким человеком? Ведь он с самого начала, выходит, обманывал вас, попирали ваше достоинство?

– Я его любила. И объясняла его поведение воспитанием, какое он получил в семье. Я жалела его.

– Вы слишком великодушны. Но вы жертвовали собой. И ради чего?

– Не знаю, можно ли это назвать жертвой. Это скорее был мой долг перед младенцем, которого носила под сердцем. Но я понимала и другое. Мой Ваня – избалованный капризный ребёнок, а потому мне предстоит пережить много чего. И в этом предчувствии я в целом не ошиблась. А буквально накануне того дня, как нам идти в ЗАГС, я, перебирая приготовленную к стирке одежду, обнаружила в кармане его рубашки тетрадный лист. Озаглавленная моим именем бумажка была разделена вертикальной полосой. В два столбика выписаны мои, с точки зрения Вани, достоинства и недостатки. В графе

«плюс»: «красивая, добрая, уступчивая, родители в другом городе». В графе «минус» я прочитала о себе: «худая, высшее образование, бедная, не имеет своей квартиры, развязная».

– Ой, не смешите, вас назвать развязной...

– Это в связи с тем, что однажды в компании я громко смеялась. И он по возвращении домой мне выговаривал за развязность, как он выразился.

– Послушайте, Лилия Павловна, неужели после обнаружения этой ужасной бумаги, этого цинизма, когда жених хладнокровно взвешивает мнимые недостатки и достоинства избранницы, неужели после этого вы не прозрели? Да вам надо было тут же собрать вещи и забыть его навсегда. Даже не посмотреть на беременность. Ничего, воспитали бы прекрасно и без его помощи, тоже мне, папаша. Да вы бы ещё замуж вышли, и были счастливы, вы обязательно нашли бы человека, который ценил бы вас. А этот вам не пара, Лилия Павловна. Вы лучше, умнее, выше. А он... Обыватель... Он...

– Нет, не надо говорить так... Да, эта бумага произвела на меня ужасное впечатление. Я была потрясена. Что-то сказать в своё оправдание ему было нечего. Однако, в объятиях, под натиском его любви я ему всё простила.

– Ах, бабы-дуры, – Марина Ивановна махнула рукой, поднялась с кресла.

Она сняла туфли, надела домашние тапочки, прошла по ковру. Сдвинув тюль, глянула в окно.

Заснеженное стекло холодно поблёскивало. Тёмное заполярное небо, укрытое морозным туманом, не пропускало ни малейшего света ни одной звезды. В глубинах странной ледяной вселенной плыли куда-то и город, и его жители. И эта чернота за окном, и этот блеск заиндевелого стекла навевали какие-то печальные мысли о счастье, которое могло случиться, но не случилось в чьей-то жизни. И загудевший далеко поезд словно подтвердил мои мысли. Куда едет этот поезд, какие люди сидят в вагонах, едут ли они за счастьем, или ещё за чем-то хорошим, но недостижимым?

Марина Ивановна достала из бара бутылочку коньяка.

– Отказываетесь? А я, пожалуй, налью себе капельку. Вы задели меня за живое вашим рассказом. Уф.

Она сделала глоток коньяка, прижала к губам дольку лимона.

– Давайте продолжим с того места, где он заявил вам, что никогда не любил вас. Или нет, сначала расскажите, как изменилась ваша жизнь с рождением первого ребёнка. Надеюсь, это способствовало в какой-то степени смягчению характера вашего мужа?

– Роды были тяжёлые, я мучилась двое суток. Младенца пришлось вытаскивать щипцами. Врачи боролись за мою жизнь. Я находилась между жизнью и смертью. А муж... Он жил своей жизнью. Работа, друзья. Когда узнал, что я родила девочку, расстроился.

– Что-что? Как это понимать?

– Сына хотел. Первые дни он ко мне вообще не ходил. Лишь на четвёртые сутки мне передали от него сухую записку: «Поздравляю».

– Ну и ну. Какой отъявленный эгоист. У меня нет слов. А знаете, я теперь иначе смотрю на его признание, что он никогда не любил вас. Он вас не ценит, он вас не знает! У нас все искренне уважают вас как человека кристальной честности и порядочности!

– Не стоит преувеличивать. Я не святая. А в семье – это не в рабочем коллективе. Тут свои законы. Да и мой муж... Не стоит так говорить о нём.

– А заявление, что он никогда не любил вас?

– Это сгоряча. Ваня – замечательный. У нас всё хорошо. Мы всюду – вместе. В кино, в театр, в тундру на лыжах, летом семьёй к морю... Он на все руки мастер. Много в доме – его трудами. А вспомните, как он по воскресеньям ездил в наше училище, чтобы помочь мне с оформлением кабинета, какие прекрасные фотопортреты учёных развесил по стенам. Он ведь всё это делал сам, в своей домашней фотолаборатории – портреты, рамки, подписи. Допоздна корпел... Фотодело и ещё, конечно, охота – два любимых увлечения. О достоинствах Вани могу говорить много.

– Вижу-вижу. Ну что же... Вы научились жить не для себя. А я... У меня был жених. Я очень его любила. Но всё изменилось в одну минуту за день до свадьбы. Нелепость. Я вышла из института. Мне оставалось пройти два квартала до своего дома. Я повернула за угол студенческого общежития и буквально окаменела. Я увидела Андрея. На крыльце общежития. С девушкой! Они целовались. Я не помню, как добралась домой, как объясняла родителям, почему отменяется свадьба. Оправиться от этого потрясения я не смогла уже никогда.

– А что ваш Андрей?

– Клялся, что любит меня.

– А зачем тогда с той девушкой...

– Божился, это была прощальная встреча с его бывшей. «У меня к ней чисто сестринские чувства».

– Даже не знаю, что сказать...

– Попросила поцеловать её в последний раз, и он, понимаешь ли, такой интеллигент, отказать даме не смог. Рассказываю, а будто вчера это случилось, закипаю... И что мне его объяснения.

– Андрей пытался с вами наладить отношения?

– Пытался... К тому же я от него ждала ребёнка. Да-да, грешила до свадьбы, как и вы. Ребёнка я возненавидела вместе с его отцом. Ну и, недолго думая, сделала аборт.

– Боже мой... Что вы натворили...

– Это я позже поняла, что натворила...

– А что Андрей?

– Андрей-Андрей... Убивался, что ещё ему оставалось делать. Раньше надо было думать. Тюфяк.

– Я его понимаю. Бедный Андрей. Как мне его жалко.

– Вам его жалко?

– Конечно. Вы поступили с ним слишком жестоко. Нельзя же за чужую ошибку казнить всю жизнь. Мне кажется, он действительно любил вас... Как сложилась его жизнь?

– Какое-то время он звонил... Даже писал мне письма.

– А вы? Отвечали?

– Нет.

– Он приезжал к вам?

– Да, было такое дело... однажды... Когда-то я выбрала этот край света, чтобы как можно дальше убежать от него. Он выпытал мой адрес у родителей.

– Неужели вы его прогнали?

– Я его и на порог даже не пустила. Он ушёл, но ещё долго топтался во дворе моего дома, с рюкзаком за спиной, мял в руках шапку-ушанку, близоруко щурился и всё поглядывал на мои окна. И прижимал к груди эту чёртову шапку, которую никак не мог надеть, тербил её явно заледеневшими от холода пальцами.

Марина Ивановна откинулась на спинку кресла, закрыла глаза.

Недопитый чай остыл. Мне больше не хотелось ни чая, ни сладостей. Я смотрела на бледное лицо Марины Ивановны, на её закрытые глаза, и мне казалось, она вот-вот умрёт.

И было удивительно, почему она вообще до сих пор жива, после всего, что натворила, что пережила, после всех этих мук, страданий, слёз...

Как глупо, нелепо, однако, вот так, взять и зачеркнуть собственное счастье... Или не глупо? Или, напротив, это подвиг? Но ради чего? Ради любви? Какой любви, где она ...

А много лет знала Марину Ивановну. Знала, что она немногословна, молчалива. Она имела репутацию человека, который не выбалтывает чужих секретов и обладает железной волей.

В нашем коллективе благодаря её установкам не было ни склок, ни разборок, ни завистливых тяжб, как это случается нередко там, где много женщин.

Она пресекала попытки коллег сводить с кем-то счёты, ябедничать, наущничать. На педсоветах она по-особому холодно, с вежливой насмешкой, отчитывала, обличала. Под разнос попадали все, кто не желал жить по букве. Её побаивались. «Принципиальная», – говорили о ней.

И вот сейчас моё сердце сжималось от жалости к Марине Ивановне, к её Андрею...

Я вспомнила её слова про «особый день».

– Вы упомянули, у вас сегодня особый день. Что-то изменилось? Что теперь?

Она очнулась.

Вероятно, заметив в моих глазах сочувствие, она слабо улыбнулась и стала говорить:

– Когда я покидала милый сердцу город детства, Андрей приехал на вокзал проводить меня. Мы оба молчали, я избегала смотреть ему в лицо. «Я тебя люблю!» – воскликнул он, когда поезд тронулся. В его голосе нельзя было не услышать отчаяния. Он моргал, чтобы избавиться от слёз, потом снял очки и, зажав их беспомощно в руке, плохо видя, трусил рядом с вагоном. Поезд медленно набирал скорость. «Оставляешь ли ты мне надежду?» – доносилось до меня. Я смотрела на него из открытого тамбура. Проводница, видя эту драматическую сцену, пожалела нас и вместо того, чтобы прогнать меня и закрыть дверь, ушла. «Марина! Сколько мне ждать тебя?!» – он всё бежал рядом с вагоном, умоляюще смотрел в мои глаза и, уже не стесняясь, в открытую плакал... «Жди меня двадцать лет!» – в сердцах крикнула я ему и топнула ногой. Больше не в силах сдерживаться, я в голос зарыдала и захлопнула дверь. «Двадцать лет... буду ждать...» – последнее, что услышала. Стремительно улетал в прошлое перрон родного города, а вместе с ним тот, кого я ещё недавно считала родным человеком... И вот двадцать лет, они растаяли, их нет, будто и не было... Моя жизнь напоминает мне плохое кино. Неделю назад я проснулась в какой-то странной пустоте. Прошло двадцать лет, те самые двадцать лет, которые я назначила Андрею в качестве наказания за его, как я считала, измену. Те самые двадцать лет, которые он обещал ждать меня. И вдруг я вспомнила то, о чём думала с вечера, – сегодня день рождения Андрея. Когда-то он звонил и поздравлял меня с днём рождения. А потом перестал... А почему бы мне самой его не поздравить. Я подумала о том, что все эти годы ни разу не поздравила его с днём рождения... И я позвонила ему. В такую рань. «Я тебя разбудила?» – спросила я его. Он узнал меня. Да я и

была уверена, что он узнает, я всегда была слишком уверена. Он выслушал мои поздравления, сказал «спасибо». Я спросила, как он поживает. «Нормально». А потом дернул меня чёрт спросить то, чего я не хотела спрашивать. «Ты женился?» Он, мне показалось, с улыбкой в голосе, сказал просто, как само собой разумеющееся: «Конечно». В этом «конечно» прозвучало следующее: «А ты как думала? Или ты считаешь меня сумасшедшим, способным всю жизнь лить слёзы из-за какой-то слишком гордой женщины?» В общем, на этом всё. Разговор исчерпан. Вот почему у меня сегодня особый день.

Марина Ивановна поднялась и стала ходить по кабинету из угла в угол, не глядя на меня.

– Марина Ивановна, я пойду, хорошо? Мне уже пора, вы извините, – я говорила негромко.

Мне было неловко уходить, но ещё более неловко было продолжать этот затянувшийся разговор.

Я себя чувствовала виноватой, будто подглядела в замочную скважину то, что не было предназначено для огласки.

...Мои шаги отдавались гулкими щелчками в пустынных коридорах училища. Спустившись по широкой каменной лестнице, я ответила на вопрос вышедшего из подсобки сторожа, что да, директор ещё здесь, а будет ли уходить, этого я не знаю. Сторож достал связку ключей и отворил передо мной дверь.

В свете уличных фонарей заснеженная тропинка, ведущая меня к автобусной остановке, весело искрилась. Шуба, шапка быстро покрывались снежными хлопьями. Я не удержалась и оглянулась, я искала глазами окна директора. В них всё ещё горел свет. А сама Марина Ивановна с непокрытой головой, в платье, стояла на балконе, подняв лицо навстречу летящему снегу. Это зрелище заставило меня замедлить шаг. Она прижимала, очевидно, околоченные, руки к груди, и мне казалось, она вымаливает у кого-то прощение... «А он прижимал к груди эту свою чёртову шапку, которую всё никак не мог надеть, и теребил её явно заледеневшими от холода пальцами», – вспомнилось мне из её повествования об Андрее.

Редкие прохожие спешили домой, надо было спешить и мне. Муж возвращается с работы обычно ещё позже меня, девчонки в этот пятничный вечер на танцах, но я всё равно торопилась. Мысли о Ване, о дочерях поднимали моё настроение. Сейчас приму душ, приведу себя в порядок. Ужин готовить не надо, это уже сделали дочери.

ПОЭЗИЯ

Ине́сса ИЛЬИ́НА-
ФЕ́ДОРОВА

Ине́сса Яши́новна Ильи́на-Фе́дорова – член МГО Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (всероссийного фестиваля патриотической поэзии «Форпост» 2014, 3-е место), награждена медалями: и.м. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.

Звёздной юности тихий уют

В тумане

В тумане путь овая неизвестностью,
Шуршат тревожно шины под машиной,
И белый морок бессловесной млечности
Затягивает сонной паутиной.

Вдруг солнца шар проступит очертанием,
Или луна проглянет уходящая,
И зачарованно лечу в тумане я,
Где нет ни прошлого, ни настоящего.

Змеёй скользит дорога под колёсами,
Туманы, маревом по поперечине,
Клочками разрываются белёсыми,
И фары светлячками светят встречными.

И возникает из тумана чудо странное:
Река парит вселенской бесконечностью,
Без берегов, окутана туманами,
Как воды Стикса, между сном и вечностью...

Ступая на планету эту зыбкую,
Теряешь связь и с миром, и с реальностью,
И жизнь твоя покажется ошибкою,
В сравнении с туманною фатальностью.

Собираю

Собираю «бездомных собак»
По своим разорённым квартирам.
Там сегодня пустынно, уныло,
Как в усталой душе – кавардак.

Скоро стены совсем обдерут,
Подготовят к продаже судьбину,
Но я в сердце своём не покину
Звёздной юности тихий уют.

И, пока не захлопнута дверь,
Лабиринты пронизаны светом,
Я к собакам иду за советом,
Как сберечь отголоски потерь?

И выводят меня, не спеша,
Как джеромовский Монморенси,
И овчарка по имени Ненси,
Лайка Кери и Динка – душа,

Даша, Тима и Герда-бульдог,
Разномастные милые дети,
Я за вас, как и прежде, в ответе,
Пусть уже перешли «за порог».

Душа

Моей души театр,
Как сонный остров детства,
И в нём моё наследство,
И сила, и мечта.

Пленительный стоп-кадр,
Где счастье без кокетства,
Любовь и совершенство,
И правды простота.

На быстрых парусах
Эпоха уплывает:
И радости, и страх,
Рассыпятся в веках.

Снежинкой на ветру
Мои надежды тают,
Их унесет к утру
Беспамятства река.

А двадцать первый век
Воюет и пирует,
Его кумир – вампир,
Его герой – кешбэк,

Ещё совсем чуть-чуть,
И душу оцифрует
Тот, кто явился в мир:
Ни зверь – ни человек.

Рассказы

Укиё-э

К вечеру заморосило. Андрей взглянул на зависшую над свалкой тучу и стал собирать инструменты (он разобрал старый тракторный генератор, чтобы извлечь медную обмотку). Заканчивать работу было рано, решил дождь переждать. Нашлось и укрытие – большущая накрытая телью картонная коробка, которую, должно быть, для этого и приспособили. Андрей залез внутрь, запахнул на груди куртку, закрыл глаза.

Чуть больше месяца назад двадцативосьмилетний москвич, системный аналитик солидной организации Андрей Дьяконов стал бродягой. Предшествовал этому один курьёзный (хотя об этом можно спорить) случай. Накануне Нового года Дьяконов разругался со своей подружкой и встречал праздник в одиночестве. Полулёжа на диване, он щёлкал пультом телевизора, но праздничные программы его не занимали. Думал о незаурядном «даровании» Ани – так звали его девушку – затевать скандалы на ровном месте. Вот как прошлый раз: весь сыр-бор разгорелся из-за того, что он обозвал её кошку Эсмеральду старой дурой. Анна вспыхнула. Тут же из «малыша» Дьяконов превратился в «живодёра». И это было только начало, дальше – по нарастающей. А ведь кошка и вправду была старой и вела себя как помешанная: таскалась за Андреем по пятам, мяукала дурным голосом и, задрвав хвост, тёрлась о ноги.

Впрочем, ни на девушку, ни на кошку Андрей зла не держал: он рад был побыть один. За час до полуночи ему позвонила мать. Начала с добрых пожеланий, закончила как обычно упрёками. «Спасибо, мамуля. Ты как всегда меня приободрила. Извини, пришёл кто-то. Не болей», – попрощался Андрей, обрывая разговор.

В половине двенадцатого в квартиру действительно позвонили. Лучась хмельным дружелюбием, у двери стояли Няф-Няф и Ньюф-Нюф, как Андрей именовал про себя соседей по площадке,

Александр Алексеевич Гаврилов – родился в Тверской области. Детство и юность провёл в Ленинграде. Закончил ЛХУ им. Серова. Служил в ВМФ. В начале девяностых переехал на Южный Урал. Зарабатывал живописью. В настоящее время занимается литературным трудом.

Живёт в Лобне.

супружескую чету предпенсионного возраста. Парочка и правда смахивала на поросят: и одинаковой розовой округлостью; и почти синхронной суетливостью движений; и чуткостью курносых носиков ко всему, что происходит вокруг, особенно за чужими дверьми.

Приглашение соседей «посидеть у камелька» Дьяконов вежливо отклонил. «Поросята» скрылись, а Андрей задержался у приоткрытой двери, прислушивался. С верхней лестничной площадки доносились шорохи. Он вышел из квартиры, заглянул: на площадке кто-то лежал. Дьяконов поднялся по лестнице.

– Эй, уважаемый, просыпайтесь, – сказал он. – Придётся другое место поискать.

Бомж приподнял голову, потом сел, прислонившись спиной к стене. Он был щупл, малоголов, а личиком смахивал на неухоженную старушку.

– С Новым годом тебя, друг! Будь добренький, не прогоняй. Не пьяный я, и в бане на той неделе был. Чуешь, не воняет почти?

– Обнюхивать я вас не буду – верю на слово. Ступайте потихоньку и не воняйте в другом месте.

– Эх, мороз на улице... – вздохнул бездомный. – Может, оставишь, а? А я за тебя Богу помолюсь... – Личико скукожилось в умильной гримасе. Вязаная шапочка сбилась на затылок, открывая в височной части головы вмятину, в которой могла бы уместиться детская ладошка. Заметив взгляд Дьяконова, бомж поправил шапку, вздохнул:

– Это меня папка приголубил – пьяный. Табуреткой. Одиннадцать лет мне было. Правда, метил-то он в маму, да промазал. Вот с тех пор меня и осеняет.

– Идеями? – сам не зная зачем, спросил Дьяконов.

– Да какие там у нас идеи... – поморщился бездомный. – Я судьбину человечью насквозь вижу – вот чем осеняет. Будь оно неладно.

– Ясновидческий дар?

– Во, точно, такой именно дар. Мне уж не раз говорили, да забываю всё.

– А вам, значит, эта способность не нравится?

– Не нравится. Ещё бы нравилась: начнёшь говорить – зубы скалят. Да и били уж не раз. Помалкиваю теперь в тряпочку. – Бомж начал укладывать свои подстилки.

Дьяконов спустился к квартире. Уже взявшись за ручку двери, он повернулся к спускающемуся по лестнице бродяге.

– Подождите минуту, я вас угощу на дорожку. – Он зашёл в квартиру, собрал в пакет кое-каких продуктов, положил бутылку водки. Вернулся на площадку и, вручая пакет бездомному, сказал:

– Вот возьмите и постарайтесь не напиваться. И вот ещё что... Выше этажом живёт один человек – бывший десантник – на все руки, так сказать, мастер. По какой-то причине очень он к вашему брату... неравнодушен. Особенно когда перепьёт. В прошлый Новый год – на том же месте, где вы переночевать хотели, он двух ваших... друзей по несчастью чуть до смерти не уходил. Еле отбили. Вот поэтому я вас и попросил. Так что, не обессудьте.

– Мать честная! А я-то, глупая головушка, лежу себе, полёживаю, как у бабушки на побывке... Ну, друг, не знаю прямо, что и сказать! Дай Бог тебе здоровья! Я такой... экзекуции не пережил бы, нет. Во мне ить и духу-то – на копеечку. Слушай, а хочешь, я тебе предскажу?

– А десантника вы, значит, предсказать не могли? – усмехнулся Дьяконов.

– То-то и оно: чужое как на ладони зрю, своё – не вижу, – вздохнул

бездомный и, опасливо взглянув наверх лестницы, спросил: – Так что, предсказать? А то... пора мне отваливать: не дай Бог, диверсант этот выскочит.

– Хорошо. Посмотрим, что у вас получится.

Бомж обтёр ладонь об демисезонное пальтишко, протянул Дьяконову.

– Подержать надо. Не побрезгуй уж.

«Чёрт, зачем я это делаю?.. Как пьяный, ей богу...» – думал Андрей, взяв бездомного за руку. Тот смотрел прямо ему в лицо. Взгляды их встретились.

Стоя лицом к лицу с бродягой и, возможно, принимая во внимание серьёзную травму головы, бродягой сумасшедшим, Андрей был слегка растерян, ибо не мог объяснить причины своего поступка. Он уже было собрался прекратить это дуракаваляние, и тут у него закружилась голова. Зрение расфокусировалось. Лицо бомжа расплылось в серый аморфный ком. Остались только глаза, взгляд которых стал нестерпимо-пристальным, острым. Продолжалось это не больше секунды: на Андрея снова смотрели невыразительные глуповатые глазки. Головокружение прекратилось. Дьяконов разжал руку, отпуская ладонь бездомного.

– Ну, скоро я стану президентом Соединённых Штатов? – поинтересовался он.

– Насчёт президента – это вряд ли, а вот побомжевать тебе, друг, придётся. По свалкам вдоволь налазишься. Но не переживай: там все твои хотенья исполнятся.

– М-да... оригинально.

– Не знаю, оригинально или нет, а как я сказал, так и будет.

Бродяга стал спускаться по лестнице, а Дьяконов зашёл в квартиру. Через несколько минут наступил Новый год. Андрей выпил половину бокала вина, минут двадцать смотрел телевизор и лёг спать.

Утром проснулся в хорошем настроении. Причиной был необычный приятный сон. Как будто ранним морозным утром Дьяконов шёл по пустынной улице с котомкой за плечом и думал о том, что бродяжья жизнь легка и интересна. Перспектива улицы терялась в сизом мареве, в глубине которого просвечивал алый мазок, – там всходило солнце. Туда он и шагал, не чувствуя под собой ног, весь в предвкушении счастливых открытий.

Поразмышляв за завтраком о сновидении и о вчерашнем «сеансе ясновидения», Дьяконов стал склоняться к мысли, что, пожалуй, заработался. Он не был в отпуске три года и до сих пор считал, что находится в хорошей форме, однако теперь засомневался.

Позвонила Анна и, как ни в чём не бывало, предложила встретиться. Дьяконов был мастер на жёсткие ответы и на всяческие «нет», отчего почти не имел друзей, но, несмотря на прямолинейность и некоторую эмоциональную чёрствость, жестоким человеком он всё-таки не был. Поэтому, объявляя девушке о своём решении прекратить отношения, Андрей сослался на труднообъяснимый, совершенно выбивший его из колеи внутренний конфликт. Сказал, что должен разобраться в себе и попросил прощения. В конфликт Анна не поверила. Обозвала его скотом и эгоистом, заключив, что он просто использовал её для своих низких нужд.

Андрей отложил телефон. Настроение испортилось. То, что он сказал Анне, отчасти было правдой. Он давно уже бросил попытки хоть как-то примирить свои врождённые простодушие и доброжелательность со скептицизмом, нетерпимостью и недоверчивостью, ещё в детстве вколотенные в него назидательным пальчиком матушки. Так и жил в вечном

раздрае с собой: открытая, отзывчивая половина его природы притягивала людей и сама к ним тянулась, другая половина – прагматичная, недоверчивая – сторонилась их и отталкивала. Мать он, конечно, винить не мог, понимая, что только неотступная сведавшая её тревога за своё единственное чадо заставляла её год за годом сооружать для него этот «экзоскелет».

Кончился январь. Дьяконов был встревожен: предсказание бродяги начинало приобретать черты навязчивой идеи. Помимо воли в голове Андрея складывались истории – вариации на тему вольного бродяжничества. По ночам истории трансформировались в яркие, на редкость содержательные сны. Вскоре странные грёзы Дьяконова перестали казаться ему странными и, обманывая самого себя, он сочинил теорию, по которой выходило, что бродяжничество – это что-то вроде экстремального вида спорта. В середине апреля он уже изнывал в ожидании отпуска, и никаких сомнений в том, как он его проведёт, у него не было.

В конце мая, когда отпуск Андрея подходил к концу, он стал обладателем крепкой хижинки в двухстах метрах от городской свалки, безусловного авторитета среди её обитателей и прозвища Блатюк...

Шёку Дьяконова облизали, в нос пахнуло псиной. Он открыл глаза. Просунув массивную голову в коробку, на него смотрел Немтырь, молодой восьмидесятикилограммовый метис алабая и немецкой овчарки. «Ну, чего тебе, старина?» – потрепав пса по загривку, спросил Дьяконов.

Немтырь попятился и, задрав морду вверх, три раза гавкнул, вернее сказать, рывкнул утробным басом. Андрей впервые слышал его голос: до сих пор пёс оправдывал свою кличку – молчал будто немой.

Дьяконов вылез из коробки. Ограниченные зелёно-голубой полоской леса перед ним раскинулись изгрызенные бульдозерами развалы свалки или, по другому, полигона.

Немтырь заскулил и, прихватив ладонь Дьяконова зубами, стал пятиться. «Да что с тобой такое, дружок? Куда ты меня тащишь?» – поинтересовался Андрей, делая шаг за псом. Тот отпустил его руку и, отбежав, смотрел страдальческими глазами.

«Понял тебя, веди», – сказал Андрей. Немтырь потрусил в сторону свалки. «Не иначе у Афганца припадок случился, а пёсик за помощью прибежал, – думал Дьяконов, шагая следом. Он знал, с каким рвением и методичностью занимался обучением пса его хозяин Егор, пятидесятилетний ветеран афганской войны. Занимался не просто так: он страдал эпилепсией, и обученная собака могла стать для него залогом выживания.

Около месяца назад, когда ещё только обосновавшийся на свалке Андрей разбирали завалы промышленных отходов, к нему подбежал здоровенный молодой пёс, обнюхал и, поднявшись на задние лапы, облизал. Хозяин, который шёл следом, это заметил и был взбешён. Бросив на Дьяконова неприязненный взгляд, он снял ремень и хлестнул пса по заднему месту. «Ты чего это расслюнявился, а? Я тебя чему учил? Любой незнакомый – враг. А ты что, папку родного встретил? Ещё раз увижу, шкуру спущу!» – выговаривал он подопечному. Они удалялись. Мужчина, в выцветшей синей спецовке, взмахивая рукой, продолжал отчитывать пса.

Были ещё несколько случайных встреч, и каждый раз Немтырь, рискуя получить взбучку, подбегал к Дьяконову, чтобы выразить неизвестно на чём основанную симпатию. А однажды, когда Андрей делал большую приборку в недавно дарованном ему крошечном, но добротном домике, пёс провёл у него в гостях целых полдня. Под вечер явился Афганец. Немтырь подбежал к нему и сел, опустив голову.

– Ты кончай собаку мою приваживать, понял? – сказал ветеран вышедшему из избушки Дьяконову.

– Я тут ни при чём. Понятия не имею, чего он ко мне липнет.

Развернувшись, Андрей вернулся в хижину. Через минуту он вышел с охапкой тряпья и бросил её в кучку ненужного барахла. Афганец не ушёл. Он сидел на пенёчке, почёсывая лежащего рядом Немтыря за ухом.

– Да я знаю, что ты ни при чём, – сказал он. – Это я так – для проформы. У них бывает: кто-то полюбит, кто-то не взглянется. Нам собачьи резоны неведомы. Кинологи любят теории разные строить, да всё – ерунда. Я с собаками воевал вместе, знаю. Не понять нам их до конца никогда. – Он помолчал и, усмехнувшись, заметил: – Повезло тебе: только появился и сразу хаткой обзавёлся. Хорошее место, на этот домик много народу облизывалось. Александрович-то, правда, говорят, учителем твоим был?

– Да, учителем рисования. Встретились здесь.

– Не знаешь, куда он подался?

– На Волгу, в монастырь.

– Ну, бывай. Обращайся, если что.

Дьяконов кивнул, и Афганец ушёл. Это был их первый и последний разговор. Жили они на разных концах свалки, интересы их «профессиональной деятельности» тоже не пересекались.

Идти пришлось долго. В конце концов, пёс привёл его к штабелю прессованных обрезков ткани, дерматина, линолеума и ещё бог весть каких материалов. По уступам штабеля Немтырь запрыгал наверх, Андрей поднимался следом.

Пёс остановился на краю глубокого провала. Когда-то здесь было два штабеля, но промежуток между ними был частично завален, и вместо прохода образовалась прерывистая неровная щель метров шести глубиной. Дьяконов придвинулся к краю, заглянул вниз, но ничего не увидел. Тогда он прошёл от начала до конца щели и, правда, не сразу, нашёл место, где можно было спуститься.

Егора он нашёл быстро. Тот лежал лицом вниз на торчащей из земли бетонной плите. Из спины – между лопаток и чуть выше поясницы – выглядели косо спиленные концы арматуры. По статично-деревянной позе и обилию засохшей крови, было ясно, что он мёртв. Первым побуждением Андрея было бежать без оглядки из этой щели-ловушки, пока нависающие над головой пласты прессованной дряни не рухнули и не замуровали его здесь вместе с покойником. Выругав себя за минутное слабодушие, Дьяконов потёр лоб и, заметив, как сильно дрожат пальцы, сжал их в кулаки. Выбравшись наверх, подошёл к псу, который не сводил с него вопрошающего взгляда, и присел перед ним на корточки. «Всё, дружок, нет больше твоего учителя. Жалко. Но ты себя не ругай, ты молодец и всё правильно сделал. Пойдём, бригаду его найти нужно», – сказал он.

Шёл девятый час вечера. К этому времени большинство обитателей свалки заканчивали свои труды и расходились на отдых. Дьяконов не знал, где обретается бригада Афганца, поэтому доверился псу, который уверенно потрусил по окружной дороге. Вскоре Немтырь свернул и побежал в сторону леса. Миновав участок редколесья, пёс спустился в низину и двинулся по тропе, уводившей в густой тальник. Среди кустов завиднелись крыши хлипких сооружений; кое-где поднимались струйки дыма. Впереди слышалось журчанье воды.

Пробежав по тропинке шагов пятьдесят, Немтырь свернул в кусты и по узкому проходу вывел Дьяконова на поляну. Рядом с обитой шифером хижинкой у костра сидели несколько человек, ужинали. Андрей подошёл и, не здороваясь, сказал:

– Афганец погиб. Со штабеля упал на арматуру. Тело нужно достать.

– Ты серьёзно, что ли? – не донеся ложку до рта, спросил заросший седой щетиной старик.

Дьяконов промолчал.

– Ох, Боже ж ты мой! – охнула толстуха с перепачканным сажей лицом.

Все повставали со своих мест, приступили к Дьяконову с вопросами.

– Да погодите вы! Замолкните! – прикрикнул старик и обратился к Андрею: – Где он есть-то? Откуда его доставать надо?

Андрей объяснил и сказал, что понадобится верёвка. Кроме старика в компании были двое мужчин средних лет с одинаково опухшими кирпичного цвета лицами, две немолодые женщины и мальчишка в надвинутой на глаза бейсболке. Распоряжения отдавал старик, которого все называли Саней. Верёвки не нашлось, послали паренька к соседям. Ждали его минут пятнадцать, после чего Дьяконов с мужчинами отправились к свалке.

Когда тело подняли и вынесли к дороге, начало смеркаться.

– Пойду я, пожалуй. Теперь сами справитесь, – сказал Андрей.

– Айда с нами, помянем, – позвал старик. – Хороший мужик-то был.

Думал Андрей недолго. Кивнув, он присоединился к группе.

Народу на поляне прибавилось. Как только покойника уложили на растеленное рядом с хижинкой байковое одеяло, подбежала растрёпанная женщина средних лет и запричитала, пав перед телом на колени. Рядом, опустив голову, стоял мальчишка в бейсболке.

Дьяконов отошёл к костру, над которым висел закрытый крышкой котёл, и присел на обрезок бревна. Подошёл Саня, сунул ему бутылку пива.

– Пивка пока попей. Мужики из посёлка вернутся – водки выпьем. А насчёт похорон завтра уж определимся.

– В полицию-то сообщать не будете?

– А... – отмахнулся старик. – Нюрка вон, баба Егорова, до тётки его дозвониться не может. Дозвонится, пусть старуха и решает. Егор-то навещал её кой-когда, да и деньжат подкидывал. А некоторых и так хороним, без всякой полиции. Ни роду, ни племени. Себя не помнят, как звать... какая уж там полиция. Да ты не переживай, разберёмся. – Саня отпил из бутылки. Спросил:

– Как звать-то? Афганец говорил, Блатюком тебя кличут, а я вот смотрю и думаю: не похож ты на блатного. Я этих пустозвонов немало перевидал.

– Андреем меня зовут. А по поводу прозвища – не в курсе. Чепуху разную выдумывают.

Дьяконов открыл бутылку. Отпивая пиво, он смотрел в очистившееся, с россыпью бледных звёзд небо и вспоминал тот день, когда, как он предполагал,

к нему прилипло дурацкое прозвище. Это были его первые дни на свалке. Он очищал от земли два смятых алюминиевых бидона, найденные в куче промышленных отходов, и тут его попытались ограбить. Компания состояла из двух субтильного сложения молодых мужчин, двух неопределённого возраста женщин и старухи на костылях. Все были пьяны и даже для обитателей свалки вид имели крайне запущенный.

Немалую часть юности Андрей провёл в довольно пёстрой по составу компании и с уголовным вокабулярием был ознакомлен неплохо. Дурачась, он без труда изобразил «бывалого». После его краткой речи с обещанием «поставить беспредельщиков на правило», старуха прошипела что-то вроде «валим», и «налётчики» ретировались. Именно после того случая, как подозревал Дьяконов, за ним и закрепилась репутация человека опасного, с серьёзным криминальным прошлым.

Вернулись «гонцы», отправленные в посёлок за водкой. К котлу с варевом подходили по очереди со своей посудой. Толстуха в засаленном цветастом халате стояла на раздаче. Расселись. Напротив Дьяконова с другой стороны костра, ссутулившись, сидел мальчишка в бейсболке. Он как-то по-козьи, раскосо, взглянул на Андрея. Глаза, отразившие свет костра, полыхнули жёлтым. Паренёк опустил голову. «Прямо сатанинский взгляд у мальчика», – подумал Дьяконов и тут же забыл об этом.

Забулькала водка. Пovyла оставленная Афганцем сожигательница, её поддерживали подруги. Однако вскоре благостные речи стали сменяться разговорами на темы отвлечённые и негромкими смешками.

«Пора уходить, – решил Андрей, – пока тут пляски с мордобоем не начались». Он окинул взглядом присутствующих и наткнулся на взгляд раскосых глаз, которые тут же скрылись под козырьком бейсболки.

– Что это за мальчишка в кепке? – спросил Андрей у Сани.

– Да это девка... вроде. Имя ей бабье дадено – Лиза. А так Ли кличут. Но это не от имени: глаза у неё как у китаёзы. А я так думаю, – старик понизил голос и склонился к Дьяконову, – совсем ненашенские глаза – не человеческие. Глянешь – страх берёт. Её, говорят, в пузыре каком-то чудном нашли. Вот и думай, что хошь... Может, инопланетяне подкинули, а может... нет, и говорить не буду. – Старик воровато перекрестился и, отложив пустую бутылку из-под пива, продолжил: – Ну, в общем, так и прозвали: китайчонок, мол, Ли. Ей уж за двадцать перебросилось, а титек совсем нет – ровное место. Что между ног – тоже неизвестно. На голове шёрстка беленькая с дымком, как у кошечки. Уродец, короче говоря. Жил тут у нас один старик, капитан первого ранга, царствие ему небесное, он её и воспитывал. Года четыре как преставился. Потом афганец наш её под опеку взял. У нас ведь тут народец разный попадает: девка не девка – изнахратят, и дело с концом. А так оно хоть и страшенькое, а умненькое – книжки читает. Водку не пьёт и табак не курит.

Андрей, взглянул в сторону «инопланетянки». Девушка исчезла.

– Ладно, – сказал он, поднимаясь с места, – до рассвета ещё далеко. Пойду. Вы уж проконтролируйте тут, чтобы бузу не подняли.

Когда он вышел на опоясывающую полигон дорогу, в руку ему ткнулся мокрый холодный нос. Некоторое время Немтырь трусил рядом с ногой Дьяконова, потом побежал впереди.

Лунный свет вливался через окно и падал на стену молочно-белым мазком, на котором застыл силуэт кленовой ветки. Глядя на этот лунный рисунок в стиле укиё-э через неплотно сомкнутые ресницы, Дьяконов вспомнил, как повстречался со своим бывшим учителем рисования Святославом Александровичем Столбовым. В поисках железного хлама, среди которого можно было обнаружить цветные металлы, Андрей обходил окрестности полигона. Наверху пригорка среди редких осинок он увидел человека за разложенным этюдником. С детства равнодушный к живописи Андрей поднялся на пригорок. Пожилой мужчина с запущенной эспаньолкой работал мастихином так, будто досадовал на грязь, которую развёл на холсте, и спешил разровнять, втереть в него следы своей небрежности. Дьяконов подошёл.

– Простите, не помешаю, если немного понаблюдаю?

– Не помешаешь.

Глядя на скупые движения костистой руки, на то, как споро, мельком взглядывая на палитру, художник смешивал краски, Дьяконов понял – перед ним мастер. Так он и стоял, зачарованный искусством сотворения параллельной реальности, пока этюд не был закончен.

– Ну, как ты, Андрюшка? Так всё и протираешь бумагу до дыр? – спросил вдруг художник, закрывая этюдник и поворачиваясь к Дьяконову.

Андрей взглянул на худое с глубокими носогубными складками лицо, но узнал учителя не по нему, а по выглядывающему из-под ворота блёкло-розовому банту.

Святослав Александрович Столбов никогда не был щёголем и, насколько Андрей помнил, всегда приходил на урок в одном и том же сером костюме. Эспаньолки он тогда не носил, однако красный или розовый бант повязывал неукоснительно, подчёркивая таким манером свою принадлежность к творческому сословию. Несмотря на то, что учительствовал Святослав Александрович с прохладцей, равно как реагировал на успехи или неудачи учеников, Дьяконова он выделял. Рассматривая неряшливые, чуть не до дыр затёртые рисунки Андрея, он теребил нижнюю губу, одобрительно мычал, а затем давал краткие, ясные советы.

– Как же вы меня узнали, Святослав Александрович, вы ведь даже не смотрели в мою сторону? – спросил изумлённый Дьяконов.

– Я смотрел, да ты не видел – на этюд мой таращился.

– Но ведь... столько лет прошло.

– Ну, я всё-таки художник – глаз наметанный. А твою варяжскую физиономию запомнить нетрудно. Вы – варяги долгоносые – украшение нации. Не лица – лики. Вас скреби не скреби – татарина не сыщешь. А вот ты меня по банту только и узнал, так?

Дьяконов тогда смутился, а Святослав Александрович пригласил его в своё, как он выразился, «бунгало». Проговорили до вечера. Узнав, что Андрей живописью все эти годы не занимался, учитель расстроился.

– Как же так, не понимаю? Был же у тебя талант, был, я-то знаю. А коли был, не мог ты столько лет просидеть и до кисти не дотронуться. Тебе бы покоя не было: это ж мощная штука – талант.

– А мне и не было покоя, Святослав Александрович. Я только сейчас это понял. – Андрей подумал тогда, что циничный талант его матери к принижению всего, что выходило за рамки её куцей обывательской парадигмы,

оказался помощнее его собственного таланта. Выслушав историю о том, как Дьяконов жил до сих пор и как оказался на свалке, Столбов ещё более утвердился в своём мнении.

– Вот видишь: какой к чёрту из тебя системный аналитик? Ты – артист, и никуда от этого не денешься. – Художник задумался и только через минуту заговорил, перебирая в пальцах бородку: – Кажется, не благочинные парки ткнут наши судьбы, а какие-то зловерные бесенята. – Он взглянул на Андрея. – Как вот в твоём случае. Но тебя, Андрюшка, живопись всё равно настигнет: я видел, как ты на этюд смотрел.

О себе художник рассказал кратко. Жена умерла, дочь вышла замуж. Поселились молодые у Столбова. Зять – выраженный экстраверт. В доме завелись гости. Тесная двушка стала походить, по словам Святослава Александровича, на балаган. Тогда он и ушёл – не в сердцах, но повинувшись некоему инстинкту. Ушёл без определённых планов и соображений, однако с недавних пор стал подумывать о монастыре.

Учитель оказался прав: со дня их встречи мысль о живописи не покидала Дьяконова. Но он не спешил: возвращал, пестовал своё желание заняться делом, о котором подспудно тосковал всю свою жизнь. Нередко, увидев что-либо достойное быть перенесённым на холст, Андрей произвольно начинал перебирать пальцами, будто примериваясь взять кисть.

Утром он первым делом поставил на газовую горелку чайник и вышел к умывальнику. Свистнул пса, но тот не появился.

Позавтракав, Андрей убрал со стола и стал застилать постель. Под окном раздался тяжёлый вздох. Затем на неплотно прикрытую дверь навалилось что-то тяжёлое. Андрей подошёл, толкнул – дверь не шелохнулась. «Эй, здоровяк, ну-ка выпусти меня», – приказал Дьяконов. После его слов дверь открылась беспрепятственно. Он вышел; в колени ему уткнулась тяжёлая голова. Андрей присел перед псом на корточки и, почёсывая его за ухом, завёл дружескую беседу. Немтырь вёл себя странно: поскуливал, поддевал руку Дьяконова головой и оглядывался. «В чём дело, парень? Что не так?» – спрашивал Андрей, стараясь проследить направление собачьего взгляда.

Кусты на краю полянки шевельнулись. Пёс вывернулся из-под руки Андрея, подбежал к зарослям и скрылся в них. В кустах завозились, послышался чей-то возмущённый шёпот. Затем показался Немтырь. Пятясь, он тащил за рукав «китайчонка Ли».

– Я тут случайно проходила, – пискнула девушка, надвигая на глаза бейсболку, – а этот балбес привязался. Извините.

– Знаете, это очень умный пёс. Он без причины никого задерживать не стал бы. Что вы в кустах делали? Следили за мной?

Засунув руки в карманы курточки и опустив голову, Лиза ковыряла в траве носком кроссовки.

– Хотела к вам в бригаду попроситься.

– Какую бригаду? Я ведь один работаю.

– Меня бы взяли, и стала бы у нас бригада.

Дьяконов внимательно посмотрел на девушку, которая так и стояла с опущенной головой, но ничего кроме кончика носа, уголка губ и острого подбородка не увидел.

– Что-то случилось? У вас ведь, кажется, дружная компания подобралась.
– Боюсь я: как дяди Егора не стало, сразу ко мне подвалили. Вчера ещё, под утро. Того и гляди... заташат куда.

– Понятно. Пойдёмте, чаю попью, заодно и поговорим.

Дьяконов собирал на стол. Лиза сидела в уголке в своей обычной позе – с опущенной головой.

– Всё готово, присаживайтесь, – позвал он девушку и добавил, когда та присела к столу: – Сняли бы бейсболку-то, а то вы этим козырьком... нос мне свернёте.

Она хихикнула, взялась было за козырёк, но тут же, отняла руку.

– Может, не надо? Вам неприятно будет...

– Что ещё за глупости. Вы что, лица своего стесняетесь? Кепка не кепка... я ведь не слепой: нормальное абсолютно лицо, симпатичное. Снимайте и ничего не бойтесь.

Лиза сняла бейсболку, взглянула на Андрея и, увидев, как переменялось его лицо, бросилась к выходу. Он вскочил с места, схватил её за куртку.

– Пусти! – всхлипывала она, пытаясь вырваться. – Говорила же...

– Всё, всё, всё хорошо, – нашёптывал он в бело-дымчатый ёршик волос. – Просто... я глаз таких никогда не видел, вот у меня... физиономия и вытянулась. Честно.

Лиза успокоилась и больше не вырывалась, а Дьяконов продолжал поглаживать её по спине и говорить. Он говорил о её немислимой красоте, о слепоте и глупости местных обитателей, говорил, что с удовольствием берёт её в бригаду и что никто и никогда не посмеет её обидеть. Много чего наговорил этим утром Дьяконов, зато к вечеру Лиза уже не опускала голову и улыбалась с долей невинного кокетства.

Когда пришло время спать, Андрей уложил девушку на кровать, себе постелил на полу. Уснуть, конечно, не смог. Слушал шелест листвы за стеной, смотрел на колеблющуюся за окном ветку с пробегающей по ней серебряной рябью и складывал из неверной лунной мозаики лицо Лизы. И её глаза, как-то, конечно же, не могло быть ни у китайцев, ни у инопланетян и вообще – ни у кого в видимой области Вселенной.

Он думал о том, что пришло время покинуть свалку. Предсказание оказалось верным: все его «хотения» исполнились – и даже с лихвой. Ещё он думал, что непременно должен теперь построить дом (а как иначе, коль хозяйку и сторожа для него он уже нашёл?), думал о своих будущих картинах, на первой из которых будет изображено то, что он сейчас видел перед собой – лунное укиё-э.

А потом, когда веки Андрея сомкнулись, ему явился достопамятный «новогодний» бродяга. Морщины его куда-то пропали, вмятина – тоже. Он был чист, светел и под воротом его рубашки красовался розовый бант.

– Вы настоящий провидец. Спасибо вам, – то ли сказал, то ли подумал Андрей.

– Да брось, парень, какие из нас, синяков, провидцы? – отвечал бродяга сквозь шелест листвы. – Я обычный пустомеля и враль. Ты разве ещё не понял? И неважно, что я тебе тогда сказал, важно то, что ты услышал. – Он что-то ещё говорил, поводя перед собой рукой, но слов было не разобрать: голос тонул в шелесте листьев.

Сундук

В конце октября распогодилось, так что избегающий по косогору прогон к Соломенцам Блинов преодолел без затруднений (в дожди это было делом почти безнадежным). Тем не менее, машину пришлось оставить на обочине прогона: деревней не проехать – сплошь ухабы. Захватив саквояж, Блинов пошагал к дому. Дорогой останавливался, смотрел, узнавал – и не узнавал. Да и то сказать: пятнадцать лет здесь не был. Одни дома почти не изменились, другие, заброшенные, по окнам заросли бурьяном.

Андрей Михайлович Блинов, тридцатилетний питерский чиновник, приехал наконец на малую родину, исполнив, как он считал, свой моральный долг. Он, в общем-то, должен был родиться в Ленинграде, но его матери, когда она была уже на девятом месяце беременности, приспичило побывать на родине. Приехала, не погостила и недели, как Андрею, тогда ещё безымянному, захотелось на волю – тоже, видно, приспичило. Так он и появился на свет – несколько преждевременно и не в Питере, как планировалось, а в захолустной деревушке Соломенцы Тверской области.

Он не только родился в Соломенцах, всё его детство прошло под знаком этой ничем не примечательной деревеньки. Мать возила его туда при каждом удобном случае, и два раза, уступая просьбам родителей, у которых Андрей был первым внуком, оставляла его там на всё лето. Он и осознал себя впервые – как, по крайней мере, ему помнилось – на какой-то благоухающей лужайке неподалёку от бабушкиного дома. А позже, в школьные годы, Блинов проводил в Соломенцах все без исключения положенные школьникам каникулы. Словом, деревня эта была его малой родиной отнюдь не формально.

В старших классах права на душу Блинова предъявил Питер – и потеснил Соломенцы. Андрей стал бывать в деревне реже, а после смерти бабушки (дед умер значительно раньше) и совсем перестал приезжать. Университет, аспирантура, затем разного рода карьерные пертурбации – всё это поглощало время с бесперебойной методичностью механизма. Блинов по-прежнему любил Соломенцы, думал о них и даже тосковал, но какая-то тайная, глубоко спрятанная мысль придерживала, не пускала его туда до поры. Временами у него возникало подозрение, что свою занятость он подсознательно использует как повод, чтобы туда не ездить. Однако заниматься самокопанием Блинову действительно было недосуг, особенно после того как подтвердились слухи о его повышении.

Последние дни он был сам не свой: новая должность означала переезд в Москву, и нелегко было привыкнуть к мысли, что теперь он будет бывать в Питере только в статусе гостя; к тому же не давали покоя странные приступы, которые – чего Блинов всерьёз опасался – могли оказаться предвестниками серьёзного недуга. Началось это несколько месяцев назад. В тот день, с утра, он всё что-то торопился, всё как-то у него получалось неуклюже, нескладно. Опаздывая на утреннее совещание, он размеренным шагом, не торопясь – начальник всё ж таки, – зашёл в офис, глянул мимоходом в настенное зеркало и, сделав несколько шагов, остановился. Что-то было не так. Он осмотрелся (не видит ли кто) и вернулся к зеркалу: волосы растрепались, галстук чуть сбился и – лицо было не его. Из зеркала на Блинова смотрел незнакомец, чужак с ледяным взглядом канцеляриста. Вечером того же дня, запершись в ванной, Андрей всматривался в своё отражение – и чем дольше всматривался, тем больше себя не узнавал. Как он ни старался себя убедить,

что ничего мистического в этом нет и быть не может, выныривающий из зеркала ксеноморф пугал его не на шутку.

Загадочная напасть лишила Блинова покоя. Начало беспокоить поведение жены: она стала необыкновенно внимательна к нему, предупредительна и даже нежна. Сюсюкала как с маленьким. Блинова одолевали мрачные фантазии: «А вдруг она в сговоре с тем, зеркальным перевёртышем? Усыпляет мою бдительность и ждёт не дожждётся, когда он займёт моё место?» – думал он, притворяясь перед собой, что просто иронизирует по поводу своих страхов. Жалела его и дочь Аня: «Папочка у нас бедненький, опять сегодня ночью во сне плакал», – говорила девочка, глядя его по голове. Подозревать ребёнка Блинов, разумеется, не мог, но рассказам о своих ночных слезах не слишком верил: девчушка любила пофантазировать.

Таким образом, Блинов оказался перед дилеммой: к врачам обращаться нельзя – иначе прощай карьера (психиатрический диагноз стал бы для него приговором), а без врачей болезнь может обостриться. Так что поездка на родину была для него, можно сказать, той самой соломинкой – последней надеждой на исцеление.

Вот и бабушкин дом – чуть просел, скособочился, крыша позеленела. Однако двор выкошен, огородик выполот (тётушка Блинова проводила здесь каждое лето). Блинов открыл замок, вошёл. Постоял у порога, оглядывая разделённую перегородкой комнатку. Да, мала избушка, а раньше этого не замечал: сам был невелик. Он сходил за дровами, затопил печь (подивившись, что справился с этим без заминок, что не разучился), прилёг на кушетку у голландки и задремал. Разбудили голоса. Взглянул в окно: у соседнего дома, в котором поселились мигранты из Таджикистана, балагурила группа смуглых людей. Неподалёку, над костром, исходил паром закрытый казан.

Блинов включил чайник, достал из саквояжа продукты. С кружкой чая и бутербродом прошёл по комнате, сел на кушетку. На стене фотографии: юная бабушка в кудрях; дед – молодой, но уже с солидной лысиной лейтенант; прадед – седобородый статный старец.

Допив чай, Блинов вышел в сени. Присел у оконца, закурил. Он был взволнован: сейчас он поднимется на чердак и увидит сундук с музыкой – паноптикум своих детских грёз. Эта давнишняя история была для Блинова не просто случайно запомнившимся эпизодом детства, не безделицей – это воспоминание стало ключом к его ментальному убежищу, к его горенке со звездой, где он время от времени уединялся.

Странное дело: тогда, в детстве, когда доступ к вожделенному сундуку был свободен, маленький Андрей заглянул в него всего лишь единожды и, хотя желал повторить этот опыт страстно, так и не повторил. Он был настолько очарован первой своей ревизией, настолько одурманен проникновением в чердачные тайны, что, по словам бабушки, бредил во сне той ночью. Весь следующий день, запутавшись в ощущениях, он ходил как потерянный: не мог разобраться, где сон, а где явь. На чердак он так больше ни разу и не пошёл. То ли дожидался момента, когда в доме никого не останется, чтобы действовать без оглядки, да так и не дождался, то ли – как ему теперь казалось – не мог преодолеть смутного подозрения, что никакого сундука он там не найдёт. Словом, всё напоминало ситуацию с котом Шрёдингера: сундук этот и существовал и не существовал одновременно.

Начало этой истории скрывалось в тумане совсем уж ранних детских впечатлений. Почтительное любопытство к непостижимой и недостижимой территории чердака возникло у маленького Блинова сразу, как только он увидел сиреневатый заключённый в суровый треугольник стропил сумрак. Любопытство и почтительность утроились, когда он узнал, что в глубинах этого пирамидального святилища хранится сундук с музыкой. Однако преодолеть нескладную, со слишком широко расположенными поперечинами приставную лестницу Андрей сумел только на следующее лето. Он хорошо запомнил тот день: падающий из чердачного оконца золотой луч; запах сухого дерева и хрипловато-протяжная с колокольчиковым перезвоном мелодия, которой встретил его открытый сундук. Дальше память начинала мудрить, путая зрительные образы с ощущениями. Блинов, например, хорошо помнил фактуру вещей, их увесистость или же легковесность; помнил исследовательский трепет, с коим он эти вещи перебирал (он залез внутрь сундука и устроился в уголке, присев на корточки), но вот запомнилось ему немного. Книга в кожаном переплёте, из которой сыпался желтоватый прах от цветка-закладки; письменный прибор на мраморной доске с чернильницами и подсвечником; веер синего шёлка, разрисованный белыми птицами; записная книжка с монограммой; статуэтка крылатой женщины с орлиными лапами, – всё, что сохранилось в его памяти. Остальное виделось ему точно под слоем текущей, бликующей воды.

Вспоминая об этих артефактах чьей-то канувшей в небытие жизни, Блинов думал (не без зависти) о том, насколько, должно быть, интересной, насыщенной была эта жизнь, коль даже соприкасавшиеся с ней вещи обладали такой притягательностью. Не однажды он мысленно рисовал кабинет хозяина этих вещей и уже «обжился» там. Ему представлялась сумрачная, с видом на дикий скалистый ландшафт комната; гравюры на стенах; шкафы с тусклым золотом книжных корешков; стол у арочного окна, а на столе – письменный прибор с подсвечником и статуэтка гарпии (те самые – из сундука). Словом, обитель высокой мысли грезилась Блинову.

Затушив сигарету, он прошёл в чуланчик за перегородкой. Взявшись за лестницу, смотрел на край сруба, на уходящие в сумрак чердака стропила и неожиданно – как тогда, в детстве – почувствовал сомнение: стоит ли? А вдруг кроме старых прялок, хомутов и прочего хлама он ничего там не найдёт? Тут постучали в дверь, Блинов вышел. У крыльца стоял молодой, азиатской наружности мужчина; в руках – тарелка с пловом.

– Здравствуйте! Вот, угощайтесь, пожалуйста, – сказал он с лёгким акцентом и спросил: – Вы ведь бабушкин сын?

Приняв тарелку, Блинов улыбнулся:

– Племянник.

Поблагодарив соседа, он занёс угощение в дом и вернулся в чулан. Снова взялся за лестницу и – снова не смог решиться. «Успеется, не убежит твой сундук, подождёт до вечера», – сказал себе Блинов. Ему ещё предстояло побывать на кладбище, проведать могилки деда и бабушки. Добираться решил пешком. Тронулся было к большаку, но хлопнув себя по лбу, остановился: совсем забыл о тёте Кате Мишинкиной, дальней родственнице. Собирался навестить старушку, коробку конфет купил – и забыл.

Он вернулся в дом, захватил конфеты и отправился к тётке Кате. Дорогой не встретилось ни души. Подошёл к аккуратному, обшитому тёсом домику, потянул дверь – заперто. Постучал в наличник. За стеклом возникло старушечье личико. Окно открылось.

– Тебе, милый, кого?

– Здравствуйте, тётя Катя. Не узнаете?

Старушка моргала, щурилась – и не узнавала. Блинов её пожалел, назвался.

– Батюшки светы! Андрюшка!.. Сейчас открою...

Пока сидели за чаем, Блинов подметил, что тётя Катя вопросы задавала не по обычаю просто и прямо, а как-то исподволь выпрашивала: всё ли с семьёй хорошо; все ли здоровы; здоров ли сам – и смотрела с состраданием, чуть ли не со слезами. «Чудит тётя Катя, – думал Блинов, – совсем старенькая стала. Возможно, даже путает меня с кем-то...»

Распрощавшись со старушкой, он вышел за околицу и полевой дорогой тронулся в сторону Плотниково, соседней деревни. Хотелось на знакомые места взглянуть, а смотреть-то, как оказалось, не на что: куда ни глянь – сорняк стеной. На обочинах борщевики – трёхметровые орясины – ни дать ни взять уиндемовские триффиды. Дошагал до Плотниково. На перекрёстке возле «Жигулей» с поднятым капотом топтался бородатый мужик. Блинов присмотрелся и с трудом узнал Сергея Ёлкина, с которым немалое время приятельствовал в детстве. Подошёл, протянул руку:

– Здравствуй, Серёжа.

– Здравсте. А вы, извиняюсь, кто будете?.. Что-то не припомню...

– Да ты что?.. Я ж у вас и дневал и ночевал...

– Погоди-ка, погоди-ка... – хмурился возмужавший Серёжа. – Саня Воробьёв? Ты что ли?..

Слегка раздосадованному Блинову пришлось назваться. Поговорили. У Серёжи Ёлкина, по его словам, всё было «в ажуре»: скота немерено и всё прибывает, так что, дескать, семья в достатке. Поинтересовался, по-прежнему ли Блинов «грызёт гранит науки», а когда тот ответил, что давно уже наукой не занимается, удивился и вроде бы даже огорчился. И отчего-то замаявшись, спросил: «Слушай, Андрюха, у тебя всё ли ладно? А то я тут с расспросами... Ты уж извини, если что, лады?» Заверив Ёлкина, что у него всё хорошо, Блинов с ним распрощался и двинулся дальше.

Проходил Дубровкой – деревней, за которой располагалось кладбище. Дубровка изменилось мало, только стало безлюдно, как не бывало даже в страду, когда всей деревней отправлялись на косьбу. Пару раз наперерез выскакивали дворняжки, тявкали для проформы, подхалимски крутили хвостами, попрошайничали.

Дорога юркнула за крайний дом, впереди завиднелся погост. Холм, увенчанный древними деревьями, осел, расплылся. У подножья холма светил огонёк рябины – там могилы деда и бабушки. Блинов зашёл за ограду, присел на скамейку. Смотрел на овальные фотографии и мягчел душой. Деда он почти не помнил, а вот бабушка до сих пор оставалась для него главным человеком в жизни. Ни с кем больше Блинов не чувствовал такого сердечного родства, как с ней – суровой с виду, но бесконечно доброй простушкой. Припомнился её округлый, окающий говорок и следом – один их разговор, когда ещё в пору студенчества он заехал как-то в Соломенцы. Он тогда ел на кухне, а бабушка с мухойкой в руках неторопливо преследовала зудящее насекомое. «Колька

Голованов в начале лета приезжал. Машина большая, видно, что дорогушая, и шофёр нанятой, – говорила бабушка, выцеливая муху. – В начальники, говорят, выбился Колька-то. Прохаживался всё по деревне: давно не был, соскучился видать. Сытенький такой, бодрый с виду, а смотрит как собака хворающая. Что-то у него не так».

Обратной дорогой Блинов раздумывал: к чему тогда бабушка вспомнила Кольку Голованова и почему этот, ничего не значащий разговор ему запомнился? Так и не разгадав бабушкиной притчи, он вспомнил о сундуке. Подумал, что не будет больше откладывать и на этот раз непременно поднимется на чердак.

Снова проходил Дубровкой. На скамейке под окнами смутно знакомого дома сидели два мужика, выпивали.

– Ну что, дожили – теперь по кустам, да по баням прятаться не надо? – заговорил Блинов, подходя к выпивохам. Борю Кадетова он узнал по шраму на верхней губе, Володю Морозова – по незаурядной курносости. Улыбался, конечно, Блинов, подходя к товарищам детских игр, но улыбка выходила натужная, не по себе стало: оба на год только его постарше, а на вид – пенсия не за горами.

Мужики смотрели насторожённо, руку Блинову пожимать не спешили.

– Что за ерунда – никто не узнаёт! – смеялся Блинов. – Очками пора обзаводиться, черти слепощарые...

Наконец узнали. Порадовались. Налили Блинову стопочку; спрашивали осторожно о жите-бытье – и поглядывали с сочувствием.

– Да что вы все на меня как на убогого смотрите? – не выдержал Блинов. – Всё у меня в порядке – зарплата хорошая, семья, все здоровы...

– Верим, верим... – выставил ладони Кадетов и, меняя тему, спросил: – Ты уж, небось, в профессорах ходишь?

– Да нет, давно уже не в науке. Другим занимаюсь.

– Понятно... – протянул Кадетов. – Ты ведь, помнится, помешанный был на науке-то – весь косогор за околицей ископал. Город, мол, там какой-то, под косогором-то... Помнишь?..

– Помню, – сказал Блинов, поднимаясь. – Ладно, ребята, пора мне.

– А водочки-то как же? Посидели бы тихо, мирно...

Сославшись на неотложное дело, Блинов отказался. Он пожал друзьям руки и пошагал из деревни. Шёл быстро, по сторонам уже не смотрел и раздражённо кривил рот. Как стоворились: никто не узнаёт, жалеть принимают. У одного из бородищи солома торчит, машина-драндулет только на проволочках и держится; двое других посреди дня пьяненькие сидят и – смешно сказать – кого-то ещё жалеют...

Чуть поостыв, Блинов вспомнил о предстоящей вылазке на чердак и – остановился от поразившей его мысли. Разве самодостаточный, состоявшийся, уверенный в себе человек погнался бы за детскими воспоминаниями, за какими-то эфемерными безделушками? «Постой, – сказал он себе, – разве ты неудачник, разве ты хоть в чём-то похож на этих деревенских недотёп?» Он начал было выстраивать по ранжиру свои начинания, достижения и приобретения, но привычная мантра самоуспокоения отчего-то не сработала.

Морщась от едких мыслей, Блинов пошагал дальше. Вот бабушкин сказ о Кольке Голованове и пришёл к месту. Наверное, и он, Блинов, «смотрит как собака хворающая» – недаром ведь люди жалеют. А поначалу не узнают. Видно потому, что начальственность в кровь вьелась, на лице

отпечаталась, как у того чинуши рыбглазого в зеркале. Да и то сказать: полжизни на страже точно сурикат у норки – как бы значительность свою не проворонить. Как же: аспирант-историк – и вдруг оба-на! – зам. директора департамента... чего бишь там?.. Да это и неважно – департамента чего. Важно, что Департамент. Только вот интересно, каким образом подающего надежды аспиранта-историка могло очаровать это громоздкое, похожее на сдвинутые парты слово? Этого ему, пожалуй, уже не припомнить. А вот мечты и даже сны свои о Шумере, о золотых идолах Месопотамии – он хорошо помнит. Ведь ещё там, на чердаке, семилетним мальчишкой он почувствовал себя исследователем, искателем и хранителем – и на тебе, всё бросил. На фальшивую значительность променял. Поманили должностью, и побежал как собачонка бесхозная. Ещё бы: перспективы! Жизнь-то одна – не прозевать бы, не упустить своего... И вот что из этого вышло: с ума стал сходить аспирант. Сам себя умудрился потерять, настолько привык лицедействовать. Проницательный такой, суровый дядька – всё, мол, у него под контролем. А сам от зеркала шарахается как старуха суеверная? Так каков же он на самом деле этот бывший аспирант Андрей Блинов? Вспомнит ли?..

Так, в жесточайшем приступе самоедства прошагал Блинов мимо Плотниково и на подходе к Соломенцам почувствовал усталость. Он сбавил шаг и брёл, глядя на поредевшие кроны тополей над избами. Только раздражающее беспокойство вызывал вид этой деревни на косогоре – ничего больше. Пустой оказалась эта затея с поездкой. Ничего он тут не нашёл, только душу разбередил.

Дошёл до дома, встал у крыльца и, облокотившись на перила, стал смотреть на навозную кучу. За кучей мычала корова; два голоса лопотали что-то не по-русски. Блинов зашёл в дом и, не раздеваясь, лёг на диван. Собрался всё обдумать, однако не вышло – уснул.

Проснулся от тишины. Только над головой негромко: туки-тук, – старые часы на стене. – Туки-тук. – Блинов приоткрыл глаза. Странное состояние – голова будто наполнена крупными перламутровыми икринками. Икринки лопались после каждого «туки-тук», разрешаясь ясными, внятными мыслями. Он поднялся, включил свет и подошёл к зеркалу. Ну, конечно же, это он, Андрей Блинов, крепкий русоголовый парень со спокойным немного сонным взглядом. Только заматерел: черты заглубели, брови разрослись – точь-в-точь как у прадеда на фотографии, да нос, кажется, слегка покрупнел. Но это он – не чужак с замороженными глазами. Кончилось наваждение.

Второй раз он не засыпал долго: думал о предстоящих переменах в своей накренившейся жизни. Тридцать шесть – не старый ещё – успеет наверстать. Не всё, конечно, но кое-что успеет. Тем более, дело, к которому был призван и которое (чего уж там – предал) всё ж таки не забывал, – постукивал вечерами за компьютером. Почти полтысячи страниц настукал. Немного за десять с лишним лет, но, если постараться, можно из этой полтысячи диссертацию скомпоновать. И главное – в Москву он теперь не поедет. Дело решённое.

Только теперь Блинов начал понимать, насколько плохи были его дела. Возможно, до психушки и не дошло бы, не исключено, что так и начальствовал бы до почётной пенсии. Но как же, должно быть, горько осознать на исходе дней, что не свою прожил жизнь, что не жил – мыкал. А ведь могло так случиться, если б не сундук. Ведь сколько лет этот чудодейственный ретранслятор не давал ему окончательно переродиться в того зазеркального

канцеляриста; манил его все эти годы, звал сюда, в место, где на благоухающей лужайке он впервые осознал себя. Звал, чтобы излечить, собрать воедино его раздробленную на множество ипостасей самость.

Проснувшись утром, Блинов с опаской заглянул в зеркало: нет, не показалось, – по-прежнему – он, даже как будто помолодел. Посидел у окна, глядя на повеселевшую от ясного утра деревню, позавтракал и стал собираться. Уходя, он приостановился в сених, посмотрел вверх, где у перекрестья стропил прилепилось ласточкино гнездо, улыбнулся и вышел.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

ЕВГЕНИЙ ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодёжи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Пушкин с нами

Россия – его территория

...Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в век жестокий мой восславил я свободу...

Александр Пушкин

Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил
Россию возмутительными стихами, вся молодёжь
наизусть их читает.

Император Александр I

Глянешь вокруг – люди.
А кто они – если по сути?
Привычка у нас всех:
Делить их на этих и тех.

Встречаются дюже умные,
А то и просто бездумные.
Хотя и ошибки просты:
Дурак вдруг не он, а ты.

Чист или в чём-то не чист,
Фашист или антифашист.
Вот тон задаёт патриот,
А против – совсем идиот.

Тот и упрям, и зол,
А этот – упрямый козёл.
Тот – продувной либерал –
Всё спорил, а больше орал.

Но, может быть, хватит мистерий?
Пока не порвётся нить,
Ещё вам один критерий
Для споров хочу предложить –

Чтоб каждой мысли и сценке
Свои называть оценки –
Стране, отцам и друг дружке.
А символ – «Ты и Пушкин».

Нам с вами знакомо это.
Великое имя поэта
В наших делах не однажды
В оценках наших сограждан.

Он и сегодня народу
Близок, как рыцарь Свободы,
Кто лирой добро пробуждал,
К высотам людей звал.

Мыслимо или немислимо?
Тьма или всё же свет?
Всё, что по Пушкину – истинно,
Что не по Пушкину – бред.

Какой бы флаг ни носили,
И он уже сотни лет
Неотделим от России.
России без Пушкина нет.

Бывало и как на фронте,
Но прятали чаще глаза.
Не то чтобы прямо против,
Но и совсем не за.

По именам не знали.
А то их и называли,
И даже определённо:
Стоящие там, у трона.

Сейчас они есть тоже,
Бог видит, уже помоложе.
Мы знаем про эти лица
У нас и там, за границей.

Вот на Украине мова.
Нашли же такое слово,
Широкое и узкое –
Плевать им на всё на русское.

А рядом что? Это Молдова,
Где Пушкина помнят младого.
Встречали его и любили,
Да и друзьями были.

Но кто, дней не помня памятных,
Набросился вдруг на памятник?
И тут, как по старой квитанции,
Поддержка аж прямо из Франции.

Чьи-то заметки из прошлого:
О Пушкине что-то пошлое.
Кусочки какой-то грязи
Теперь с Кишинёвом на связи.

Собрал тот же самый французик
По-нашему туп и узок,
Тот, кто у Чёрной речки
Настырно и без осечки
Нанёс ту последнюю мету
На яркую жизнь поэта.

Кто-то твердит речисто:
Дуэльная смерть – не убийство.
Но здесь – никаких сомнений:
Ведь это всемирный гений!

Весь мир – его территория.
И сдаст ли его история?
Чтоб как-то хоть чуть оправдаться,
Французик жаждал не сдаваться,

Ни с чем и ни с кем не мирясь,
Стал собирать грязь.
Была ему тихая радость
Про Пушкина петь гадость.

Но как ни крутиться, ни виться,
Он остаётся убийцей.
Его аргумент тонок.
Теперь он ещё и подонок.

Теперь сквозь времён потёмки
Тащат его потомки.
Их строки жидки и тонки.
Такие ж, как он, подонки.

Пушкин – то наше знамя,
Пушкин всегда с нами,
Его дочерьми и сынами.

Россия – его территория,
С ним – и её история.
Пушкинским словом речисты,
Мы – пушкинцы и пушкинисты.

В Пушкинский день наша
Полнится, полнится чаша.

Как слово великого росса

Декабрьские нам – не морозы,
Не бодрый июльский гром,
И даже не майские грозы
Снежинками и дождём.

Ничто нам не бьёт в уши,
Ничто нас не может отречь.
И уж ничто не приглушит
Звучащую русскую речь.

А речь – это наша проза –
Животворящий бальзам –
Как слово великого росса
Сам Пушкин оставил нам.

Но что-то арбатское, тушинское
В потоках трескучих фонем.
Не всё в языке пушкинское,
Наверно, понятно всем.

Да, в жизни не только розы.
Дом наш – не только дом.
От быта, от серой прозы
Так часто мы устаём.

И чтоб никакой депрессии –
Иного и нет пути, –
Я через прозу к поэзии
Советую вам пойти.

Купание красного коня

Дело происходило на юбилее ректора. Попал я на торжество не случайно. Много лет назад моей пациенткой оказалась славная девчужка, которой удалось своевременно установить диагноз острого аппендицита. Это была дочь будущего ректора. А в последнее время меня приглашали смотреть и консультировать милых и забавных внуков ректора – детей дочери, превратившуюся теперь в очень привлекательную и элегантную даму.

На торжественную часть юбилея с речами, вручением букетов, адресов и подарков по большой занятости в рабочее время я вынужденно опоздал. Хорошо, что хоть к праздничному столу успел. Как друга семьи, меня усадили близко к юбиляру, как раз рядом с его красивой дочерью.

Как только все расселись, со своего места поднялся высокий сухощавый седовласый мужчина лет шестидесяти, стройный, изящный, в великолепном синем костюме, прочерченном модным красным галстуком. Без какого бы то ни было предварительного замечания или вступления тамада начал так:

– Жил да был ставший потом очень известным художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. Родился он ещё в царское время, а жизнь свою окончил уже в советское. Происходил он из города Хвалынска, а двойную фамилию получил от деда Петра, детей и внуков которого называли то Петровыми (по имени деда), то Водкиными, так как сапожники Петровы пили и гуляли так, что об этих их художествах знал весь город. Мать будущей знаменитости подрабатывала мытьём полов в большом барском доме с садом, а Кузьму устроила туда же помощником садовника. Будучи грамотной женщиной, умевшей и читать, и писать, она научила этому сына дома, что позволило Кузьме поступить в церковно-приходское училище и через положенные четыре года окончить его.

Желание рисовать и способности к этому занятию проявились у Кузьмы ещё в училище. Дальнейшая жизнь в юные и молодые годы была

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защищал кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

у Петрова-Водкина трудной, порой неустроенной, полуголодной, но с явным рвением к рисованию, живописи, искусству, образованию. Он и учеником иконописца работал, и в бригаде рабочих, ремонтировавших волжские суда. А вот систематического художественного образования Кузьме получить не удалось. Один год он учился в классах живописи и рисования в Самаре, ещё год осваивал техническое рисование в училище Штиглица в Петербурге, потом два года провёл в стенах Московского училища живописи, ваяния и зодчества, затем по несколько месяцев в частных рисовальных школах Франции и Германии.

В один из дней, взяв в аренду велосипед, Кузьма отправился на нём из России путешествовать по Европе. Используя такой оригинальный способ передвижения, Кузьма побывал в Варшаве, Праге, Мюнхене, Генуе, Париже, Лондоне и даже в Африке, а потом некоторое время жил на юге Италии и в Риме. До начала Первой мировой войны Кузьма Сергеевич вернулся в Петербург. А потом было полунищенское существование в столице и работа, работа, работа.

Самые знаменитые его картины знают многие. Это «Сон», «Мальчики», «Купание красного коня», «Девушки на Волге», «На линии огня», «Жаждающие кони», «Петроградская мадонна», «Тревога», «После боя», «Землетрясение в Крыму», «Смерть комиссара» и многие другие.

Известно, что когда «Купание красного коня» впервые показали на выставке, у этой картины более часа задержался Илья Ефимович Репин. Он долго и неотрывно рассматривал её, а потом глубокомысленно изрёк: «Да, этот художник талантлив!»

«Купание красного коня» Петров-Водкин написал ещё в 1912 году. А потом в Петербурге в 1917 году произошла Февральская революция, затем Октябрьская. Жизнь стала ещё более трудной, суровой и опасной.

Советская власть в лице своих карающих органов чуть было не расстреляла художника. Вместе с Блоком и Пришвиным его арестовали по подозрению в причастности к бунту левых эсеров. К счастью, через двое суток заключения органы признали, что «ошибочка вышла», и выпустили всех троих на волю.

Но прошло немного времени, и довольно скоро новая власть признала и подходящее пролетарское происхождение Петрова-Водкина (сын сапожника), и его талант. Художника назначили на ответственные посты заведующего отделом по делам искусств Петроградского Совета и председателем правления Союза художников Петрограда, а ещё через некоторое время избрали профессором Академии художеств.

По отзывам современников, Кузьма Сергеевич был человеком принципиальным, но прямолинейным, лобовым. Из-за отсутствия систематического светского и художественного образования он не воспринимал во взаимоотношениях с людьми тона и полутона, нюансы и жёстко проводил в жизнь принципы, которые искренне почитал единственно правильными. Из-за суровой принципиальности за глаза его называли «диктатором». Конфликты у него были с такими очень известными в будущем художниками, как Бакст и Добужинский. А уж директор Академии художеств Исаак Бродский воспринимался Петровым-Водкиным как заклятый враг...

А вот теперь представьте себе такой яркий, неординарный день. В Академии художеств идёт заседание, посвящённое 50-летию юбилею её директора – Исаака Бродского. Маститые художники – академики и

профессора – чередой произносят посвящённые юбиляру обдуманые, красивые и остроумные речи, в которых звучит всеобщее восхваление и поклонение. Как всегда в таких случаях, эпитеты и высшие оценки переливаются через край всеобщей сладкой патокой.

Когда почти все высказались, поднял руку Петров-Водкин и, набычившись, направился к трибуне.

«Тут много говорили о заслугах Бродского, – начал Кузьма Сергеевич, – но никто не сказал о нём самого главного. До недавнего времени в уборных Академии было ужасно грязно, стоял отвратительный запах. Однако после серьёзного ремонта это удалось устранить. И всё это произошло с приходом к нам уважаемого Исаака Израилевича».

И при общем обескураженном молчании Петров-Водкин победно сел на своё место.

Я для чего вспомнил эту историю? – лукаво спросил тамада. – Надеюсь, догадываетесь. Во-первых, для того, чтобы на нашем юбилее таких казусов не было. А во-вторых, чтобы дать всем будущим застольным ораторам руководящее указание, которое один малоизвестный поэт-юморист сформулировал так: «Когда пришёл на юбилей, то ешь и пей, и пой елей»... Но прежде, чем поднять бокал и выпить, разрешите преподнести юбиляру подарок.

В этот момент двое молодых мужчин подошли к тамаде с большим прямоугольником, завернутым в белое покрывало. Когда покрывало сняли, все присутствующие ахнули. Это оказалась мастерски выполненная копия картины Петрова-Водкина «Купание красного коня».

А надо сказать, что юбилей ректора проходил через полгода после капитального ремонта здания института, окрашенного в тёмно-красно-малиновый цвет, и всем, приехавшим отметить это событие, прежде всего бросились в глаза сверкавшие чистотой и неиздававшие неприятных запахов новые европейского уровня туалеты...

– За тебя, дорогой юбиляр, и за все твои заслуги! – торжественно произнёс тамада.

Вот так, иносказательно и остроумно, один большой человек поздравил другого и отметил главную заслугу юбиляра – окончание долгожданного и многолетнего ремонта во вверенном ему институте...

Тон был задан.

И если вправду, то более непринуждённого и весёлого юбилея я не припомню.

ПОЭЗИЯ

Марина ЗАЙЦЕВА
(ГОЛЬБЕРГ)

Марина Зайцева (Марина Дмитриевна Гольберг) – член Союза писателей России, член Содружества писателей г. Варны (Болгария). Автор более 20 книг стихотворений и прозы. Публиковалась в журналах «Сахалин», «День и ночь», «Дальний Восток», «Сихотэ-Алинь», «Аврора», «Смена», «Юность». Лауреат Премии губернатора Сахалинской области. Отмечена наградами МГО СП России. Стихи переведены на болгарский язык.

Живёт в Москве.

Осенняя нежность

Осень

Дикарка!
Язычница!
Ведьма!
Вещунья!
Ты бродишь опять
по лесам и по долам.
И птиц ты на юг прогоняешь.
Бесшумно
Листву возжигаеть,
сметаешь подолом.
Ты – осень!
Чьи очи русалочьим светом
В озёрах мерцают – глубоких и тёмных.
И мечется эхо любви недопетой
В пустых перелесках, озябших и сонных.
Хозяйка! Владычица!
Дань собираешь
Плодами, делами ли...
Требуешь строго.
Деревья – и те донага раздеваеть.
А что обещаешь –
исполнишь не много.
То солнцем пригреешь,
то вихрем обдуешь –
Изменница, ветреница, вероломка!
Какой ты мне морок
опять наколдуешь? –
И скроешься...
След твой загладит позёмка.

Осенний диптих

1.

Октябрь утрами холодит,
И зримее парок дыханья.
Но крон осенних полыханья
Знобящий шквал не укротит.

Навеки бы в глуши лесной
Пропасть, исчезнуть, раствориться, –
Где, словно пёрышки Жар-птицы,
Листва кружится надо мной.

В багряно-пламенных лесах
Давным-давно мы бродим порознь.
В моих краях туман да морось –
И солнечно в твоих краях.

В душе стихает суета
От летних взбалмошных желаний.
К тебе нет брода. Нет моста.
Леса пылают между нами.

2.

В ночь октябрь уплывал.
И листву на ходу
С крон горящих сорвал –
Словно свечи задул.

Где-то невдалеке
Громыхала гроза.
Ты ушёл налегке,
Ничего не сказав.

Бродит эхом в душе
Чувств былых перезвон.
Завершился уже
Перелётный сезон...

И заката кармин
Выгорает во тьме.
Тучны гроздья рябин,
Это – к лютой зиме.

Утро туманное...

Засыпая позолотой
Землю, кружатся шурша
Листья, и минорной нотой
Долго вторит им душа.

В голых кронах баритонит
Ветер ночи напролёт.
В белой мгле тумана тонет
Обессиленно восход.

Невесомо и бесшумно
Отлетает ангел сна.
Ты в окно глядишь бездумно –
Непроглядна белизна...

Но, пробив заслон слепящий,
Солнце ворвалось, горя, –
Словно в поезд отходящий, –
В день последний октября!

В окнах иероглифы ветвей
Медленно читаю.
Смысл их вечен.
Их рисунок
Строг и безупречен –
Без излишеств разных и затей.
Словно чёрной вычерчены
Тушью.
Видно, гений
Кисточкой водил:
Графику скупую, мысль и душу
В триединстве тонко воплотил.
Снова книга осени раскрыта
Мною со срединного листа.
Только воробьи
Галдят сердито:
«Всё в ней, знаешь, общие места...»
Знаю, критиканы-торопыги,
Вы-то все прагматики. А я
Лишь подтекст читаю
В этой книге,
Опуская скуку бытия.

Чистый лист на солнечном луче

Соседская Галинка влетела к Еланцевым:

– Тётя Лиза, айдайте к нам! Мама с тятёй на покосе, я домовничаю, а дедушка помирает. Вас зовёт! Я на покос, а вы к бабушке!..

Встрёпанная, выпалила и, причитая по-бабьи, убежала.

Заполошенная девчонка, даже внимания не обратила, что тётя Лиза в постели, под одеялом. Прихворнула, знобит. Слабым голосом позвала сына; он полтел в огороде картошку.

– Коленка, я занедужила, а дед Иван исповедоваться хочет. Пойди, сынок, исповедуй! Ты же верующий, тебе можно.

– Да ты что, мама? Я же не священник! Какой из меня исповедник!

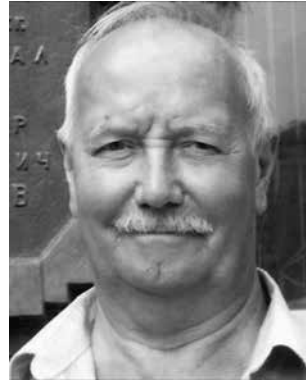
– Больше некому, Коля. И отойдёт Иван Лаврентьевич в мир иной во грехах, мытарем. Должно спасти раба Божьего! Поспешай, сынок!

– А что говорить надо?

– Когда изольёт душу, помолись и скажи: «Отпускаются тебе твои грехи, раб Божий Иване!..»

Николай напомнил себе Иисусову молитву; трижды осенил себя крестным знаменем, закрепляя навык. Удивился: почему «Иване»? Видно, так уважительно по-церковному принято. Ну, матушка, добрая душа. Не священница, простая крестьянка, а все к ней за советом, за помощью: хворые, умирающие. Безбожники все церкви порушили: руины, склады, гаражи, в иных дуст хранят. Одна, действующая, в городе. А веру у людей не истребить. Волмянка почти вся верующая. Даже партийцы не сторонятся. Правда, есть и упёртые, атеисты. Матушка снисхождение к ним выказывает: не созрели, рано-поздно возрастут духовно. Каждая душа – христианка. Хотя бы часоу в деревне с батюшкой! А пока отрок Коля Еланцев за него!..

Имея неотложное высокое поручение, Коля порассуждал, потрепал лохмача Бурана, почухал борова Борьку – и спохватился, побежал к дому Шубиных. С замиранием сердца, боясь

Владимир Николаевич Вещунов – родился в 1945 г. Окончил художественное училище и педагогический институт. Работал дизайнером, воспитателем детского дома, учителем в рыбацком посёлке Приморья, редактором Дальневосточного книжного издательства. Публиковался в литературных журналах. Автор книг повестей и рассказов. Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

потревожить тишину, вошёл. У изголовья умирающего стоял седовласый бородатый старец в посконной рубахе навыпуск, в портках, заправленных в моршни. При появлении Николая незнакомец исчез, словно растворился в воздухе. Парень застыл в дверном проёме как вкопанный. Вокруг смерти много сверхъестественного. Что за призрак?.. Перекрестился, подошёл к деду Ивану, возлежащему на смертном одре. Тот узнал Колю, протянул слабую руку для приветствия, заговорил:

– Я прожил долгую жизнь, много грешил, но она оказалась краткой: не успел отказаться от некоторых грехов. Господь милостив, продлил мне жизнь, и я успел исповедоваться. Тихий дух нисходит к нам на помощь и спасает безутешных нас. И вот я, грешный, оваян благостью Божией в свой земной последний час.

– Кто это был? – в нетерпении спросил Николай.

Иван Лаврентьевич воздел палец кверху. Лик его просиял. Он закрыл глаза.

Августейший месяц лета радовал утренней прохладой. Николай перекинул через плечо спортивную сумку и бодро зашагал к горушке. У её подножья буйствовала в бурном кипении сныть, затопляя малиновый цвет кипрея и золотистый пижмы. С вершины виднелась низина в гривках вереска, изрезанная полувыхсохшей извилистой речкой и оврагами. На дальнем склоне в сизой дымке темнел сосновый бор. Он заканчивался у деревни со странным названием Соснуйка, а не Сосновка. В соснуйскую семилетку и направлялся после окончания пединститута молодой учитель истории Николай Ильич Еланцев.

Гора венчала каменистую гряду с дорогой, ведущей к Соснуйке. На полпути душу пронзили пустые оконные глазницы заброшенной покосившейся избы. Какая необъяснимая подъёмная сила вознесла этот роковой хутор на голую возвышенность?.. Да, когда-то широкая река заполняла низину. И хуторяне, молодые, здоровые, со звонкими вёдрами на коромыслах спускались на близкий берег. Вода ушла. Ушла и жизнь из широкого подворья, наполненного когда-то радостью, детскими голосами, перекличкой горластой живности... Детские голоса слышались, как живые, и болью отдавались в сердце.

Какой провидец мог узреть обмеление полноводной реки? Города с металлургией обезводили. Река притянула и Соснуйку. Деревня доверилась ей и раскинула избы по её берегам. Соединила их крепким мостом. И вот река отошла от берегов, потеряла имя, и от неё остался лишь бедный ручеёк. За мостом устье реки должно было разлиться в озеро, но она заглохла. Об устье напоминал бочажок в травостое. Благо, народные лозоискатели нашли места для колодцев. Возле одного из них сельсовет срубил избушку о двух окнах. Её, «советскую» и выделили молодому учителю. До школьного звонка оставалось полмесяца, и он со тщанием оформлял один из классов в историческом духе. Привлёк выразительное изобразительное искусство, чтобы приобщить к нему учащихся, так они глубже проникнутся историей. В спортивной сумке привёз не только пожитки, книги, учебники, но и рулоны репродукций. Произведения живописи и скульптуры Николай разместил на стенах. Галерея начиналась с образа Нестора-летописца, воплощённого в мраморе Антокольским. Первый писатель земли русской склонился над «Повестью временных лет». Владимир Красное Солнышко изображён на картине Лосенко с половчанкой Рогнедой. Степнячка снижает образ великого киевского князя. Его дружина с такими богатырями, как на полотне Васнецова, одержала немало

побед и надёжно защищала Русь от набегов кочевников. На картине Кориана Александр Невский, с мечом, в шлеме, сияющих латах – мощь русского духа: «В правде сила. Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!» Загадочная картина Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Мальчик отставал в учёбе, у него была плохая память. Когда он пас коров, перед ним явился таинственный старец. Он предрёк: отныне Варфоломей будет учиться хорошо, и по прошествии времени сам станет наставлять людей под именем Сергей Радонежский. Так оно и вышло. Перед Куликовской битвой он благословил Дмитрия Донского на сражение и послал ему в помощь учеников-богатырей Пересвета и Ослябю. Широкое полотно Бубнова «Утро на Куликовом поле» изображает русское воинство перед битвой. Иван IV увлекался шахматами. Грозный царь умер за шахматной доской. Этот момент изобразил художник Маковский. Пусть ученики знают, что Иван Васильевич был образованнейшим человеком своего времени. Он не только разыгрывал шахматные партии, но и сочинял музыку, стихи. Его войско во главе с Ермаком в битве с ханом Кучумом воссоздал исторический живописец Суриков. Необычно изобразил Петра I художник Ге. Царь допрашивает худосочного сына Алексея, изменщика. Суворов всегда был вместе со своими солдатами. Это живо изобразил Суриков на картине «Переход Суворова через Альпы». Его ученик Кутузов славился полководческой мудростью. Перед сдачей Москвы он собрал военный совет в Филях. Этот напряжённый момент отразил на полотне Кившенко. Ни разу не посрамил чести русского флотоводца вице-адмирал Нахимов. Особо чтимые его победы отразил капитан дальнего плавания Куянцев в своих акварелях. На одной из них разгром турецкой эскадры у мыса Синоп. Кто только не изображал Ленина! Идеиные и на потребу работы исчислялись сотнями. Еланцев выбрал «вождевую» художника Цыплакова: вождь на лестнице Зимнего дворца в окружении рабочих и красногвардейцев. Баталист Китаяка писал портреты прославленных военачальников. Любимым героем его был лихой комдив Чапаев. Автор знаменитого монумента «Рабочий и колхозница» Мухина создала неповторимый образ легендарного лётчика Чкалова. Грандиозное полотно Дейнеки «Оборона Севастополя» вселяло уверенность в победе над фашистским гадом. Юное поколение внесло свой вклад в победу. Сложили головы в борьбе с врагом Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой; герои-пионеры: Валя Котик, Лёня Голиков, Володя Дубинин. Войска под командованием маршала Жукова уничтожили фашистское логово в Берлине. И триумф народа-победителя – прорыв в космос. Простой, улыбчивый парень Юрий Гагарин – первый в мире! Глядя на ладного, обаятельного космонавта из народа, Николай рядом с его портретом дерзнул поместить своё изречение: «Народный лад – процветание страны!»

Матушка всегда благожелала: «Будет лад – всё будет ладом!», так и сына напутствовала на учительское поприще. Лада же с местным учительством попервости не сложилось. Старый директор соснувской семилетки изрядно устал от хлопотной должности. Здание школы обветшало; кровля ржавеет, приходится латать; дымоходы печей-голландок копят, дров не напасёшься; половицы подгнили, надобно перестилать... Прежде вёл историю, отказался от уроков. Настоял в районо, чтобы направили толкового парня, а он уж вразумит, наставит. Николай пришёлся ему по душе: обходительный, пытливым. Метил его на вырост, на замену. Трудновато ему будет, поможет. Педколлектив разнородный. Старенькие учительницы начальных классов

ещё поддерживают доброжелательную атмосферу. Иные, особенно незамужние, страдают ущербной гордостью. Другие пообвыкли к учительскому чину, к почитанию, грубоватые, с высокомерием. Ко всем не приладишься.

Из ватмана Николай склеил двухметровую ленту. На ней старославянскими буквами написал древнюю мудрость: «Кто не помнит – тот не живёт». Поместил её, обобщающую, над экспозицией. Завершён «исторический» труд! Спустился со стремянки. Тут же швабра прошла по его туфлям. Как только он приходил в класс, следом спешила уборщица Митревна и начинала смачно шлёпать по полу шваброй-лентяжкой, норовя махнуть по обуви новенького учителя. Он спасался от таких посягательств на стремянке и миролюбиво урезонивал ретивицу:

– Анна Дмитриевна, да я бы и сам помыл пол!

– Ишь ты, цистюля какой! – бухтела она. – Вще меня Митревной клищут, я не привыкшая, штоб навелищивали. Ишь интеллюю!..

Николай поставил стремянку в угол. Митревна, подбочась, опираясь на воинствующую швабру, по слогам прошамкала непонятный лозунг про «не живёт». Бросив орудие труда, ушмыгнула. Появилась завучиха, типичная надменная классная дама с причёской «сахарная вата». Придирчиво осмотрела «выставку», поморщилась:

– Разберёмся!

Глянула на ручные часы: без пяти минут педсовет.

Весь облик Николая Ильича вполне соответствовал учительскому званию: строгий чёрный костюм, серьёзное лицо. Педсовет всё-таки! Директор представил нового учителя истории, поведал о нуждах школы, о насущном. Завуч доложила об учебных планах, учителя внесли предложения. Классные руководители, пионервожатая наметили мероприятия важные для жизни школы на новый учебный год.

После исчерпывающей «Повестки дня» оживилось «Разное». Учителя делились новостями: кто из выпускников куда поступил. Невольно сдвинулось на болевую тему: что делать с Винокуровыми? Разгорались страсти:

– Каждый год одно и тоже мусолим.

– В интернат их для инвалидов давно пора!

– Бабка их Винокуриха на дыбы встаёт: «Я, – грит, – прокурору нажалуюсь!..»

– Вот Панька, малахольная! Врачи запретили рожать, а она плодоносит!

– Уродоносит!

Директор постучал авторучкой по столу, построжил:

– Это вы, Кира Гавриловна? Прекратите!

Математичка, старая дева, когда ученики крошили мел, решая задачи на доске, глумливо отворачивалась к окну и звонко катала во рту мятлый леденец. За всё хорошее школьня прозвала её Кырой.

Посыпались диагнозы заболевания Паши Винокуровой.

– Чрезмерная родовая активность, неумеренность образа жизни!

– Резус-фактор, несовместимость с кровями партнёров.

– Заражение крови у неё полиовирусом.

– Чем? Чем?.. Да сказывают, от сифилиса лечилась.

– С виду девка справная, чистая.

– Винокуровы при НЭПе шибко поднялись. Завели винокурню-винодельню, народ спаивали. Вот и приходится отвечать!..

Биологиня досадливо поморщилась от досужих домыслов и по-научному объяснила:

– У погодков Винокуровой вирусное воспаление клеток спинного мозга, которое приводит к параличу.

– Я же говорила: полиовирус!

– Полиомелит, значит.

– Да-а!.. – поскрёб затылок трудовик, по прозвищу Сизый Нос. – Без бутылки не разберёшь!.. Жалко ребят! Учатся прилежно, опрятно одеты.

– Гуманист!

– Да, с трудом передвигаются, подранки. Иным смотреть неприятно, на нервы действует, тонкие эстетические вкусы оскорбляют. Передовая интеллигенция называется, а ниже сторожа-скотника Пимыча. Он в морозы на ноги телятам пимы надевает.

– По слабоумию.

– По доброте душевной.

– У них и Христос в телячьих яслях родился.

– У кого у них?

– У блаженных, как Пимыч.

Директор огорчённо вздохнул:

– Много лишнего сказано. Они – наши детки! Испытание для матери с бабушкой, для нас всех. Тяжкая болезнь испытует их, а они всегда приветливы. Нам учиться у них надо!

Гул одобрения пронёсся по учительской. Красногалстучная пионервожатая, красавица, спортсменка, комсомолка, думая, что педсовет закончился, встала и повелительно обратилась к Еланцеву:

– Николай Ильич, найдите встать на комсомольский учёт!

Он почему-то стушевался, покраснел, согласно мотнул головой. Повелительный тон подхватила завуч:

– Николай Ильич, соизвольте объясниться, что это у вас за картинная галерея в классе?

Учительская оживилась, загалдела.

– Да-да, что это за лозунг такой заgrabный: «Кто не помнит – тот не живёт»? Мы многое из жизни забываем, и что, не живём тогда?

– И после Гагарина непонятно: «Народный лад – процветание страны». Как будто у нас лада нет и процветание отсутствует. Народ и партия – едины!

– Понавесили, Николай Ильич, во многом правильно, но имеется ряд замечаний. Вот насчёт монаха, с которого вы начали.

Потрясённый Еланцев вскочил:

– Да вы... вы что?.. «Повесть временных лет» не читали?!..

Осёкся: сморозил глупость! Безнадёжно махнул рукой, устало сел. А потрясение крепчал.

– Владимира оставить, Рогнеду убрать.

– Пётр выглядит неприглядно. Его оставить, Алексея убрать!

– «Лениниана» бедна, необходимо расширить, обогатить: «Ленин в Смольном», «В Разливе»...

Николай хотел было встать и уйти, но директор мягким жестом усадил его:

– Николай Ильич, а давайте после Гагарина поместим Леонида Ильича!

Учительство оценило своевременное, с юморком, слово директора, расслабилось. Педсовет закончился. Директор с завучем ушли уточнять протокол

совещания. Трудовик поманил пальцем Николая и увёл его в столярку. Оставшаяся кучка учителей принялась обсуждать виновника жаркой дискуссии.

– Откуда он?

– Из Волмянки.

– Старорежимная деревня, там все с пережитками.

– Да он парень вроде современней.

– У них там грибные места, о-о! Волмянки-волнушки на засолку ох как хороши!

– И деревню в честь их изобилия назвали Волмянкой.

– А у нас не Сосновка, а Соснуква. Уснули добрые чувства...

– **В**от моя резиденция! – трудовик обвёл рукой учебную мастерскую, пахнущую дресвой.

Достал из шкафчика бутылку «Московской» и пару сушек. Вопросительно посмотрел на Еланцева. Тот понимающе кивнул:

– Непьющие студенты редки, они повымерли давно!

Хозяин разлил водку в гранёные стопки:

– Ты Николай, я Николаич! Будемте знакомы и столь любезны! За знакомство!

Чокнулись, захрутели колечками сушек.

– Ещё меня Сизым Носом кличут. А на утренниках, на ёлках я Деда Мороза исполняю. Тогда у меня нос красный, – расхохотался Николаич и хлопнул новоиспечённого друга по плечу: – Ты, Коля, не обижайся на наших учителей. Всё равно хороших больше. А про лад ты верно написал! К народному ладу у нас в деревне ближе всех Пимыч. Он и на выпасе коров гармошкой ублажает. Особо им по нраву «Танец маленьких лебедей». Сам приплясывает, они уши вострят, ногами перебирают, просятся потанцевать. Чайковский надо рекордно увеличил. Колхоз далеко рванул, в передовики. По литражу и жирности догнал и перегнал Америку. Держись, корова из Айова! Пимыч собирается на самолёте преподнести Америке рекордистку Майку, чтобы ихние фермеры учились у неё доиться. Мир, май, труд! Выпьем, Коля, за мир во всём мире!.. Пимыч с трёхрядкой всю войну прошёл, поднимал дух победы всего обоза. Всех лошадок поимённо помнит: Игренька, Каурка, Буланка, Серко, Гнедко... Раз уросливый Игренька от обоза отбил. Пошёл Пимыч искать его в степь. И в плен его захватили. Затолкали в фургон с другими пленными. Вдруг мотор заглох, машина встала. Немчура забегала, не понимает в чём дело, причину аварии ищут. Вдруг дверь фургона распахнулась. Старичок машет рукой: выходите, мол! На болото указывает. Пимыча осенило: там гать и спасение!.. Немчура, как очумелая, машину сдвинуть не могут, а что вокруг творится, не замечают. Боязливо вошли в болото пленные, а там гать твёрдая проложена. Вывела их в деревеньку, где наши. Очухались фрицы, кинулись в погоню, а перед ними – бескрайнее болото. Пальбу учинили. А спасённые уже жизни радовались. От счастья и о старичке забыли. А тот враз куда-то подевался, будто его и не было вовсе. Пимыч в церквушку надомился заглянуть, Бога поблагодарить за спасение. В смертельных обстоятельствах неверующих нет. Молится, а на него с иконы старичок смотрит, тот, давешний: Никола Угодник, чудотворец!.. Вот такой у нас Пимыч, необычный! Медаль за Прагу имеет. В Берлине так фокстрот наяривал, что немецкие фрау к нему на шею кидались! Он гармошке и братьев-погодков Винокуровых учит. Голосистые, слаще Робертино Лоретти итальянского! Им бы на сцену! Да не пуцают

ревнителю душевного равновесия, не сценично, не эстетично, не фотогенично! А они бы в хоре со всеми одинаково смотрелись. Завклубиха клуб открывает, когда картины привозят, а так он всё время на замке. А если бы братьев-песельников допустили, они бы так художественность возвысили, все призы бы заняли на смотрах!.. Да, больно смотреть, как они с трудом передвигаются. А зимой: сугробы, гололедица. Взмахивают руками, подранки, еле на ногах держатся. Да ещё неприязнь терпят, что ходят не как все. Предлагали им в «советскую» избушку переселиться, в которую ты заселился, Николай. Всё ближе к школе. Отказались: «Движение – жизнь!» – говорят, стойкие ребята! Святая троица. Восхищаюсь ими! К директору школы обратился, чтобы похотатайствовал проложить тротуар от их дома к школе. Да староват он стал, ни к чему интереса не имеет. А тротуар для всей деревни был бы спасением от непролазной грязи. Дико, деревня, а нет воды, чтобы детишкам купаться. Винокуров не зря при НЭПе винодельню поставил. Там обнаружил ключик с водой дивной чистоты. Из хлебного спирта возгонял пшеничную водку. Штофы с ней красовались в винных лавках по всему уезду. А ценители называли её белым вином. Софья Власьева и часовенку на горюшке порушила, и винокурню. И ключик заглох, затерялся. Мечта у меня, Николай, Соснувку в Сосновку переименовать. Давай выпьем за Сосновку!

Под впечатлением от рассказа «сосновского» мечтателя отправился Еланцев на поиски затерянного ключа. В зарослях татарника наткнулся на последние кирпичи винокурни. Клеймёные сложил стопкой: может, сгодятся для школьного музея. Рогулиной начал тыкать дёрн. Поднялись жуткие полчища комарья, зудящие, гудящие, жалящие. Не ожидал такого сокрушительного нападения. Согнулся в три погребели под гнётом ужасной тучи. Энцефалитка не спасала: прокалывали насквозь, зверьё! Дрожащей рукой нашарил в кармане спичечный коробок. Не подумал даже о страшном пожаре. Вне себя от страха, обезумев, чиркнул спичкой. Огонь жадно, с треском начал пожирать сушняк. Вот-вот взметнётся пламя, и его не остановить, спалит деревню. С ужасом смотрел Николай на содеянное. Поджигатель!.. Остервенело начал размахивать рогулиной, пытаясь сбить огонь. Стянул энцефалитку, набросил на огненные языки, готовый и собой придушить огонь.

Треск пылающего травостоя, выстрелы хвороста заглушил треск ослепительной молнии. Грозовая канонада сотрясла всё вокруг. Грянул ливень. Зашипел, вспенился огненный дракон. Дымный, чадный, свернулся. От горечи пепелища в горле першило. Сквозь сетку дождя различил старика, сидящего на валуне. Того самого, которого видел у изголовья умирающего деда Шубина. Старик поднялся и исчез в седых прядях дождя. Пошатываясь, Николай подошёл к мшистому валуну. Провёл рукой по бархатному мху. Камень, реальный, никуда не исчез. Согбенно сел, обхватил голову руками: неужто сходит с ума?..

В небе взнялась радуга: нежная, переливчатая. Прохладный, освежающий озон обвеял Николая. Встал, подобрал посох. Из-под валуна сочилась вода, не дождевая. Чуток сдвинул его – ключик забился, засеребрился! Спустится ручеёк к бочажку, разольётся озерком. Вот будет радости ребятишкам! Конец августа на загляденье!

Возле райсовета у коновязи фыркали лошади, отхлёстывая хвостами оводов. На лавочке, понурившись, сидели просители. Николаю вспомнилась

картина Мясоедова «Земство обедает». Он отмахал тридцать километров, чтобы просить о выделении средств на тротуар в Соснувке. Наконец чиновники отобедали, запустили страждущих: у всех свои нужды. И всех принять не успели.

– Рабочее время кончилось, приёма нет! – объявила секретарша.

Опустошённый, поник в приёмной Николай. В вечернем свете от окна вокруг последнего луча плавали золотистые пылинки... Наваждение, игра света!.. В углу сидел старик, тот самый... С тумбового канцелярского стола он взял чистый лист бумаги, согнул пополам – и повесил на солнечный луч! Николай обомлел.

– Что вы тут сидите? – накинулась на пару настырников секретарша. – Приём закончен! Приёма нет! – и остолбенела.

Николай всмотрелся в угол, но никого там не было. Секретарша кинулась в кабинет начальника:

– Вадим Аркадьич, Вадим Аркадьич, к вам тут посетители!

Тот вышел, оторопело вперился в листок на солнечном луче. Диковато посмотрел на Еланцева:

– Вы ко мне?.. Да-да, пойдёмте!.. – Хотел оглянуться, но лишь спросил секретаршу: – Шурочка, ты тоже видела?

Та напряжённо замерла и кивнула.

Боязливо выглянула в приёмную. С угасающего луча лист бумаги соскользнул на стол и встал шалашиком.

Перед первым школьным звонком Николай навестил мать. Поделится с ней переживаниями о видениях старца.

– Ой, сынок, иногда так хочется помочь людям! Но как с нашей-то физической немощью?.. Есть особые, благодатные люди, нисходит к ним Дух свыше, соединяется с их духом. А у Него гораздо больше возможностей. Стало быть, в наших грешных краях появился, по милости Божией, благочестивый человек, одухотворённый, наделённый даром сопереживания и неизмеримой силой. Слышит мольбы людские и спешит на помощь. Он многое может, для нас непостижимое.

– А я думал: игра света, воображение излишнее.

– Каждого человека чудеса посещают. Одних для того, чтобы уверовали, других для укрепления веры. Вот и ты, Коля, сподобился видеть старца перед вступлением на учительское поприще. Кстати, как тебе, сынок, в Соснувке?

– Будет лад – всё будет ладом!

Рассказы

Медаль «За Отвагу»

Позвонил батюшка Михаил Шеповалов, сообщил, что наш земляк Сергей Валентинович Попов награждён медалью «За Отвагу», посмертно. Жена с дочкой получили достойные деньги от государства.

Война на Украине с нацистами была неизбежной, это ясно большинству здравомыслящих людей нашей огромной, многонациональной страны, милой сердцу России...

После церковной службы, прихожане сообщили мне, что через несколько дней привезут гроб с погибшим на Донбассе воином, и будут отпевать в нашем храме «Преображения Господня». Сообщили, что воина звали Сергеем и что он сидел в тюрьме, прямо из тюрьмы, по его желанию, забрали воевать на Донбасс в подразделении «Вагнер», там и погиб, и что был он награждён. Ждали довольно долго. И вот известен день похорон воина Сергея Валентиновича Попова. О подразделении «Вагнер» говорили по телевизору, что есть там бойцы, до войны отбывающие наказание в тюрьме. И если такой человек провозит полгода, то с него снимали уголовное наказание. Хороший был снят художественный фильм «Штрафбат», и вот всё повторяется, «значит так надо», бывало, говорила моя мама, умершая недавно, и я согласен с мамой. Со зрением у меня плохо, но если бы глаза видели хорошо, думаю, пошёл бы бить нацистов в свои пятьдесят семь, ибо знаю, что воюют за нашу милую Родину и намного постарше меня.

Настал день похорон. В храме кроме Никитичны я никого не увидел, пришёл рано, стоит большой воинский гроб, обтянутый красным полотном, на гробу фото Сергея. Помолился. Пошёл в другую половину храма, снял куртку, и увидел там женщину в чёрном и молодую девушку – может, это вдова и дочь Сергея, но спросить не решился, только выразил соболезнование. Народу на прощании было немного, батюшка Михаил отпевал

Анатолий Владимирович Казаков – родился в Братске 29 января 1966 г. Автор трёх книг прозы. Произведения публиковались в журналах «Истоки» (Красноярск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Сибирячок» (Иркутск), «Литературная Губерния» (Самара), «Великороссъ» (Москва) и др.

Живёт в Братске.

раба Божьего Сергея, мы стояли со свечками, молились. Сколько такого сейчас происходит по всей нашей огромной России, сроду не сочтёшь. После отпевания отец Михаил сказал:

«Главное, не только, как жил человек (мы все грешны), а как закончил свой путь. Да, Сергей сидел в тюрьме, но погиб за нас с вами на войне. Господь, если по-нашему говорить, бандита в рай с собою взял, это поначалу сложно для понимания, но это так. Сергей из тюрьмы звонил мне, просил краску для храма, он отбывал срок в нашей же Иркутской области, в тюрьме заключённые построили храм. Сергей в местах не столь отдалённых стал другим человеком, уверовал в Бога, а храм там называется именем святой Анастасии».

Женщина в чёрном и молоденькая девушка действительно оказались вдовой и дочерью Сергея. Отпевание закончилось, гроб воина выносили из храма, и мы с прихожанами шли за гробом и пели: «Святый Боже! Святый Крепкий! Святый Бессмертный! Помилуй нас!» Похоронами занималось наше правобережное похоронное предприятие. Едем на наш правобережный погост. Оказалось, что могилка Сергея совсем недалеко от моей мамочки, вот ведь жизнь, Сергей помогал храму святой Анастасии, и маму мою звали Анастасией...

На гроб положили флаг России, женщина из похоронной организации говорила, а я думал, спроси на улице любого встречного, и ведь не каждый сразу ответит, что означают цвета нашего флага. Белый цвет триколора – божественный компонент символики флага. Он характеризует мир, чистоту, благородство, божественность. Синий цвет характеризует небо, духовность, веру, высокое и чистое. Это – небесный компонент. Красный цвет – это отвага, героизм, огонь, жизнь – компонент физический или земной. Свёрнутый над умершим флаг – это знак глубокого уважения к нему Российского государства, признание его заслуг перед Отечеством. Поэтому мы возвещаем об этом: Небу. Всему миру. Земле.

Затем стали по-особому производить сгиб флага, и женщина говорила: «Первый сгиб флага – символ жизни. Второй сгиб – символ нашей веры в вечную жизнь. Третий сгиб – в честь памяти о верных сынах Отечества, выживших из наших рядов, чей ратный подвиг достоин почитания. Гражданин Российской Федерации Попов Сергей Валентинович. Завершил свой жизненный путь. Пусть добрая, светлая память о нём сохранится в наших сердцах на долгие годы. Ирина Петровна примите от нас этот символ Российского государства, верным сыном которого он всегда был».

Потом зазвучал гимн России из похоронной машины, гроб понесли и опустили в землю.

Женщина из похоронного предприятия читала очень проникновенно, на лице было видно не показное, а самое настоящее переживание, низкий поклон таким людям.

Пока засыпали могилу, я сказал батюшке Михаилу:

– Мама моя тут совсем рядом похоронена, Анастасией звали. Ты знаешь, отец Михаил, и Сергей помогал храму святой Анастасии, чудно всё это.

Батюшка предложил сотворить Литию у могилки мамы, пока засыпали могилку Сергея. Стоим с батюшкой возле могилки мамочки моей Казаковой Анастасии Андреевны 1939 года рождения. Батюшка машет кадиллом, читает молитвы, осеняем себя летучим крестом, я держу в руках чеплышку, в ней ладан, похожий на крупички, батюшка берёт время от времени из чеплышки ладан, оно и понятно, на улице зима. Мамочка моя милая, растила ты меня в холодном бараке, и вот ведь чудо, на год твоего ухода отец Георгий сотворил

Литию у твоей могилки, теперь вот батюшка Михаил творит Литию, слава Богу. Возвращаемся к могилке, прощаемся с воином Сергеем, я пообещал дочери Сергея, что напишу об этом, дай Бог написать.

Возвращаемся домой на машине батюшки Михаила, напоминаю ему, что неплохо бы организовать встречу с обездоленными детьми, в прошлый раз всё прошло от души, подарил детям свои детские книги, батюшка улыбается, и говорит:

– Что-нибудь придумаем.

Вдруг батюшка оживился:

– Сергей, знаешь, Анатолий, какой подвижный был, всё переживал за храм, я ему краску-то высылал. Говорят, что из тюрьмы выходят уже не те люди, что были до этого, это так. Кто-то снова совершает преступление, но есть такие, кто бы что не говорил, и другие случаи, наш земляк Сергей – пример.

Подъезжаем к моему дому, а батюшка вдруг:

– Толя! Давай я тебя благословлю.

Батюшка Михаил говорил, что жена Сергея поедет в Новосибирск, там получит деньги и награду...

Вечная память тебе, воин Сергей! Вечная память!

Звени, колокольчик Донбасса!

На лавочке сидел дед. Донбасс бомбили нацисты нынешнего времени, а он уже не прятался. В голове крутилась песня: «Ты ждёшь, Лизавета, от друга привета. Ты не спишь до рассвета. Всё грустишь обо мне». Старая песня, а вот приклеилась. Всё заплетал косички внучке, а она, бывало, скажет:

– А дедушки не должны заплетать косички. Мамы, бабушки – должны, а дедушки – не должны.

И отвечал дед внучке:

– Лизаветушка! Нет мамы, нет бабушки, вот я и заплетаю.

Из их семьи двое они и остались после одной из бомбёжек. Девочка, слава Богу, не видела смерти родных. Дед Василий вцепился тогда руками в тоненькое тело внучки и долго не отпускал. Она всё смеялась и, казалось, звеня словно церковный колокольчик, говорила:

– Ты чего, дедушка, задушишь меня, кто тогда медведю лапу перевяжет, я санитарка и должна ухаживать за больными.

Дед решил не говорить Лизе о гибели дочери, жены и зятя (потом расскажу, сейчас не могу), а когда она спрашивала, отвечал:

– Папа твой в командировке, маму с бабушкой увезли в госпиталь, там санитарок не хватает, много раненых людей, и нас с тобой туда не пустят, там строго, вот когда сами придут, тогда и увидимся.

Вспомнилось, как потекли слёзы из много чего повидавших глаз, и он сказал:

– Так ты значит мишке помочь хочешь лапу перевязать, ну молодец, раненых надо перевязывать.

Лиза ни на секунду не задержалась с ответом:

– Да я санитарка, надо всех раненых перевязать. А ты, деда, плачешь, значит тебе надо дать таблетку от нервов, валерьянкой называется.

Василий Дмитриевич глядел на внучку, быстро вытирал рукавом слёзы. А Лизка заметив, что весь рукав куртки у дедушки грязный, сказала:

– Ох, дед! Не следишь за собою совсем, когда дадут свет, надо выстирать твою куртку в стиральной машинке, какие вы мужики, ничего не можете без нас, ни обед сварить, ни постирать.

И лишь на секунду замешкавшись, снова затараторила:

– Ой, дедушка! Варить ты умеешь вкусно.

Лизка замолчала, а дед Василий заговорил:

– Ну куда мы, мужики, без вас, и вправду куртка на мне, словно алкоголь я какой, надо постирать, когда дадут свет. Только я не знаю, сколько порошок сыпать?

Внучка тут же вновь зазвенела:

– Я знаю, сколько, дедушка! Я видала, сколько мама с бабушкой сыпали, там всего немножко надо.

Внучку дед Василий потерял, когда началась очередная бомбёжка, да и не потерял бы сроду, как зеницу ока берёт он внученьку. Но когда они бежали, чтобы укрыться от снарядов, вдруг сильно забило сердце, и Василий Дмитриевич потерял сознание, не от голода потерял, а может быть, от жизненной надсады. Когда очнулся, огляделся, внучки рядом нет, шатаясь от слабости, дошёл до лавочки и сел, огляделся, нет внучки, не звенит возле него самый дорогой колокольчик «Где она, Лизочка моя? Господи! Если погибла, я тут же помру, зачем тогда жить». Вдруг Василий увидел бегущих по направлению к нему людей, глаза видели плохо, очки потерял, но силуэты людей приближались к нему, и вдруг:

– Дед! Дедушка мой! Дед Вася! Ты живой! А я думала, что умер.

Оказалось, что когда Василий Дмитриевич упал в обморок, внучка, испугавшись, побежала в соседний двор, где они жили, за соседями.

Колокольчик деда Василия всё звенел и звенел, он что-то отвечал внучке, но дума которая засела в голове перебивала всё на белом свете, и в этой думе было всего три слова: «Звени колокольчик! Звени!»

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Иркутской области. Член Союза писателей России, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, двух книг прозы, сборника поэтических переводов стихов непальских поэтов и двух музыкально-поэтических альбомов. На стихи Тамары Потёмкиной написано свыше 40 песен. Стихи и рассказы, а также переводы произведений болгарских, непальских, чеченских, ингушских и дагестанских поэтов опубликованы в журналах «Великороссь», «Невский альманах», «Новые витражи», «Камертон», «Littera», альманахах «Золотое руно», «Москва поэтическая», «Славянская лира», «Святъни сердца» (Луганск), «Айсберг в пустыне» (ДНР, Горловка), газете «Московский литератор» и др. Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и премий.

Живёт в Москве.

Все добром кончались сказки

Прощание с летом

Уходит лето, паутинками
Касаясь нежно моего лица,
И осень с тонкими морщинками
Уже стоит у нашего крыльца.

Прозрачный воздух чист и звонок,
И пахнет чуточку грибами.
Курлычет в небе журавлёнок,
Прощаясь с Родиной и с нами.

Пройдёт зима, и взрослой птицей
Вернётся он к родному дому,
И всё сначала повторится,
Хотя немного по-другому.

На пороге осени

На пороге осени оглянусь,
За ошибки прошлые повинюсь,
И пусть мысли тёмные, невпопад
Замечает золотом листопад.

Жар желаний грешных, искушений страх
Охладит прохлада, превратит их в прах.
Ветер беды сдует, словно листья с крон,
Благодать подарит колокольный звон.

Осень даст надежду, не позволит плакать,
Слёзы и обиды собирая в слякоть,
Наведёт порядок в жизни и делах
И отмоет душу ливнем добела.

Замечает листопад душу

Осень...
Замечает листопад душу.
Просит:
«Я спою тебе, а ты – слушай:
Помнишь,
Было радостно весной, любо.
Знаешь,
У кого-то так опять будет.
Грустно?
Из души гони слякоть.
Нужно
Жить, а не реветь-плакать!»
Солнце,
Листьев золотых краски...
В детстве
Все добром кончались сказки.

Грусть

Осень гроздьями рябины заалела,
Медью, золотом рисует не спеша.
Отлюбила, отгорела, отболела,
Загрустила моя грешная душа.

Было время, и вино лилось рекою,
Песни звонкие и танцы до утра,
А сегодня захотелось ей покоя,
Звёздной ночью посидеть у костра.

Не грусти, моя душа, не боли.
Осень в танце нас закружит листвою.
Улетать тебе не время с Земли,
Мы ещё покуролесим с тобой!

Родительское гнездо

Ираида никогда не была красавицей, хотя с юности привлекала мужчин. Они бросали взгляды на чувственные губы, высоко поднятую грудь и слегка выющиеся смоляные волосы с кокетливой чёлкой. Но главным женским оружием были её горящие глаза. Все мужчины независимо от возраста стремились поймать лучики света, исходящие из этих бездонных карих глаз.

Ещё одним козырем Ираиды была родительская четырёхкомнатная квартира на Юго-Западе в престижном генеральском доме, построенном в начале семидесятых. В старших классах её часто провожали до дома одноклассники, и она приглашала их на чай в квартиру, обставленную со вкусом красивой мебелью, с картинами и зеркалами на стенах.

На первом курсе вуза, когда все девочки только мечтали встречаться с мальчиками, у Ираиды не было отбоя от поклонников. Однако предпочтение она отдала самому красивому парню не только по меркам одногруппниц, но и девочек всего курса. Высокий, статный, с голубыми глазами и пышными каштановыми волосами Лёня был из серии «Пришёл, увидел, победил». Но самым примечательным был у него голос. Бархатный, с лёгкой хрипотцой, он сразу брал девчонок в плен. Ираида не стала исключением. Их роман был быстрым. Поженились сразу после летней сессии, но не поселились у родителей, а сняли однокомнатную квартиру – хотелось самостоятельности. Ираида толком готовить не умела, поэтому мама регулярно возила молодым судочки со щами и котлетами.

Через год родился сын. Учёбу прерывать не хотелось, поэтому Влада отдали бабушке с дедушкой, которые во внуке души не чаяли. А Ираида и Лёня продолжали учиться и развлекаться: дискотеки, теннисные турниры, походы на театральные и кинопремьеры – всё это было доступно в застойные годы для дочери генерала в отставке, прошедшего всю войну от первого до последнего

Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великоросъ» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

дня и имеющего воспоминания о тех годах в виде нескольких высоких наград и двух осколочных ранений.

К сыну приезжали иногда по выходным, привозили игрушки, брали с собой на прогулку и кормили мороженым в кафе «Космос» на улице Горького. Лето тоже не было исключением – молодые уезжали то на производственную практику, то в студенческий лагерь, то на курорт. А малыш рос – в квартире в генеральском доме, а летом на генеральской даче в Подмосковье. Влад считал их воскресными родителями и радовался каждый раз, видя маму с папой.

В семь лет его отдали в школу с углублённым изучением математики, так как у мальчика обнаружили способности к решению логических задач. Учился он хорошо, побеждал на районных и городских олимпиадах, и в институт поступил без репетиторов. Вся семья очень радовалась его успехам.

Но радость Ираиды вскоре сменилась тревогой за себя и свою дальнейшую судьбу. Когда Влад был на четвёртом курсе, она потеряла мужа, главного человека в своей жизни. В майские праздники приехали на дачу. Первого утром Лёня вышел в сад позаниматься на турнике, но к завтраку в дом не вернулся. Когда Ираида выскочила наружу, он лежал на земле мёртвый. Оторвался тромб.

Ираида отдала их с Лёней съёмную квартиру сыну и переехала к родителям. Влад был рад отдельному жилью, ибо бабушка и дедушка уже состарились, и ему стало трудно жить с ними под одной крышей. Однако переезд Ираиды не повлиял на ход событий. Через год после смерти Лёни умерли её родители. Они так любили друг друга, что ушли с разницей в полгода. Дача была казённая, поэтому её забрало Министерство обороны.

Владу предложили отличное место. Но не в столице, а в Саратове, куда он с радостью уехал подальше от печальных воспоминаний. А Ираида осталась одна в просторной родительской квартире, где всё напоминало ей о счастливом детстве.

Остаться одной в пятьдесят лет, конечно, тяжело, но Ираида была по-прежнему приманкой для мужчин. Не прошло и года, как она познакомилась с мужчиной старше её на десять лет. Настоящим интеллектуалом. Вскоре он переехал к ней, они расписались, и жизнь постепенно вошла в новое русло. Будучи по сути женщиной-женой, она пылинки с него сдувала, не прекословила ему ни в чём и была готова часами слушать его, открыв рот. Став с годами хорошей хозяйкой, Ираида старалась разнообразить их рацион и с удовольствием проводила кучу времени у плиты, готовя изысканные блюда, несмотря на то, что каждый день работала с девяти до шести, а Эдуард (так звали её нового мужа) был на пенсии.

В их отношениях всё было бы гладко, если бы не Влад, который время от времени приезжал в Москву в командировки и останавливался у мамы. С Эдиком отношения у Влада не складывались. Ираида разрывалась между сыном и мужем, но в душе была на стороне сына.

Ситуация усугубилась с рождением внучки Машеньки. Жена Влада была родом из Саратова, и её мечтой всегда было жить в Москве. В один из разговоров с сыном Ираида узнала, что Влада переводят на работу в столицу, и дала ему понять, что вопрос с жильём ему придётся решить самостоятельно. Он, конечно, расстроился, так как планировал жить в дедушкиной квартире, а тут живёт какой-то чужой ему человек. Но мама была непреклонна. Пришлось брать маленькую «двушку» в ближнем Подмосковье в ипотеку.

Сделали ремонт. Когда дочке исполнилось пять лет, семья Влада переехала из Саратова. И вот тут началось.

Как говорится, если гора не идёт к Магомеду, то Магомед идёт к горе. Ираида, которая уже вышла на пенсию, не ездила к внучке, зато по выходным Машеньку регулярно привозили к ней. Но родители не уезжали, а радостно пребывали в четырёхкомнатной квартире на Юго-Западе Москвы. Они постоянно устраивали «праздники пауза»: то лепили пельмени, то пекли блины, а потом танцевали или смотрели кино. Эдуарду всё это активно не нравилось. Он запирался в кабинете и пытался сосредоточиться на книге, которую писал, и после отъезда Влада с семейством в воскресенье то ругал Ираиду, то умолял её поговорить с Владом не приезжать к ним каждые выходные. Но Ираида молчала, ибо чувствовала себя виноватой перед сыном, так как не уделяла ему достаточного внимания в детстве.

Эти вакханалии продолжались с завидной регулярностью. Однажды Эдик пригрозил Ираиде, что разведётся с ней. Угроза показалась ей шуткой. Однако, когда Эдик обнаружил, что Ираида потратила 800 тысяч и задал вопрос, куда она могла спустить такую огромную сумму, ведь никаких дорогих вещей она не покупала, то адекватного ответа не последовало, и он понял, что Ираида втихаря давала деньги сыну. Самое противное было то, что она ему об этом не сказала. И Эдуард всё-таки подал на развод. Так Ираида вновь оказалась одна в родительской квартире.

Но её одиночество было нарушено переездом к ней Влада с семьёй. Наталья, её невестка, объяснила это тем, что Ираиде сейчас тяжело, а они смогут отвлечь её от грустных мыслей. Но вскоре стало понятно, что двум хозяйкам на кухне не ужиться, а Машенька уже записана в районный развивающий центр и в детскую поликлинику. Ираида была на пенсии, так что под нажимом любимого сына, которого до 17 лет воспитывали бабушка с дедушкой, а не родная мать, ей пришлось уступить и переехать в ипотечную квартиру сына в ближнем Подмоскowie из родительского гнезда. И теперь уже, видимо, навсегда.

Госпожа из Сан-Себастьян

*Как живётся вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговою
Скоро ль память отошла....*

Смутное время. Часа три ночи, полчетвёртого. Это если по часовому поясу Европейской России. Он уже перевёл часы в предвкушении, так сказать, икры, санок и медведей с балалайками. Сергей написал пятнадцать минут назад, что в Москве уже почти рассвело. А в Санкт-Петербурге в это время года так называемые белые ночи – солнце пропадает с горизонта всего на час-полтора, а потом внезапно снова начинается день. Туда и держит направление лайнер «Микенец» – в портовый город Петербург, самый северный мегаполис мира.

В месте, что называется «здесь и сейчас», и проблеска рассвета не имелось – всё заполнил тёмный и тяжёлый туман. Океан будто чадил. Точно там, на дне, проснулся вулкан и выпускал вверх чёрные пузыри дыма, что лопались, соприкоснувшись с воздухом.

Мистер Уанминут невольно усмехнулся, скользя лазерными прицелами зрачков по линиям еле вздыбливающихся волн, что походили на линию еле вздыбливающегося сердцебиения.

– Что вас позабавило? – раздался как будто знакомый голос.

Уанминут невольно закашлялся – так обычно кашляют, когда глотают случайно табачный дым, но тут, видимо, организм принял местный бриз за никотин.

– Да глупость... – он усмехнулся, как можно неприметней большим пальцем протерев губу и поправив ус.

Миниатюрная смуглая девушка с азиатским разрезом глаз чуть наклонила голову. Этот неморгающий взгляд, что бил одновременно в его правый глаз и в правую скулу, вновь заставил его усмехнуться.

Глеб Океанов (Гладков Глеб Алексеевич) – родился в городе Уфе, окончил Литературный институт имени А.М. Горького (мастера – Анатолий Королёв и Сергей Есин), 31 год, проживает в Москве. Работал/работает в различных информационных агентствах. Пишет в двух противоположных жанрах: фантастика (мистика, магический реализм и проч.) и реализм (новый реализм, натурализм). Участвовал в писательском семинаре «Мы выросли в России» в Петрозаводске в ноябре 2022 г. как фантаст. Печатался в журнале «Новая Литература», в альманахах «Художественное слово», «Yes, future», «Фантазийные записки», номинант премии «Неформат».

Живёт в Москве.

Уолт Уанминут опёрся обратно о перила лайнера.

– Просто впервые плыву на корабле, – признался он. – И впервые так долго и так далеко. Смотрел на воду и случайно подумал, что она выглядит хуже, чем компьютерная графика в современном кино.

Он опять усмехнулся, думая, что такая самоироничная обёртка сойдёт для подобных инфантильных образов. Он посмотрел налево – девушка пропала. Уолт цокнул языком.

Мужчина продолжил смотреть на тихо стелящийся под кораблём океан, точно это песок, что сам разрешал шествовать дальше.

– Ну назови мне своё имя!

– Нет!.. Тогда это будет не игра! – она захихикала. – Ведь игра – это когда есть правила! А когда их нет...

– Тогда это Хаос!.. – начал было он. – Ведь из Хаоса мы все вышли!..

– Нет!.. Божечки. Хаос – это порядок другого типа. А те, кто прикрываются подобными понятиями, просто потому что ничего из себе не представляют, те так и...

Во время этого монолога она тянула мистера Уанминута за штанину, чтобы он уже скорее сел обратно в плетёное кресло и продолжил вместе со всеми играть в онлайн-покер. Но тут этот господин резко вскочил и обхватил пальцами пятую точку.

Все невольно вскочили, и их лицемерию предстала раковина, из которой торчали пять «лучей».

– Да... чтоб... вас!.. – промычал Уанминут и спешно направился прочь.

– Нонсенс! – воскликнул славянин, что всё на голове покрасил в noir, но резко выросшие за круиз седые усы его выдали. – Вы все... очень хотите портить покер! Портить игра! Это не та игра, когда женщина... мужчине подкладывает под зад... и мы все временно не играть... а потом другой результат! Имел я... так играть!

Все за столом пытались его удержать, но русский (или серб, или чех) оказался непоколебим.

– Видел я такую игру!.. Понимаю! Жулики, шутники! – оторвавшись от пары рук, что пытались его удержать он пошёл в другую сторону верхней палубы и ещё пнул пару шезлонгов, что бы все точно знали, как он подобным недоволен.

Через четверть часа мистер Уанминут, Герасим и дама распределили на троих всё, что заработали картами за этим самым столом, что отодвинули подальше от камер и охраны. Затем все трое прошли в номер мистера Уанминута.

Несколько часов они провели в приятной дискуссии. Дискуссия случилась тем особенно приятная, что все трое не только оказались разных возрастов и поколений, занимались так же совершенно разными делами, имели противоположные характеры, но и могли представиться перед кем угодно как наиболее приятнейший собеседник.

Согласившийся им подыграть в покер джентльмен оказался действительно по документам чехом, хотя его попытки нарисовать родословную и объяснить национальный коктейль оказались бесплодны. Мадам некоторые слова даже не смогла повторить вслух, что оказалось встречено одобрительным

смехом мужчин – такой у неё милый голос, такой у неё неповторимый южно-американский акцент.

– Так или иначе, сейчас самое время идти, – вскочил с кровати Герасим и поправил задравшиеся брюки.

– Да что с вами, Господи?! Да останьтесь! Есть ещё столько весёлых игр на троих! – увещевали мужчину с женщиной.

– Нет, нет и нет! Знаю я этот тон. Все мы с вами всё понимаем. Адьос, гудбай, ау фидерзейн!

Дверь каюты закрылась, и двое тут же бросились друг на друга. Точнее, девушка бросилась на мужчину, а тому осталось только сдаться ей.

Близость этих двоих оказалась в меру продолжительна и нетороплива. Она как-то само собой оказалась сверху. Пальцем накрыла его губы, ногтем ткнувшись в нос. Но она не запрещала ему двигаться. Они поочередно узнавали друг друга.

Через несколько часов раздался громкий и неприятный стук в каюту – так стучать может только сволочь, подумал он.

Дама вдруг вскочила с постели, обнажив его всего при этом, и закрылась одеялом.

– Ты там?! – крикнул мужицкий бас и добавил для остротки ещё два крепких удара по двери.

Уанминут медленно восстал аки Аполлон, и хотел уже, прям в костюме древнегреческой статуи, превратить во второй ковёрный слой того, что за дверью, кем бы он ни являлся.

– Нет! – вдруг толкнула она его в грудь.

– Мама! Ты там?! – пробасил снова голос.

– Да! – вдруг ответила она, «вдруг» – для Уанминута.

Он застыл, как главный силач Помпеи, вдруг обрызганный лавой.

– Мама... – повторил голос, и, да, только теперь Уанминут расслышал, что басовитому парню действительно лет восемнадцать только, почти подросток. – Я хотел тебя увидеть!..

– Иди! – она вся прижалась к двери.

Тут мистер Уанминут решил, что оказался в некотором заговоре сумасшедших... Но эти мысли, как и у любого мужчины, тут же растворились, стоило ей обернуться.

Корабль подходил к порту. Хоть в Санкт-Петербурге и шёл июль, некоторые накинули ветровки и даже зимние вещи – северные ветра как будто черпали холод из воды и наказывали неготовых.

Мистер Уанминут так с тех пор и не встретил её. Два дня блуждал по палубам. Чех, имя которого он забыл, иногда вертелся, но он его почти сразу грубо отшил. Уточнил только, где та девушка, что ехала с ними из испанского города Сан-Себастьян. Славянин со ставшим вдруг столь противным акцентом ничего не смог ему ответить, и Уанминут чудом только сдержался, чтобы не схватить коротышку за грудки и не разбить его макушкой пару иллюминаторов.

Он блуждал... один раз он даже как будто услышал тот бас, чьего носителя она назвала сыном, но один из двух голосов оказался женским – настолько эта древняя певица оказалась прокурена.

И вот он трап. Мистера Уанминута встречали жена и дочь, что прилетели раньше самолётом, и не понимали, зачем ему отдельно дольше нужно было пересекать океан.

Он до последнего не надевал обратно обручальное кольцо.

Обнимая жену, подхватив на руки и крутя над собою дочь, он всё высматривал эту девушку из Сан-Себастьян.

К нему подошёл Сергей, но Уанминут был вынужден ткнуть ему пальцем почти что в лицо, мол, подожди. Одними глазами он показал русскому другу: «Отведи их!», и тот отвёл.

Он подскочил вновь к трапу, по которому в одиночестве спускался молодой парень, одетый, словно его должны встречать все местные журналисты и спрашивать о новой роли. Уанминут побежал к нему, ибо услышал тот самый знакомый хриплый бас.

– Ваш багаж?

– У меня нет багажа...

– Ты! – бросился к нему Уанминут.

– Опять... – закатил глаза парень.

Он махнул рукой, и тут же подбежали несколько человек охраны. Они схватили Уаминута.

– Твоя мать! – закричал тот парню. – Где твоя мать?! Почему она так и не сошла с борта??

Парень поглядел на Уанминута, Уанминута вдруг поставили спокойно на место... вдруг его окрикнула семья.

Он удивлённо посмотрел на жену и дочь – те смотрели на него, недовольно оперев руки в боки. Она, и маленькая копия её.

– Отходим! – прокричал сошедший капитан новой команде, и корабль двинулся прочь, пока не в новое путешествие, но передохнуть немного.

Тот, кого Уанминут принял за стучавшегося к ним в каюту сына прекрасной дамы, прошёл подле него и специально толкнул плечом.

– Кто это? – хором спросили две его женщины.

– Не знаю, – ответил он, проверяя кольцо и боковым зрением провожая лайнер.

Аня два он вынуждено провёл с женой и дочкой. А как только вышел за дверь отеля, даже сам почувствовал, как им задышалось легче без него.

Вместе с Сергеем и его друзьями они прошвырнулись по двум-трём барам Петербурга, а потом двинули в Финляндию. Ночь оказалась безумная: бани, алкоголь, голые девушки... но он всё думал об одной. И ни с кем из девочек так и не уединился.

Сергей вернулся из сауны и заявил, отпив полпинты холодного:

– Я устал уже от твоих отговорок, можешь считать, что они закончились. Живо говори, что тебя, как говорится, гложет!

И Уанминут всё ему выложил, как на духу. Невозможно врать в сауне.

Сергей задумался. Его лоб покраснел больше.

– Погоди, – сказал он и вышел в дверь, из-за которой раздавался холодный свист славянского ветра.

– Вот, что я видел в интернете! – Сергей с трудом закрыл дверь, и мир снова обратился в жару.

Обливаясь всевозможными каплями, экран телефона сообщал: «Зачастую количество купивших билет на круизные лайнеры и количество доплывших не совпадает. Есть процент тех, кто заказывает круиз через океан, чтобы покончить с собой, бросившись в воду».

Уанминут раз за разом перечитывал эти строки. Сергей сообщил по телефону его жене, что они ещё пару суток не смогут вернуться в Россию.

– Водки?

Тот замотал головой и потянулся к маринованному помидорчику.

Марина ЗАМОТИНА

Моя Намибия.

Путевые заметки, осень 2023

Мои друзья, которые обычно составляют мне компанию в необычных путешествиях, в Намибию уже съездили. Причём практически все. Поэтому, когда в поездку в эту страну набралась тургруппа, я обрадовалась. Там тоже оказались знакомые. Вылет был назначен на 26 апреля 2020 года. Но... увы. Перенесли поездку на сентябрь того же года. И далее переносили до ноября 2023.

И вот, наконец-то!

Из удлинённого (достроенного нового терминала) аэропорта Домодедово мы вылетели в Аддис-Абебу, оттуда в Виндхук. Эфиопские авиалинии комфортные. Самолёты большие, обслуживание на хорошем уровне. Еда и напитки в ассортименте. Всего много, и всё вкусное. Стыковка была чуть меньше 2 часов. Аэропорт в Аддис-Абебе знакомый. Да и компания у нас получилась очень даже симпатичная. И небольшая – всего 9 человек.

В Намибию прилетели днём. И сразу – знакомство со столицей, городом Виндхук. Встретил нас русскоговорящий гид Олег. Питерский молодой мужчина, более 25 лет в Намибии проживающий. Давно возит по Намибии туристов, много знает. Симпатичный товарищ, приятный, доброжелательный, что очень порадовало. Аэропорт отстоит от Виндхука на расстоянии 45 км. Дорога хорошо качества, движение левостороннее. Кругом безнаселёнка с малогористой облезлой, пожелтевшей саванной. Но небольшие холмы при въезде в город обнаружили. Со слов гида, в город есть 4 въезда, по сторонам света. Официальной датой основания города считается 1890 год, когда он был провозглашён столицей Германской Юго-Западной Африки. Название города переводится как «ветренный угол».

Олег привёз нас в отель Хилтон. Как везде в Африке, тут Хакуна Матата, то есть никто никуда не торопится. Совсем не торопится. Никогда. Никуда. И ни за что! Два номера оказались не готовы. По очень простой причине. Во многих странах

Марина Анатольевна Замотина – член Союза писателей России, литератор, журналист, редактор. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве.

Африки почти нет номеров с двумя отдельными кроватями. В Уганде нас расселяли по семейным, то есть каждого отправляли в номер с огромной кроватью. Тут этого не произошло. Номера нашлись. Но не сразу. Очень всё по-африкански. Выписывают постояльцев из отеля в 10.00, а заселение в 14.00. Времени на подготовку номеров более чем достаточно, но в Виндхукском Хилтоне, как выяснилось, еле успели нас поселить после 15.00.

Мы решили не ждать заселения и отправились в обменник. Как же жить в новой стране без местных денег? В большом торговом центре банков было несколько. Везде брали процент за обслуживание и не торопились. И в итоге, через час, деньги мы обменяли, за-

селились в номера и отправились в обзорную экскурсию по магазинам. Много товаров из ЮАР. Особенно вина и пива. Мои подружки купили всего в большом количестве – и вина, и пива, и фруктов, и прочих разностей. Фрукты, по-моему, так себе. Кроме авокадо (они ничего). Бананы вообще гадкие – кормовые. На ужин моя компания в ресторан не пошла, решив попробовать деликатесы из магазина. А я и не собиралась ужинать.

Новый город! Чудесный вечер! Непременно надо было прогуляться. Город небольшой. Центр – высотки. Рядом костёл, площадь с газоном, где к вечеру сгруппировались бомжеватые типажи.

К метеоритам идти поленилась. Посмотрела с поворота – лежат! Когда-то, как свидетельствует история, в этих местах упал метеорит. Его куски выставлены на всеобщее обозрение.

Нас, конечно, сразу после прилёта, по городу провезли, мы в окошко посмотрели, что и где располагается и как выглядит. Общее представление образовалось. Но и вечером я решила долго не разгуливать в одиночестве. На этом первое знакомство с городом у меня закончилось. Решила зайти в торговый центр. В Намибии в магазинах потрясающе красивые и совсем недорогие вещи для детей. Качество отменное, а цены – нормальные. И вообще – в магазинах симпатично и уютно. В общем, долгой прогулки и по магазинам у меня не получилось. Я отправилась к соавтобусницам, которые как раз собрались в нашем номере. Обсудили программу и упали спать.

Из программы: Отправление в красные пески пустыни Калахари – самой большой пустыни Южной Африки, занимающей площадь около 600 тыс. кв.км. Размещение: Kalahari Anib Lodge.

Большая часть Намибии – пустыни. Или так называемый буш. Та же пустыня, но с мелкой растительностью. Дожди тут бывают редко. Разной интенсивности. Местами дождь идёт такой мощный, что всё сносит. Но это бывает по-нашему в январе, а сейчас ноябрь. Сухо. Ветрено. Особенность пустыни Калахари – красный песок. Он действительно красный, не алый, а с оттенком

бордово-оранжевого. Есть деревья, редкие акации. В музее (это позже произошло) нам показали, какие они (акации) бывают разные, что меня искренне удивило.

К нашему лоджу мы добирались довольно долго. В Намибии есть дороги асфальтовые, а есть грунтовки. Последних много больше. И они подразделяются на «так себе», «ничего себе» и «очень плохие». На протяжении одного переезда, а это где-то 3-4 часа, количества стадий грунтовых дорог было равноценным. Плохо, что самая сложная часть дороги была в конце переезда. Трясло невероятно!

В момент нашего выхода из автобуса начался дождь. Сначала он немного покапал. А потом ливанул! Удивительно! Но туча быстро ушла, дождик немного порадовал газон, а с дорожек вода исчезла мгновенно. Когда же дожди тут сильные, то вода никуда не уходит, слой почвы здесь крошечный, под песком камень. Вот и происходит море разливанное. Но это бывает в период, когда дожди сильные.

Лодж отличный. Gondwana – большая, добротная и удобная сеть отелей. После размещения нас посадили в джип с открытыми боками. И весёлый Джон повёз нас на вечернее сафари. Периодически начинался дождик, дул ветер, но от красот захватывало дух, и про непогоду думать не хотелось.

Мы и не думали. А погода довольно быстро сменила гнев на милость.

Первая остановка была у гнезда, который напоминает шалаш бомжа, только на дереве. Птицы там живут затейливые. Про них надо читать специальную литературу. Своими словами – это большая коммуналка, с очень хорошо организованными порядками. Но внешне выглядит не самым приятным образом. Висит куча серого хлама на дереве, причём эти кучи бывают очень большими. Птиц не видно, а вот отходов их жизнедеятельности полно. Всё вокруг сухое, блестит и искрится!

Вдоль дорог есть термитники, но в этом районе их мало. Хотя они затейливо-бордовые, необычные.

Сама земля поражает краснотой и красотой. Если к этому ещё добавить сухую жёлтую траву, зелёный кустарник и редкие деревья, то палитра получается очень эффектной. А какая яркость цветов!

Но мы же привезли с собой дождь! Он помыл все красоты, и они засияли ещё ярче. Дождь, правда, нас не сразу побеспокоил. Сначала гроза гуляла вокруг. Небо было так же, как и земля, разноцветное. От сине-голубого до серо-чёрного. А внизу? Внизу все цвета, кроме синих. В общем, зрелище! Вдалеке летали молнии, но нечастые. Грома не было слышно, а потому впечатление было киношное.

Бежали антилопы. Через дорогу, вдоль дороги, и где-то далеко от дороги. Их тут много, мы видели три разных вида. Но главное – жирафы. Их было в разы больше, чем антилоп. Разное количество – и парами, и компаниями. Жирафы самые обыкновенные. Некоторые были любопытные, не убежали, а наоборот рассматривали нас. А мы – их!

К самому закату мы заехали на пригорок. Нам предложили напитки и местные закуски. Солнце садилось в облака, но всё равно было красиво. Возвращались в темноте, в свете фар мелькали ночные обитатели.

Еды в гостинице на ужине было немного, но всё на удивление вкусное.

Утром встали рано. И пошли на прогулку. Здесь, в отличие от парков Кении, Танзании и национальных парков в других странах, можно ходить пешком. Выбрали самый короткий маршрут – 6 км. На дороге обнаружили

пару дохлых скорпионов. Чёрных, тех, которые ядовитые. Вылезли они в ночи, видимо, их и раздавили. Радует, что без нас это произошло. Солнышко встало, когда мы были в пути. Крутились около нашего маршрута самые распространённые здесь антилопы – стринбоки. Выходили ониксы, тоже антилопы – с длинными рогами. Ну и всякие куропатки, и различная птичь! Птиц в Намибии такое количество, что говорить об этом даже неловко!

Из программы. Отправление в сторону знаменитого природного заповедника Соссусфлей – «визитной карточки» Намибии. В этой части пустыни Намиб дюны достигают 350 метров в высоту и поражают своими красками, монументальностью и величием. Размещение: Namib Desert Lodg.

Переезд в другой лодж был утомительным. Из пустыни Калахари мы переехали в пустыню Намиб. Путь был серым-серым, без красот и экзотики. В Намибе начались пески – настоящие, жёлтые. Потом они стали менять цвет. Были пески и серые, и красные, и оранжевые.

Наш лодж той же сети Gondwana располагался под бордовой стенкой, песчаной. Или глиняной. Идти вечером что-то смотреть не было сил. Ветер поднимал песок, радости это не прибавляло. Зато напротив нашего номера была проволочная загородка, за которой толклись куропатки, ходили антилопы. Птичек было тоже навалом! И мы никуда не пошли, а просто сели в кресла и наслаждались обществом наших соседей, а они как будто нас не замечали, а жили своей намибийской жизнью.

Наутро нам предстоял выезд в знаменитый Соссусфлей.

Из программы: На рассвете вы отправитесь в долину сказочных дюн Соссусфлей, играющих разными красками на восходе солнца. Здесь вы можете подняться на самые высокие в мире дюны, совершить прогулку к «мёртвой долине», где увидите на дне белого солончака выжженные ярким африканским солнцем деревья. И всё это – в окружении высочайших песчаных оранжевых дюн под синим небом и ярким африканским солнцем. Далее – посещение небольшого, но очень красивого каньона Сесрием (Sesriem), находящегося на территории заповедника.

Дюны тут нумеруются по километрам. Находится, к примеру, дюна на 40 км, её и называют «Сороковая». На «Сороковую» и «Сорок пятую» можно подниматься. Но мы проехали мимо. Кстати, под песком тут камень, поэтому они (дюны) никуда не сдвигаются и не сползают. Между ними располагаются остатки озёр, думали, что соляные, может, и так. Но не все, есть просто глиняные. Предложений по маршрутам было три. Длинный, средний и короткий. Длинный на 5 км, средний 3, короткий 1. Учитывая тот факт, что мы приехали к воротам парка в 6.00, то есть к открытию, были 36-е в очереди, а потом двигались ещё около часа до стоянки автобусов, то про длинный маршрут я забыла. Из-за начинающейся жары, конечно.

От стоянки, где мы оставили свой автобус, перемещались на местном транспорте. В открытых по бокам, но с тентами наверху, машинах на 9 мест, и на большом прицепе, человек на 50, который тянул трактор. Проезжали к тому месту, откуда надо было начинать движение по вышеозначенным маршрутам. Любители экзотики добирались к этому месту и на своих машинах, но только на мощных внедорожниках. Иначе машины садятся в песок. Одну мы вытаскивали на обратном пути.

Итак, дюны. Их, конечно же, много, они очень разные. Там, где нас высадили, их несколько, наползающих одна на другую. Они как хребты каких-то гигантских рыб. Только разноцветные.

Мы вдвоём отправились нижней дорогой. Но и внизу было очень жарко. Хотя какая разница может быть с температурой, внизу или наверху? Конечно, мы были одеты удобно. Использовали крем от загара. Я закрутила платок на голову. Не обгорела. Но жара пугала и беспокоила. А вдруг? Мало ли что может случиться с нами, в общем-то, с северными людьми, при температуре +38 в тени? Небольшой ветерок немного облегчал наше существование, но именно немного.

Мы без проблем добрались до «визитной карточки» Намибии.

На белом круглом пространстве под ногами торчат чёрно-серые палки-коряги. Вокруг красные пески и голубое до слёз небо. Но на меня не произвели сухие деревья никакого впечатления. Конечно, здесь получаются красивые фотографии. Но в целом остаётся грустное и печальное настроение от всего этого зрелища. А вот цвет дюн вокруг фантастический. Бордовый, красно-бордовый и так далее. Все оттенки красного и бордового, жёлтого и белого. Какая красота! Говорят, сверху озёра завораживающе хороши. Белые на красном, с миражами и чёрно-серыми мёртвыми деревьями. Или просто белые без всего. Но на красном же! Наверное, но внизу всё обыденно.

Мы (двое из нашей группы) довольно долго ходили по этому сухому озеру. Фотографировали, разглядывали окрестности. Пожалела, что мне совсем не 20 лет, и даже не сорок. Почему? Потому что мне стало страшно идти наверх. А вдруг станет плохо? Обидно, конечно. Но рисковать я не стала. Если бы

время не ограничивали, да мы вышли рано, то можно было бы пойти. В своём темпе, не спеша, я бы точно всё преодолела.

Один из наших одногруппников позже поделился фотографиями. Сверху видны озёра, точнее, белые размытые пятна. Небо голубое. Пятна озёр светло-серые. Дюны красные и прочей расцветки. Нарядно.

Мы внизу видели всё то же самое, за исключением того, что озеро было одно. Мы посидели на старом дереве, откуда нас согнала дама-гид, объяснив, что ему миллион лет. Думаю, что совсем не столько ему лет, это, во-первых, а во-вторых, она права. Незачем нам было сидеть на сухом дереве, не лавка же? Сколько бы ни было ему лет, шансов рассыпаться у него будет много больше, если такие, как мы, будут на него усаживаться. Не останется здесь этих чёрных раскоряк, и картина мира сильно изменится.

Жара усиливалась. Народу вокруг становилось всё больше и больше. Смешные пухлогубые русскоязычные дамы, переодевшись в платья, снимались на фоне то ли песка, то ли мёртвых деревьев. У нас в группе тоже были две красивые девушки, которые переоделись в платья и сделали такие фотографии. Мы этого не видели, потому как побрели к стоянке трактора. Он, кстати, ездит не часто. В ожидании его и тех товарищей, которые где-то застряли в песках, на лавочках под огромной акацией (а может, это ещё какое дерево?) сидела разноязычная компания. Дождавшись удачных мест, мы чуть ли не упали на лавки. Общество воробьёв и грачей, которые никого и ничего не боялись, примирило нас с действительностью. Чуть позже к нам в нашу компанию добавились две вороны. Они тут не чёрные, а в белых воротниках. Одной удалось раздобыть кусок чего-то съедобного. Она принесла добычу и поделилась кусочком со второй! Как это было трогательно!

Когда собралась почти вся наша группа, выяснилось, что народу много, а транспорта нет. Когда он наконец появился, я и ещё несколько человек сели в машину, остальные – к трактору в прицеп. На обратном пути мы задержались, потому как извлекали из песка машину французов. Наш водитель сел за руль к ним в машину, а наши попутчики – группа испанцев и один наш турист стали машину вытаскивать. Не быстро, но это сделать удалось. На стоянке мы пересели в свой автобус и отправились в каньон. Хорошо, что он был небольшой. Потому как сил двигаться не было. С ужасом представляешь, как по нему несётся вода в сезон сильных дождей. Кстати, вода в части каньона осталась. В глубоком месте плескалась лужица, а это – спасение для живности, которая может к ней добраться. Птички при нас там гоношились, а бабуины, говорят, приходят по ночам.

Вернулись мы в лодж чуть живые. Но очень быстро пришли в себя. Во-первых, сходили в бассейн. Во-вторых, повторюсь, линия наших бунгало была вытянута вдоль очень красивой горы-дюны. Но до неё было некоторое расстояние. Где постоянно бродили всякие антилопы – рогатые и не рогатые, неспешно гуляли куропатки – красотики в горошистом оперении. Они или ходят спокойно, или вдруг бегут по одному, им известному маршруту, как будто куда-то опаздывают! Когда видишь эту тихую жизнь, забываешь обо всех проблемах.

Нас на удивление вкусно накормили за ужином. Вроде как и не было особого разнообразия в меню, но вся еда для меня оказалась очень подходящей. И мягкие сыры, и прекрасное мясо, и десерты. Столики нам накрыли на улице, в центре лоджа. Между баром, бассейном и ресепшеном. В первый вечер

здесь бурно ликовали французы, они отмечали чей-то день рождения. Во второй вечер к нам присоединилась группа японцев. Они пришли на ужин, если не все, то большинство с фотоаппаратурой, объективы которой напоминали водосточные трубы в коттеджном посёлке.

Кстати, в лодже зелено, посажены цветочки согласно климатической зоне. Рано утром начинается полив. Есть небольшие кусочки газона. Зелёные, элегантно. И вот во время ужина около ресторана вдруг появился пумба. Старый, серо-зелёный зверюга-бородач, похожий на вытянутого кабана. Как он пролез на территорию, знает только он. Вокруг лоджа загородка, внизу камень, потом два ряда проволоки. Правда, она невысокая, но её точно перепрыгнуть невозможно. Видимо, у него были свои, только ему известные пути.

Пумба начал есть газон. С настроением. А вот японцы есть перестали. Побросали вилки-ножи, схватили аппаратуру и побежали к пумбе. Ему это не понравилось. Он перестал жевать и с деловым видом пошёл, временами ускоряясь, по дорожке. Японцы – за ним. Чуть дальше за рестораном пумба сделал своеобразный маневр. Резко прыгнул за угол ресторана. Японцы стали оглядывать угол, а он пролез по узкому проходу, вышел прямо на нас, потому что мы сидели у него на пути. До нас ему дела не было. Он опять отправился на тот кусок газона, который ему понравился. Понятно, что японцы тоже вернулись в ресторан, сделав большой круг. Пумба, может быть, был бы в полной мере счастлив, полакомившись запретной зелёной травкой, но вышел кто-то из персонала, увидел его и согнал с лакомого места. Думаю, что пумба тут свой обитатель, наверняка приходит сюда не в первых раз, потому как уж очень хорошо ориентируется.

Утром я встала рано, вышла на свою терраску и с удовольствием наблюдала за зверьём вдалеке и птичками прямо под моим носом. Чуть позже я купила книжки-определители. Про птиц и животных. И теперь всё про всех, кто живет в Намибии, знаю. Ну а на тот момент я просто их рассматривала.

Из программы. Переезд в Свакопмунд – небольшой городок на побережье Атлантики и в окружении песчаных дюн. Этот город был основан немцами в конце XIX века. Сейчас, попав сюда, будет сложно поверить, что вы находитесь на юго-западе африканского континента – здесь всё пронизано немецкой архитектурой. Ресторанчики, кафе, сувенирные магазины, Атлантика и дюны – всё это создаёт совершенно сказочную атмосферу. Размещение: Swakopmund Deligh.

Дорога в этот день радовала кактусами на остановках. У заправок для привлечения внимания туристов собраны небольшие садики. Симпатично. А ещё тут любят всякий хлам автомобильный. Стоит пара ржавых прицепов, пяток машин, точнее, их остатки, и какие-нибудь обломки прицепов. Ну и кругом кактусы. Да! Чуть не забыла про тряпки-деревяшки. И поделки из всего, что попало под руку. Концептуально.

Обязательно на заправках есть бар, магазинчик с сувенирами, и предлагается минимум еды прямо в сувенирках, которые иногда радовали нас необычностью. Какую-то еду и напитки, что было особенно в жару актуально, мы покупали в сетевом Spar. Эти магазины в Намибии повсюду.

Когда вдалеке появился океан, мы воодушевились. Песок и голубая вода – сказка! Но сначала мы попали в порт, затем ещё километра три ехали вдоль берега. Порт большой, серьёзный. Вдалеке видно много судов на

рейде. И стоят на почтительном расстоянии друг от друга две огромные платформы для нефтедобычи. Конечно же, мы решили, что здесь качают нефть. Ничего подобного. Платформы притянули сюда для ремонта. Здесь и суда ремонтируют. Но с дороги этого не видно.

Пригороды Свакопмунда выглядят прилично. Без трупоб. Во всяком случае, у дороги мы видели несколько районов с социальным жильём – одинаковые серые домики. Земли нет совсем, дома стоят почти вплотную, хотя и отгорожены друг от друга заборчиками.

Ближе к центру появились строения явно побогаче.

Из энциклопедии. Первым из европейцев район современного Свакопмунда посетил португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш, поставивший здесь на побережье палан. В 1793 году в устье реки Свакоп высаживались голландцы. В 1862 году немецкая канонерка Волк (Wolf) подняла над бухтой свой флаг в знак перехода территории под покровительство Пруссии. В сентябре 1892 года германский комиссар по освоению Юго-Западной Африки капитан Курт фон Франсуа основывает здесь поселение и строит порт для принятия прибывающих войск и гражданских переселенцев. Немцы расширили и углубили естественную гавань Свакопмунда для принятия крупнотоннажных судов. В апреле 1899 года в Свакопмунде вступает в строй международный телеграф. В 1902 начинается строительство деревянного моста через бухту (в 1912 году заменён железным). В 1902 же году была запущена первая в колонии железная дорога, соединившая Свакопмунд и Виндхук. В 1909 Свакопмунд получает городской статус. В 1912 году здесь начинает работать радиостанция. С началом Первой мировой войны в сентябре и октябре 1914 года город неоднократно подвергался оружейному обстрелу со стороны крейсеров британского флота. К концу 1914 Свакопмунд был занят южноафриканскими войсками. С 1919 и по 1990 год Свакопмунд контролировался ЮАР. Большая часть населения города и поныне составляют намибийские немцы – потомки первых немецких переселенцев.

Мы посмотрели город, гид провёз нас по кругу. Набережная – километров десять, роскошная. С пальмами, цветочками, ресторанами, пляжем. Центр «косит» под Баварию. Но мне это показалось сильно надуманным. Для Баварии дороги слишком широкие. И дома – просто разноцветные и не такие, как везде в Африке. Да и в Баварии они другие. Хотя наш отель, который когда-то при немцах был вокзалом, оказался отменным. И красивый, и удобный. И в самом центре города.

Оставив вещи в номерах, мы ушли в музей. Рядом ещё была галерея «Кристалл» с местными камнями и магазином, но что-то мне туда идти не

захотелось. Но в первый день мы бы туда и не успели. А вот музей краеведческий в Свакомпунде – шикарный. Большой. С богатой экспозицией. Кстати, история появления тут немцев сильно разнится по времени. Везде написаны разные годы. Где-то 1890, где-то 1892. В музее есть длинный стенд с 1892 и по 2023 (почему-то). Хотя немцев отсюда выставили с началом Первой мировой, то есть в 1914 году, а официально сюда пришла ЮАР. Но немецкого в музее много, особенно предметов быта начала XX века. Поразили стоматологические кресла тех лет, медицинский инструмент. Да чего там только нет! В нашей гостинице тоже представлено много исторических фото. Обустраивались немцы в этом месте основательно. Правда, их и сейчас здесь много. Особенно туристов из Германии.

Вокзал в городе, между прочим, тоже есть. Но он ближе к окраине. Железную дорогу укоротили, а в бывшем вокзале открыли гостиницу. Перевозки сейчас в основном грузовые. Хотя и пассажирский поезд ходит из Свакомпунда в Виндхук. Но он не пользуется популярностью. Основной транспорт в Намибии – автомобильный. Есть авиaperевозки. Знаменитая «Эйр-Намибия», правда, почему-то обанкротилась. Говорят, это политические игрища. Осталась какая-то небольшая местная авиакомпания.

Вечер я провела в прогулке по пирсу, по набережной, по улицам города. Здесь, в отличие от всех намибийских городов и поселений, народ гулял. Не везде, но на набережной имелся. Да и наша гостиничная территория тоже радовала красотой, немецкой организованностью и порядком.

Из программы. Поездка в Вэлвис Бэй (Walvis Bay), основной порт Намибии, на экзотическую экскурсию на катамаране по Атлантическому океану. Вас ждёт встреча с обитателями морских глубин, дельфинами, морскими котиками, а также посещение фермы по выращиванию устриц. В конце путешествия – ланч с шампанским и устрицами на борту судна. Далее – экскурсия в Sandwich Harbour. Sandwich Harbour является частью заповедника Namib Naukluft Park. Это уникальное место, о котором слышали многие, но мало кто видел своими глазами. Гигантские песочные дюны, уходящие прямо в океан, создают незабываемый, захватывающий дух ландшафт.

Радость-то какая! Поездка по Атлантике! Правда, по заливу, но всё равно отлично! Нам повезло. Мы грузились на наше судно одни в каком-то крошечном заливчике, где на берегу сидели местные тётки и продавали еду работникам фермы по разведению устриц и трудягам с судоремонтного завода. В общем, этот причал – место не туристическое. А вот наш катамаран был исключительно оборудован для туристов. Невероятно удобный и с потрясающим капитаном. Дядька немолодой, весёлый, колоритный. Всё делал, что называется, «одной рукой». Для начала скажу, что я была в московской осенней куртке и в головном уборе. То есть было холодно, дул ветер. И кто бы мог подумать, что у меня обгорит лицо! И особенно нос. Но это выяснилось к вечеру. А начало нашей поездки было великолепным.

Мы рассматривали отдельно лежащих котиков, а они лежат на всём, что находится в воде. На бакенах, на каких-то бочках или корзинах устричной фермы. Рассматривали портовые краны и какие-то суда. Пахло рыбой.

Как только мы немного отделились от причала, к нам по лесенке на корме в катамаран запрыгнул большущий котик. Он явно делает это регулярно.

Потому как тут же, хлопая ластами, запрыгал в сторону капитана. Покрутился с нами, попозировал. Капитан его покормил и отправил в воду. Потом мы видели дельфинов. И очень много.

Да, следом за котиком нас навестила парочка пеликанов. И не просто навестила, а устроилась у нас на тенте. И так с нами и плавала все три часа. Один улетал, но вернулся. А второй, как приклеенный к тенту, не сдвигался с места ни при каких обстоятельствах. Очень они смешные, интеллигентные попрошайки.

И вот наконец-то мы добрались до лежбища котиков. Их тут около 700. По берегу они сидят, лежат, двигаются большими прайдами. Сейчас время семейных игрищ. Огромные самцы гоняют конкурентов мощными рыками.

По воде плавают ребятки подрощенные. Смешно лежат на спине, машут ла-стами. Всего в Намибии около 2500 котиков.

На вторую экскурсию я не поехала. И правильно сделала. Во-первых, я обгорела на первой, но об этом не знала. Вот добавила бы! Во-вторых, на джипах по песку я много ездила. В разных странах. Если бы экскурсия была включена, то вопросов бы не возникало. А платить за то, что уже было, плюс за напитки, которые я не пью, не очень хотелось. И хорошо, что не поехала. Наши путешественники видели огромное количество мёртвых котиков-малышей. Якобы, так и должно быть. Но зачем мне на это смотреть?

Во второй половине дня я прошлась по художественным галереям и книж-ным магазинам. На русском языке ничего не нашлось. Но я и не ожидала тут ничего на русском увидеть. Думала, найду книжечку про растения Намибии в дополнение к животным и птицам. Хотя бы на английском. Но про растения книг в продаже не оказалось.

Три художественных галереи порадовали разнообразием экспонатов. Но стало проявляться моё разгильдяйство – заболело лицо. Пришлось закончить прогулку и вернуться в гостиницу. Ночь была незабываемой. Хорошо, что то-варищи дали средство от ожогов, и даже пришлось выпить снотворное, но всё равно было ощущение пожара на лице сквозь дрему. Снились ужасы и какие-то горячие кошмары. Утром лицо сильно «гореть» перестало, но нормальное самочувствие восстанавливалось долго.

Из программы. Валвис Бэй – Дамаралэнд (в пути 420 км). Отправление в район Дамарленд. По дороге вы увидите гору Брандберг – самую высо-кую гору Намибии, название которой в переводе означает «пылающая гора». Также вы увидите интересные природные образования – «орган-ные трубы» и окаменелый лес. Размещение: Damara Morane Lodge.

Решили поехать другой дорогой, чтобы посмотреть на скальные рисунки. Сначала добрались до океана, надо было сделать фото на фоне разбито-го корабля. Это традиция, которую мы решили не нарушать. Хотя, что в этом хорошего? Вдоль берега Ат-лантики тянется пустыня Намиб. С ужасом думаешь, что люди, потер-певшие кораблекрушение, а здесь их было немало, попадали в без-жизненное пространство пустыни. Страшно...

Далее по этой дороге с видом на разбитые корабли мы не поехали. Отправились к скальным рисун-кам. Не помню названия, но это объ-ект ЮНЕСКО. Интересно невероят-но. Но очень жарко. Ветра не было, а потому казалось, что ты не идёшь, а проплываешь в горячей воде. Раска-лённый воздух было можно раздви-гать руками.

По пути остановились у импровизированной продажи полудрагоценных и просто красивых камней. Камни были выложены в шины, но почему-то нигде не нашёлся хозяин. Нам ничего не приглянулось, и мы отправились дальше.

Тот самый сад окаменелостей, о котором рассказывает программа, – это мечта палеонтолога и ботаника. Много интересного. Но где силы-то взять к вечеру в жару?

В лодже было восхитительно. Но ночевали мы там одну ночь. Жаль! Каж-дое бунгало – сделано как деревенский домик. В заборчике и с грядками. Удобно, комфортно и полезно по хозяйству.

Из программы. Дамаралэнд – Национальный парк Этоша (в пути 350 км). После завтрака отправление в деревню химба Otjikandero Orphane Himbavillage, где вы сможете увидеть представителей пле-ни химба. Исконные земли жителей этого племени находятся далеко на севере страны и являются труднодоступными. Otjikandero же нахо-дится в полутора часах езды от западных ворот парка Этоша и даёт отличную возможность узнать о быте, культуре и традициях химба. Далее – переезд в район национального парка Этоша – самый большой парк Намибии. Это место – дом для огромного количества животных, здесь обитают 114 видов млекопитающих, 340 видов птиц, 50 видов змей и множество экзотических растений. Размещение: Etosha Safari Lodge.

Сегодня был «Театр тётки Моти», но в племени химба. Постановочная де-ревня. Сделаны домики, ходят (больше стоят) тётки и бегают дети. Ещё была пара коз, пяток кур. Ни одного старикана никакого пола не нашлось. Детиш-ки – в основном мальчики. Девчонка была только одна.

Нас встретили тётки с ужасами, накрученными на голове, как будто с их голов свисают оранжевые осьминоги с чёрными венниками на концах. Они (дамы) намазаны чем-то особенным – коричневым.

А вот детки искренние. Они же не понимают, в чём дело. Мне понравилась школа-подготовишка. Она похожа на настоящую. Детишки нормально одеты, с ними очаровательная, с красивой улыбкой учительница.

Я не люблю ездить в племена. Понимаю, что тут всё же есть много интересного, но театральность этих мероприятий меня раздражает и огорчает одновременно. Эти люди живут так сотни лет. И они не просто накручивают на ноги браслеты для красоты, в этом есть и практический смысл. Именно в это место на ногу чаще всего кусает змея или скорпион. Конечно, и красота тоже – важна! Но для туристов организуют исключительно то, что может нам казаться самым необычным.

Химба-женщины невероятно колоритные. Коричневая кожа, очень крепкие ноги, большая грудь, которая у всех почти висит. Грудь они не прикрывают. Волосы, как у всех африканцев, насколько я знаю, короткие. На них как будто приклеены чем-то оранжевым, похожим на глину, длинные толстые косы (как трубы), завершающиеся буйной распущенной частью треугольной формы.

Вообще-то эти земли были когда-то куплены неким европейцем, который и придумал это зрелище для туристов. Живут эти люди недалеко, а в эту деревню приходят «на работу». Ни одного мужчины мы не видели, они, якобы, пасут скот. Ни одного старика, повторюсь, тоже. Они-то куда отправились? Детишек мало, на самом деле их в семьях много больше. Этих привели для дополнения образа. Деткам было скучно. Но все легко шли на контакт, то есть фотографировались. Ничего не кланчили. Один парнишка, чуть постарше, пытался что-то у нас попросить. Но только тогда, когда увидел, что мы отошли в сторону. На улице в городах дети кланчат запросто. Тут это запрещено, потому как за это мероприятие мы уже заплатили.

Дети – везде дети. Как один малыш играл с водой! В тазике её было совсем чуть-то на дне. И она была грязная, иначе кто бы ему позволил? Пить хотели все, даже пытались попросить у кого-то из наших бутылку с остатками газировки. Ещё одному малышу дали миску с горсткой пустых макарон. Почему только ему? Непонятно. Он ел, но неохотно. А как смотрели на него остальные!

Вернулись в лодж мы не поздно. Народу у нас в лодже было много – немцы, французы. Ресепшен на горке, очень красиво. Кормят потрясающе вкусно. Много мяса, местного (антилопы). Приготовлено хорошо. Всё съедобно. Интересная придумка. Номер бунгало, а их здесь 65, приклеен на пустую литровую бутылку из-под вина. Внутри светильник. И удобно, и практично, и очень необычно (симпатично). Смотрели с нашей возвышенности на закат. Говорят, они тут самые красивые в мире! Это всё же слова! Любой закат прекрасен по своему. Как и рассвет!

Ночью над нами висели звёзды. Разные: яркие и не очень, известные и какие-то шустро исчезающие. Друзья предусмотрительно скачали на телефоны программы распознавания звёзд, но больше всего радовались обнаружению космической станции. Программа её тоже определяет. А станция двигалась и довольно быстро. И это почему-то мне казалось чем-то киношным!

Из программы. Национальный парк Этоша. Сафари в парке Этоша – полный день. Размещение: Etosha Safari Lodge.

Очень ждала этот день. Давно не была на сафари, а это потрясающее действо. Наблюдать за животными можно до бесконечности. Но... Парк Этоша

огромный, это целое государство. С одной стороны – солёное озеро. Но в сезон дождей, 2-2,5 месяца оно полноводное, а в сухой сезон – белая гладь и миражи. Мы приехали в самый что ни на есть сухой сезон, точнее, к его окончанию. Вот-вот должны начаться дожди, и они начинались. Но не здесь. Здесь реки пересохли. Озеро тоже. Всё серо-белое. Пылища!

Наш лодж расположен вне парка, но ехать до ворот пятнадцать минут. Внутри есть государственные лоджи, в два из которых мы заезжали. Они большие, с кемпингами. Попроще, чем наш, где-то уровень нормальной «трёшки». Главное в этом парке – оборудованные водопой для животных. Они сделаны около лоджей, и тут же сделаны специальные площадки для туристов. Около одного из лоджей, куда приходят слоны, сделана и хорошая, надёжная загородка для безопасности. Смотровые площадки все приподняты, и все огорожены. Где-то попроще, где-то основательно. Я бы и не ездила никуда. Сидела бы на такой площадке и смотрела бы на зверьё. Пить хотят все, а потому все животные сами к воде приходят. Но водопой организован и по всему парку. Воду качают насосы. Вода есть в каких-то слоях почвы, но очень глубоко. И по трубе вода выливается в небольшой прудик. А иногда и очень даже приличный пруд, где, к примеру, слоны водные процедуры принимают.

По парку также есть выгородки специально для туристов. В этом парке из машин выходить нельзя. А в этих выгородках оборудованы столы с навесами, сделаны туалеты. Учитывая то, что сафари было рассчитано на весь день, это очень удобно.

Еду на обед можно заказать в своём лодже, то есть взять коробку с обедом, а можно было поесть в любом лодже, где мы останавливались. Цены вполне сносные на еду. Кофе 30 местных долларов, что-то около 150-170 рублей в переводе на российские рубли. А вот цены на сувенирку разные. Я купила книги – энциклопедии. Всегда так делаю. Или одну книгу про флору и фауну покупать нужно, или отдельно – про птиц, животных, растения той страны, куда приехали. Не во всех странах есть такие издания. Но с ними ездить по национальным паркам много интереснее. В Намибии книги (скорее буклеты) потрясающие. К каждой птице (животному) – табличка, где указано всё про каждого. Очень удобно!

Так вот в Свакомпунде в книжном магазине книга стоила 140 местных долларов. А по парку, в первом от ворот лодже – 160, в центре – 170. Может, дальше было и дороже, но мы повернули обратно. В принципе на книги деньги жалеть нельзя, они необходимы в поездке, где в программе надо смотреть на животных и птиц.

Дороги по парку – грунтовки, вроде как ровные, но мотало нас из стороны в сторону очень сильно. Мы ездили на своём автобусе, он закрытый. Когда мы останавливались, то прекрасно открывались и окна, и крыша. Но большую часть пути мы проехали закрытыми. Пыль вокруг была невероятная!

У водопоев было много зебр, всяких антилоп. Жирафы приходили. Они очень осторожные. Хотя все звери не бегут к воде, а идут спокойно. Видимо, из опасения за свою жизнь. Но в этих водоёмах нет, к примеру, крокодилов. Но инстинкт... Жирафы пьют, вставая в раскоряку, треугольником. Они долго оглядываются, устраиваются. И вообще сначала идут к воде, потом отходят обратно. И так несколько раз. Пока дождётся их «треугольников», потом сойдёт с тебя от жары. Антилопы приходили – то мальчики (рогатые), то девочки. То есть они перемещались однополыми компаниями, причём довольно большими.

А вот со слонами нам повезло. К водопою у одного из парковых лоджей пришла большая компания мам и деток. Одна детка была совсем маленькая, ей не больше месяца. Другие постарше, один детёныш точно уже большой. Какие же они славные! Мамы поливают их водой! И себя тоже. Пыхтят, свистят, издают какие-то звуки. Одна мамашка отошла поесть и занялась сухим кустом, а её детёныш был поначалу занят водой, но, когда понял, что мамка куда-то делась, перепугался, запаниковал. И – вот оно счастье – увидел её! Прибежал к мамке и встал рядом. Куст ему был не интересен. Но он стоял рядом как вкопанный и всё-таки смотрел время от времени в сторону воды, где уж точно было много интереснее. Зато рядом с мамой надёжнее.

Мы в этот день не увидели ни носорогов, ни львов, ни гепардов. Было невероятно жарко и душно. В +38 мы выехали в 6 утра. Парило. Вечером стало

ясно, почему. Пришёл ураган и гроза. Дождь вроде бы был сильный, но утром его последствий мы и не заметили. Ветер, казалось, ночью вот-вот мог снести и наше бунгало. Но всё устояло. А вот жара, духота в сочетании с тряской на дороге не дали нам возможности поехать по парку подальше. Если сил нет, дышать нечем даже при хорошем кондиционере, то какие тут звери? Жаль, конечно. Увы.

Но ранним утром ко мне под мой балкончик, а он был на высоте полуметра от земли, приходила антилопа Дикдик. Это самые маленькие антилопы. Моя гостья была крошка с огромными глазами. Любопытная. Телефон я оставила в комнате. Жаль. Она такая трепетная красавица! Тоже обитательница парка, но гуляющая сама по себе – вне всяких загоронок. И это прекрасно. Долго за ней наблюдала!

Из программы. В пути 140 км. Переезд в парк Отжива. Размещение: Otjiwa Safari Lodge.

Утренняя дорога была на удивление приятной. Больше асфальта, хотя и по грунтовке мы тоже ехали. По пути останавливались в двух малюсеньких городках. В одном зашли в два сувенирных магазина. Один – традиционно африканский, с большим выбором разных симпатичностей. Второй – ювелирка и недешёвый трикотаж. Туристов тут любят, сувениров много, выбор есть. А все поселения местных жителей очень похожи на южноафриканские.

Парк Отжива – частное владение. Здесь его называют фермой. Лодж красивый, удобный. Территория большая, совсем не огороженная, на ней есть ещё один лоджи вилла, около которой водопой и круглосуточно ходит живность.

Напротив нашего номера – большой пруд, причём глубокий. Но пустой, сейчас он без воды. По лоджу ходят животные. Не то чтобы вдоль и поперёк. Но за детской площадкой крутились антилопы, около бассейна на почтительном расстоянии – тоже. Чуть дальше стояли жирафы. Думаю, там их прикармливают. В бассейне, а они тут с прохладной водой, потому как её качают насосы из грунта, с видом на жирафов и антилоп, плавала сначала я, потом красивая уточка. Потом опять я, затем она. Большущая компания немцев пила пиво и делала селфи. Но, в конце концов, несколько подростков всё же в воду спустились. На радость нам с уточкой. Но только для фото! Как-то не принято тут плавать в бассейнах. И это во всех лоджах. Хотя один раз мы (на русской традиции не распространяется, мы везде плаваем) искренне веселились с местными чернокожими девицами, приехавшими отдохнуть в национальный парк на выходные.

Вечернее сафари – та же компания, что гуляла за бассейном, переместилась в места своего обитания. Я не про немцев, а про жирафов, антилоп и прочую живность. В этой местности совсем другая природа. Деревьев и кустарников больше. Но это опять же колючки и акации, хотя и их несколько видов. А что тут удивило, так это какое-то огромное количество термитников. Они чаще всего были красно-бордового цвета, иногда белёдые, как пеплом покрытые, иногда жёлто-сероватые. Если они кажутся влажными, то с ними всё хорошо. Они живут и здравствуют. Если в них большие дыры, значит, неживые. И кого внутри только нет, от мелкого зверья до змей и прочей опасной пакости.

Расстояния мы преодолевали небольшие. Жирафов в этом парке много – больших и маленьких (деток). И много различных антилоп, даже тех,

которых мы раньше не встречали. И – о, ужас, как я их боюсь! – носорогов. Они, правда, хороши! Белые (вид такой). Не по цвету кожи их так называют, они на самом деле серые. Что-то у них есть отличительное от носорогов чёрных. В носу! И рогов два! Но я не зоолог, мне всё равно, какие тут носороги. Главное, чтобы близко не подходили! Если им что-то в нас не понравится, думаю, количество рогов значения иметь не будет. И одним можно всё разнести в пух и прах.

Но носороги были заняты своим делом! Едой. В одном стаде их было много – больше десяти, разные по возрасту. Спокойные. И чуть поодаль мы встретили мамку с малявкой. Носорожек родился 22 августа этого года, о чём нам сообщил наш рейнджер. Когда чуть в стороне от них подрались пумбы, он испугался, побежал. Мамка – за ним. Потом стало ясно, что у пумб свои разборки и они никому не опасны. Мама с деткой остановились, подумали, и вернулись туда, откуда ушли. Всё-таки там была еда!

К закату мы поднялись на небольшой холм с красивым обзором на все 360 градусов. Собиралась гроза. Она ходила с трёх сторон. Молнии падали вниз или неслись в черноте туч горизонтально. Рассыпались салютом. Жутковатое, но завораживающее зрелище. Грома было не слышно, а потому было понятно, что стихия ещё далеко. Она к нам пришла, но позже. Когда мы вернулись в лодж. Ночью шёл дождь, но я его только слышала. Утром было сухо. В этом году, как говорят местные, дожди начались раньше обычного. Но что значит начались? Пришла туча, немного сбрызнула землю. И всё. Сезон дождей ещё впереди.

Вечером в ресторане мы слушали вокал наших официанток, которые переодевались в красивые платья. Мне понравилось. И пели неплохо, и выглядели прекрасно.

Из программы. Омаруру (в пути 320 км). Настоящей изюминкой Омаруру является водопой рядом с лоджем. Сидя на террасе ресторана, каждый день гости этого лоджа могут наблюдать настоящий спектакль, актёрами которого являются дикие животные этой засушливой страны, приходящие на водопой. Очень часто здесь можно увидеть носорогов, жирафов, различные виды антилоп, птиц. Размещение: Oamaruru Game Lodge.

Лодж Омаруру уникальный даже по меркам этой страны. Он зелёный, пальмы на территории немолодые, им много лет. За насаждениями ухаживают очень грамотно. Помимо высоченных деревьев, есть и «подростки», и совсем крошечные пальмочки. Самое интересное – это территория лоджа. Половину составляет водопой, отделённый метровой, может, – чуть больше, оградой. С деревянным поручнем, на который удобно облакачиваться. Водопой – пруд, приличный, метров 50-70 в диаметре, но мелкий. С островком, на котором растёт большое дерево. Сама загородка, а за ней и территория лоджа – в форме волны.

Около воды находятся несколько ровных площадок для корма (сена). Бунгало – удобные, круглые домики под соломенными крышами – с высокими потолками, всеми удобствами и панорамными окнами. От нашего окна до водопою в узком месте – 2 метра, где пошире – чуть больше трёх.

Я сидела в кресле, в тени. Потому как соломенная крыша накрывала не только само бунгало, но и немного отмокту. И прямо передо мной за

загородкой – как в зоопарке. Только нет отдельных вольеров для каждого вида животных, а все живут вперемешку. Точнее, приходят сюда. Подкормиться, попить. И пообщаться!

У самого номера, а они – каждый с именем, наш – «Жирафы», ходит парочка павлинов, кот домашний – обыкновенный, несколько каких-то птичек – они как курочки, шустрые и тихие. Бегают молча. А павлины орут, причём мерзко. И хвосты распускают время от времени, правда, непонятно, перед кем красуются.

Про птиц я ничего сказать не могу. Их очень много. Конкретно у водопою – утки, гуси, цапли. Всех цветов и форм. Они, конечно же, все разные. Гвалт и галдёж от них утром, днём, вечером. И немного ночью. Звуки всевозможные, тихие и громкие, басовитые и писклявые, короткие и продолжительные. Всхлипы, вскрики, крики, вздохи, и роскошные арии – соло и хором! Птички вообще по утрам погалдеть горазды и в Москве, но тут что-то удивительное по разнообразию звуков!

С утра до вечера вдоль нашего ограждения ходил здоровенный жираф Семми. Он появился сразу после нашего заезда, после 14.00. Очень большой, немолодой. По центру линии ограждения – ресторан. Тоже по форме бунгало, только побольше жилых помещений. Лодж вообще небольшой, домиков на десять (двойных), и два отдельных – семейных. Ресторан тоже маленький. Есть бассейн и отделение с сеткой как теннисный корт, где вечером кормили то ли гепарда, то ли леопарда. Ну а Семми ходил и кокетничал с нами. Наклонялся, разрешал себя погладить. В этом лодже при заселении мы подписывали документ с перечнем запретов – их много, заняли целую страницу. Думаю, там был запрет и на кормление животных.

Их, кстати, никто и не кормил. В общем, большущий Семми прохаживался вдоль загородки, наклонялся. Когда же около 18.00 на территорию водопою выехал небольшой трактор с прицепом, а в прицепе лежало свёрнутое в тюки сено, Семми быстро ушёл туда и стал есть сено прямо с прицепа, хотя служащие начали его выгружать на ближнюю к нам площадку. Для жирафов есть и высокие кормушки. Они чуть дальше. Вечером туда пришли не меньше двадцати персон. Но такой, как Семми – общительный – один.

Зато ещё были общительные носороги. Первыми появились мама с подростком. Потом ещё четыре. Первая парочка пришла и к ресторану. Оттуда выносили понемногу им какую-то еду, тоже что-то зелёное, но мелкое и спрессованное. Носороги даже жирафа от этих катушков отогнали и как пылесосом втягивали их. Но жираф к ним не особо рвался. Он и не попрошайничал, а ходил и наслаждался общением с теми, кто уделял ему внимание. Носороги разрешали себя погладить. Но к большому рогу (у них по два), который самый крайний, дотрагиваться не давали. Сразу отворачивали голову. Но вообще-то они тут доброжелательные. Всё зверьё здесь живёт давно, в таких условиях выросло не одно поколение. Они привыкли к людям. Но дикие животные, особенно крупные, всё равно опасны.

Ещё были чудесные антилопы. Крупные, горбатые, местами волосатые. Серые. С ослиными улыбками, тоже очень общительные. Такой вот получился к вечеру контактный зоопарк. Про страусов, антилоп среднего размера – я и не говорю. Много их.

Вечером почти все ушли, ночью особо никто не появлялся. Кормят зверьё, как поняла, в основном для развлечения гостей, ибо еду местное зверьё добывает самостоятельно.

Из лоджа можно съездить на сафари, как и повсюду. Но зачем куда-то перемещаться, если все приходят к тебе сами?

Из программы: Омаруру – Виндхук (в пути 270 км). Переезд в Виндхук. Знакомство с Виндхуком – экскурсия по городу – столице Намибии, самому крупному городу страны с населением около 330 тысяч человек, расположенному в её центральной части. Виндхук находится на высоте 1700 м и имеет довольно комфортный климат. Во время экскурсии вы увидите лютеранскую церковь, форт, проедете по центральному авеню, познакомитесь с историей города и его современным укладом жизни.

Всё, что было в программе, мы увидели. В столице основной задачей было попасть в магазины, которые почти все или уже были закрыты, или вот-вот должны были закрыться. Потому что в воскресенье все отдыхают в Намибии. Я все покупки сделала раньше, меня ничего не волновало. Кроме желания получить юбилейную монету, но гид мне её подарил. По городу гулять сил не было, я включила телевизор в номере и стала смотреть и слушать местных музыкантов, что меня невероятно радовало.

Почитала историю страны.

Всё в этой стране – как и везде по Африке. Пришли одни племена, потом другие. Приплыли одни колониальные завоеватели, затем их сменили другие.

Годы. Люди. Жизни. Войны.

И мир, наконец-то.

Главное, 21 марта 1990 года Намибия провозгласила свою независимость. Сейчас, на первый взгляд, здесь всё спокойно и тихо. Туристов много, причём большинство – немцы, но есть и французы, и русские, и испанцы. Не скажу, что сюда надо ехать за отдыхом. Разве что провести несколько дней в недешёвом лодже у бассейна. Пляж есть в Свакомпунде, в центре города. Небольшой. Но Атлантический океан холодный и опасный.

А вот любителям экстрима здесь есть, чем заняться! Масса активностей! Всем, кто любит животных, тоже сюда. Расстояния по стране приходится преодолевать большие, переезды длинные и не всегда комфортные. Но можно передохнуть на заправках, везде чисто и красиво. Интернет есть везде, у нас был даже в автобусе. Проблем со связью не возникало.

И люди в Намибии приветливые и гостеприимные.

А это самое главное!

